This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 3093.130

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

~~Х 95~~ # 291

Т. В. ЛОКОТЬ.

Бывшій членъ первой Госуд. Думы и профессоръ Ново-Александрійскаго с.-хоз. института.

Бюджетная и податная политика Россіи.

1. Бюджетные вопросы въ Государственной Думѣ.
2. Бюджеты 1906 и 1907 гг.
3. Историческій очеркъ бюджетной политики Россіи.
4. Развитіе податной политики Россіи.
5. Данныя росписей съ 1881 по 1907 г.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.

Москва.—1908.

Slav 3093.130

2260.

Rußland-Institut der Auslandshochschule

28039

BIBLIOTHEK DES SEMINARS FÜR ORIENTALISCHE SPRACHEN BERLIN

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY OCT 16 1957

6/19 IV 1909

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ тѣхъ поръ, какъ разсмотрѣніе государственнаго бюджета, т.-е. ежегодной росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, перешло изъ рукъ бюрократическихъ органовъ въ руки народнаго представительства и стало однимъ изъ центральныхъ пунктовъ въ работѣ Государственной Думы, интересъ къ бюджетнымъ вопросамъ въ широкой читающей публикѣ чрезвычайно усилился. Критика бюджета въ Государственной Думѣ возбуждаетъ вполнѣ понятный интересъ въ обществѣ и даже въ народныхъ массахъ, такъ какъ съ бюджетомъ связаны самые насущные, самые близкіе и въ то же время самые конкретные, общедоступные интересы и вопросы матеріальной, экономической жизни народа, а *бюджетныя права* народнаго представительства являются наиболѣе реальными, наиболѣе дѣйствительными политическими правами, внѣ обладанія которыми фактически нѣтъ и политическихъ правъ у народнаго представительства.

Неудивительно поэтому, если и общество и даже народныя массы проявляютъ живой интересъ къ бюджетнымъ вопросамъ. Это тѣмъ болѣе понятно, что до сихъ поръ широкаго интереса къ этимъ вопросамъ не только въ народныхъ массахъ, но даже и въ обществѣ у насъ не было и быть не могло, такъ какъ такой интересъ при бюрократическомъ строѣ былъ бы слишкомъ платоническимъ, безцѣльнымъ: составленіе и исполненіе росписей являлось всецѣло дѣломъ бюрократическихъ органовъ, если и подвергавшихся контролю, то контролю тоже чисто бюрократическому, формальному, къ тому же находившемуся въ полнѣйшей зависимости отъ тѣхъ, на кого онъ простирался. Свободная и широкая критика бюрократическаго бюджета, неизбѣжно связан-

ная съ критикой самыхъ основъ бюрократическаго строя, конечно, не могла имѣть мѣста даже въ спеціальной печати до тѣхъ поръ, пока не стала, наконецъ, возможной именно эта критика и самыхъ основъ бюрократическаго строя. Слишкомъ же узкая, техническая критика ежегодно публиковавшихся росписей и всеподданнѣйшихъ докладовъ о нихъ министра финансовъ, конечно, не имѣла общаго широкаго интереса, и потому именно бюджетные вопросы, несмотря на ихъ глубокій жизненный интересъ и значеніе, оставались у насъ въ числѣ наиболѣе спеціальныхъ, недоступныхъ для широкой публики, вопросовъ.

Но положеніе этихъ вопросовъ рѣзко измѣнилось, какъ только разсмотрѣніе бюджета перешло къ Государственной Думѣ. Уже ко времени внесенія росписи на 1907 годъ во вторую Думу въ печати появился цѣлый рядъ книгъ и брошюръ, касавшихся и бюджетныхъ вопросовъ вообще и спеціально русскаго бюджета въ частности. Блестящій успѣхъ книги проф. И. Х. Озерова „Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги?“ показалъ, насколько сильно пробудился въ русской читающей публикѣ интересъ къ вопросамъ государственнаго бюджета. Правда, книга проф. Озерова имѣетъ совершенно исключительный характеръ: она заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересныя данныя о финансовомъ хозяйничаньи бюрократіи, добытыя къ тому же изъ неизданныхъ до сихъ поръ офиціальныхъ документовъ, къ которымъ авторъ получилъ доступъ въ качествѣ ученаго спеціалиста. Какъ бы то ни было, первое изданіе книги проф. Озерова разошлось чрезвычайно быстро, и книга пріобрѣла широкую популярность. Бюджетная комиссія второй Думы, какъ извѣстно, добивалась приглашенія проф. Озерова въ качествѣ спеціалиста для помощи въ работахъ комиссіи по разсмотрѣнію бюджета на 1907 годъ, но, насколько намъ извѣстно, это приглашеніе не могло или не успѣло осуществиться.

Значительнымъ успѣхомъ пользовались и другія книги по бюджетнымъ вопросамъ, напримѣръ, книга прив.-доц. М. И. Боголѣпова „Финансы, правительство и общественные интересы“ или изданіе кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича „Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права“ или даже такая спеціальная, хотя и имѣющая „парламентскій“ ха-

рактеръ книга, какъ книга французскаго профессора Рене Штурма „Бюджетъ“.

Повысился спросъ и на спеціальные курсы по финансовому праву, появившіеся въ новыхъ изданіяхъ въ нынѣшнемъ и въ предыдущемъ году.

Все это съ несомнѣнностью указываетъ на быстро растущую потребность читающей публики въ свѣдѣніяхъ по бюджетнымъ вопросамъ. Большая часть вышедшихъ въ послѣднее время книгъ по этимъ вопросамъ носитъ, однако, или теоретическій характеръ, или касается отдѣльныхъ сторонъ финансоваго хозяйства государства, или разсматриваетъ бюджетъ хотя и въ цѣломъ, но, главнымъ образомъ, по отношенію къ настоящему времени. А между тѣмъ для широкой читающей публики несомнѣнный интересъ представляетъ и знакомство съ бюджетными вопросами въ ихъ историческомъ развитіи, такъ какъ полное пониманіе и правильное освѣщеніе бюджетныхъ вопросовъ въ настоящемъ требуетъ и знакомства съ ихъ прошлымъ.

Вотъ именно эту послѣднюю задачу и преслѣдовалъ авторъ, составляя настоящіеся очерки по бюджетной и податной политикѣ Россіи. Дать хотя бы самый сжатый, но цѣльный историческій очеркъ бюджетной и податной политики Россіи составляло основную цѣль очерковъ. Детальная критика росписи на 1906 и 1907 гг. представляла безусловную необходимость для характеристики русскаго бюджета въ настоящемъ, и эта характеристика дана во второй главѣ книги. Наконецъ разсмотрѣніе бюджета во второй Государственной Думѣ, отношеніе къ этому разсмотрѣнію правительства и общества составляетъ самый источникъ интереса къ бюджетнымъ вопросамъ, а потому именно этому разсмотрѣнію и посвящена первая глава книги, являющаяся какъ бы введеніемъ къ основному содержанію очерковъ.

Таковъ планъ, по которому авторъ составлялъ свои очерки. Не будучи спеціалистомъ въ области финансовой науки, авторъ, конечно, былъ далекъ отъ мысли придать своимъ очеркамъ научный характеръ и значеніе. Настоящіе очерки носятъ чисто публицистическій характеръ, затрагиваютъ и трактуютъ разбираемые вопросы не столько съ спеціально-научной, сколько съ широко-общественной точки зрѣнія, почему авторъ на протяженіи

всей книги и стремился подчеркнуть основную мысль, что только дѣйствительное утвержденіе демократически - конституціоннаго строя и можетъ направить бюджетную и податную политику государства на правильный путь, можетъ облегчить огромное бремя, возложенное на народъ бюрократическимъ характеромъ финансоваго хозяйства государства.

Авторъ увѣренъ въ томъ, что спеціальная критика откроетъ въ его очеркахъ не мало недостатковъ и недочетовъ; но онъ будетъ очень радъ, если за его очерками критикой будетъ признано значеніе источника хотя бы для элементарнаго ознакомленія широкой читающей публики съ историческимъ развитіемъ бюджетной и податной политики Россіи и съ бюджетными вопросами въ настоящемъ.

Только живой интересъ читателей къ бюджетнымъ вопросамъ и недостатокъ книгъ, трактующихъ эти вопросы именно съ такихъ точекъ зрѣнія, побудили автора предложить вниманію читателей его скромные очерки, часть которыхъ—въ свое время—печаталась въ періодическихъ изданіяхъ.

Т. Локоть.

Кіевъ, ноябрь 1907 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. *Стр.*

Бюджетные вопросы въ Государственной Думѣ 1

Вопросы бюджетнаго права въ первой Думѣ.—Рѣчи *М. М. Ковалевскаго.*—Разсмотрѣніе бюджета второй Думой.—Рѣчь министра финансовъ *Коковцева.*—Отвѣтъ *Кутлера.*—Вторая рѣчь Коковцева и „послѣдняя народная копейка".—*Бюджетныя права Думы и Государственнаго Совѣта.*—Отношеніе къ бюджету различныхъ партій — лѣвыхъ, правыхъ и конституціонно-демократической.—Отношеніе печати: „Голосъ Москвы" и „Новое Время".

ГЛАВА II.

Бюджеты и финансовыя „предположенія" переходнаго періода 1906—1907 гг. 45

„Послѣдняя" роспись 1907 г. Характерныя черты бюрократическихъ росписей: преобладаніе отрицательныхъ расходовъ, склонность къ „кредитнымъ операціямъ" и „осторожности", истощеніе платежныхъ силъ населенія, заботливость объ имущихъ классахъ.—Вторая „послѣдняя" роспись 1907 года. — *Во что обошлась Россіи война съ Японіей?—Предположенія* министра финансовъ *Коковцева о новыхъ налогахъ.*—Вопросъ *о подоходномъ налогѣ.*

ГЛАВА III.

Бюджетная политика. (Историческій очеркъ) 92

Первыя попытки русскихъ росписей.—Роспись 1680 года.—Роспись 1701 года.—Роспись 1724 года.—Улучшеніе въ дѣлѣ составленія росписей при Екатеринѣ.—Роспись 1762 года. — Записка кн. Вяземскаго и гр. Безбородко.—Роспись 1797 года. Учрежденіе Министерства Финансовъ.—„Планъ финансовъ" Сперанскаго.—Бюджетные дефициты 1806—1815 гг.—Улучшеніе финансовъ при гр. Канкринѣ.—„Правила" 1862 года.—Бюджеты при М. Х. Рейтернѣ, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградскомъ и С. Ю. Витте.—*Ростъ государственныхъ долговъ.*

ГЛАВА IV.

Податная политика Россіи. (Историческій очеркъ) 150

Введеніе *подушной подати* въ 1722 году. — Характеръ этой подати.—Натуральныя и *земскія* повинности.—Попытка обложенія *крупнаго землевладѣнія* при Сперанскомъ. — *Прогрессивно-подоходный налогъ.* — Попытки улучшенія податной системы при Канкринѣ и при Рейтернѣ.—Предложеніе объ отмѣнѣ подушной подати въ 1862 г. — Противодѣйствіе крупнаго землевладѣнія.— Отмѣна подушной подати при Бунге.—Ростъ косвеннаго обложенія. — *Выкупные платежи,* ихъ характеръ, ихъ прибыльность для казны, фиктивность „жертвъ" казны въ пользу крестьянъ при пониженіи и отмѣнѣ выкупныхъ платежей.—Ростъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. — *Убыточность желѣзнодорожнаго хозяйства казны.* — Характеръ этого хозяйства по отношенію къ интересамъ трудовыхъ классовъ населенія. — *Зависимость государственнаго бюджета отъ состоянія крестьянскаго хозяйства. — Бюджетъ крестьянскаго хозяйства. — Антагонизмъ между крестьянскимъ и государственнымъ бюджетомъ. — Политика бюджетная и общегосударственная.*

Приложенія 215

Таблица I—Обыкновенные доходы за 1881—1894 гг.
„ II—Чрезвычайные „ „ „ „ „
„ III—Обыкновенные расходы „ „ „ „
„ IV—Чрезвычайные „ „ „ „ „
„ V—Государственные доходы за 1895—1902 гг.
„ VI—Обыкновенные расходы „ „ „ „
„ VII—Чрезвычайные „ „ „ „ „
„ VIII—Обыкновенные государственные доходы за 1902—1907 гг.
„ IX—А. Обыкновенные расходы . . . . . „ „ „ „
„ „ В. Чрезвычайные „ по росписи 1906 и 1907 гг.

ГЛАВА I.

Бюджетные вопросы въ Государственной Думѣ.

Съ учрежденіемъ Государственной Думы развитіе русской бюджетной и податной политики дѣлается тѣсно связаннымъ съ судьбой народнаго представительства.

Интересъ русскихъ читателей къ вопросамъ бюджета, т.-е. росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, долженъ быстро возрастать по мѣрѣ того, какъ нарождающееся русское народное представительство будетъ все болѣе и болѣе отвоевывать и осуществлять тѣ законодательныя права и функціи, которыя вытекаютъ изъ самой природы народнаго представительства.

Послѣ земельнаго вопроса самымъ острымъ и жгучимъ для Россіи является вопросъ бюджетный, т.-е. вопросъ о налогахъ, изъ которыхъ получаются доходы государства, и о расходахъ, на которые государство тратитъ народныя деньги.

Бюджетный вопросъ, совершенно такъ же, какъ и земельный, самымъ близкимъ и чувствительнымъ образомъ затрагиваетъ и возбуждаетъ интересы всѣхъ классовъ населенія Россіи. На почвѣ земельнаго и бюджетнаго вопросовъ неизбѣжно будетъ происходить особенно упорная борьба между защитниками интересовъ имущихъ классовъ и между огромными массами трудового народа и ихъ представителями. Весь смыслъ совершающейся политической борьбы заключается именно въ необходимости улучшить экономическое положеніе трудящихся массъ населенія. Пока эта задача такъ или

иначе не будетъ выполнена, политическая жизнь страны не можетъ войти въ спокойныя, нормальныя формы. Упорство защитниковъ стараго строя поэтому не только разорительно для страны, но и совершенно безполезно, потому что имъ не сломить того движенія, которое исходитъ изъ самыхъ глубинъ народной жизни, народнаго горя и разоренія.

Русское народное представительство, несмотря на полное отсутствіе политическаго опыта, несмотря на ту возбужденную, стихійную обстановку, въ которой ему пришлось совершать свои первые шаги, вполнѣ правильно поняло и оцѣнило всю важность бюджетнаго вопроса какъ для судьбы самого народнаго представительства, такъ и для судьбы государства, для его политическаго успокоенія и дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія, которое немыслимо безъ поднятія его производительныхъ силъ, въ свою очередь, такъ тѣсно связанныхъ съ бюджетной и податной политикой государства.

На эту политику было обращено вниманіе и первой, и второй Государственной Думы. Правда, первая Дума не дожила до разсмотрѣнія бюджета; вторая же, можно сказать, начала свою законодательную дѣятельность именно съ разсмотрѣнія бюджета, который, въ силу основныхъ законовъ, долженъ былъ быть внесенъ въ нее въ самый день ея открытія, такъ какъ бюджетъ нынѣшняго — 1907 — года, въ виду роспуска первой Думы, остался не утвержденнымъ, и государственныя средства расходовались лишь условно — впредь до утвержденія бюджета Думой.

Но уже и первая Дума обратила самое серьезное вниманіе именно на свои бюджетныя права. Наиболѣе выдающійся и компетентный знатокъ конституціоннаго права, проф. М. М. Ковалевскій, особенно настойчиво подчеркивалъ необходимость включенія въ „отвѣтный адресъ“ Думы того пункта, который касался бюджетныхъ правъ народнаго представительства.

„Палатѣ народныхъ представителей,—говорилъ М. М. Ковалевскій,—принадлежитъ право утвержденія росписи, или государственнаго бюджета. Съ XV вѣка этого права держатся въ Англіи, и нѣтъ свободнаго конституціоннаго государства въ Европѣ и Америкѣ, которое бы не признавало, что верх-

няя палата можетъ только принять или отвергнуть цѣликомъ такъ называемый денежный билль, прошедшій ранѣе черезъ нижнюю палату, вносить же измѣненія въ него она не можетъ".

Въ этихъ словахъ М. Ковалевскаго уже сказалась забота о томъ, чтобы какъ-нибудь ограничить въ бюджетныхъ правахъ нашу „верхнюю палату", т.-е. Государственный Совѣтъ, усилить права „нижней палаты", т.-е. Думы. Но такъ какъ въ сущности, и бюджетныя „права" самой Думы являлись и являются пока чрезвычайно проблематичными, то въ другой своей рѣчи, 4 мая, М. Ковалевскій горячо убѣждалъ Думу: „Не выпускайте изъ вашихъ рукъ эту драгоцѣнную власть (нормальное распредѣленіе податныхъ тягостей),—власть, которая вамъ принадлежитъ по праву, такъ какъ вы представляете собой массу плательщиковъ... Я протестую противъ того правила, по которому, если новый бюджетъ не будетъ принятъ вами къ сроку, можно будетъ взиманіе налоговъ съ населенія производить на основаніи стараго бюджета, бюджета прошлаго года. Этого права вы *не можете признать,* это есть нападеніе на существенные атрибуты законодательной власти, признанной за вами манифестомъ 17 октября".

Къ сожалѣнію, М. Ковалевскій не останавливался въ своихъ рѣчахъ на выясненіи путей, которыми Дума могла бы обойти тѣ „правила", о которыхъ онъ говорилъ и которыя, несмотря на противорѣчіе ихъ манифесту 17 октября, тѣмъ не менѣе представляютъ теперь не „правила", а 116 ст. „основныхъ законовъ" россійскаго государства, изданныхъ за четыре дня до ея открытія, т.-е. 23 апрѣля 1906 года.

Если бы Дума прямо, открыто и рѣшительно поставила вопросъ о своихъ дѣйствительныхъ „правахъ", то она пришла бы къ убѣжденію, что эти права русскому народному представительству придется еще только добывать... Завоеваніе это еще будетъ имѣть, вѣроятно, свою исторію, такъ какъ бюджетное право, право распоряжаться „государственнымъ кошелькомъ", принадлежитъ къ наиболѣе существеннымъ, наиболѣе реальнымъ правамъ, обезпечивающимъ *дѣйствительную* силу народнаго представительства.

Но у первой Думы почти не было конкретныхъ поводовъ къ борьбѣ за бюджетныя права народнаго представительства, и она удовлетворилась упоминаніемъ объ этихъ правахъ въ отвѣтномъ адресѣ, согласно мыслямъ и формулировкѣ М. М. Ковалевскаго.

Однако и въ первой Думѣ была образована бюджетная комиссія, горячо принявшаяся за сложную подготовительную работу по разсмотрѣнію бюджета на 1907 годъ, а также отдѣльныхъ бюджетныхъ предположеній правительства въ 1906 году. Столкновеніе первой Думы съ правительствомъ по вопросу о займѣ на удовлетвореніе продовольственной нужды закончилась даже побѣдой Думы, настоявшей на томъ, чтобы правительство постаралось найти средства на продовольственныя потребности и помимо займовъ—путемъ сокращенія бюджета. Сверхъ ожиданія и Государственный Совѣтъ согласился съ Думой, и первая реальная „побѣда" народнаго представительства воплотилась въ форму закона. Конечно, побѣда оказалась слишкомъ платонической, такъ какъ само существованіе Думы висѣло уже на волоскѣ, вскорѣ и совсѣмъ прекратилось, а заемъ, — выпускъ 4% ренты на 50 мил. руб., на которомъ настаивало правительство, въ концѣ-концовъ былъ все-таки сдѣланъ.

Это былъ первый суровый урокъ народному представительству, между прочимъ, и по вопросу о борьбѣ за бюджетныя права. Этотъ урокъ реально показывалъ, что и бюджетныя права народнаго представительства могутъ быть прочными только тогда, когда прочны самыя основы существованія народнаго представительства, т.-е. когда реальныя силы, стоящія на стражѣ представительства, достаточно гарантируютъ его отъ воздѣйствія силъ противодѣйствующихъ.

Еще реальнѣе и уже вполнѣ конкретно, въ чисто законодательныхъ формахъ и условіяхъ, проявилась борьба народнаго представительства за бюджетныя права во второй Думѣ, въ которой разсмотрѣніе бюджета на 1907 годъ играло весьма важную и замѣтную роль, составило одну изъ наиболѣе яркихъ и интересныхъ страницъ въ ея жизни и дѣятельности.

Мы остановимся поэтому на этой страницѣ въ жизни второй Думы съ возможной полнотой и детальностью, такъ какъ это дастъ намъ возможность намѣтить цѣлый рядъ вопросовъ, имѣющихъ существенное значеніе въ пониманіи практическихъ сторонъ бюджетной и податной политики государства—въ тѣсной связи съ правами и дѣятельностью въ этомъ отношеніи народнаго представительства.

Мы прослѣдимъ поэтому и отношеніе правительства—въ лицѣ министра финансовъ—къ бюджетнымъ правамъ народнаго представительства; и отношеніе главнѣйшихъ политическихъ партій и даже, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, отношеніе печати, какъ выразительницы различныхъ политическихъ теченій въ обществѣ.

Начало обсужденія бюджета во второй Думѣ ознаменовалось вполнѣ согласно съ парламентскими обычаями—выступленіемъ министра финансовъ съ обширной объяснительной рѣчью, въ которой проявилось и отношеніе министра къ бюджетнымъ правамъ народнаго представительства и характеръ пониманія тѣхъ задачъ, которыя дѣйствующая исполнительная власть государства считала необходимымъ выполнить въ области государственныхъ финансовъ.

Вся рѣчь Коковцева была построена на двухъ основныхъ положеніяхъ. Съ одной стороны, Коковцевъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что „Дума не можетъ имѣть должной опытности въ бюджетной техникѣ“; съ другой стороны, весь вопросъ, всю задачу Думы, по отношенію къ внесенному на ея разсмотрѣніе и утвержденіе бюджету, Коковцевъ, очевидно, сводилъ только къ правильному использованію Думой этой „бюджетной техники“, къ пониманію только одной технической, т.-е. чисто формальной стороны бюджета, не допуская, что Дума не только въ правѣ, но и обязана отнестись къ бюджету прежде всего по существу, а не съ формальной точки зрѣнія. Все содержаніе росписи, т.-е. всѣ внесенные въ нее правительствомъ расходы, Коковцевъ считалъ въ сущности не подлежащими измѣненію по волѣ Думы; всю систему финансовой и податной политики государства Коковцевъ какъ бы исключалъ изъ обсужденія Думы,

говоря: „Нужно только, чтобы разсмотрѣніе бюджета было чисто дѣловое (?!), чтобы въ основаніе всего была положена тщательная безпристрастная и уравновѣшенная (?) провѣрка исчисленій (!), внесенныхъ правительствомъ“.

„Провѣрить исчисленія“—и только! Поискать, нѣтъ ли въ „исчисленіяхъ правительства“ ариѳметическихъ ошибокъ, и затѣмъ послушно утвердить бюджетъ.

Такъ говорилъ министръ финансовъ съ народными представителями по самому больному для народа вопросу,—по вопросу, такъ тѣсно связанному съ его экономическимъ разореніемъ и истощеніемъ.

Но для министра финансовъ этого экономическаго истощенія огромнѣйшей массы плательщиковъ, повидимому, не существуетъ, такъ какъ онъ позволилъ себѣ въ Думѣ даже весело пошутить, посмѣяться надъ этой выдумкой враговъ правительства. Въ отвѣтъ на рѣчь Кутлера Коковцевъ съ ироніей замѣтилъ: „Ссылку на послѣднюю народную копейку мы слышимъ уже 60 лѣтъ, а она все еще существуетъ“, сказано было въ одной телеграммѣ, а въ другой даже такъ: „Однако, съ Божьей помощью эта послѣдняя копейка пропивается до сихъ поръ!“

Такъ шутилъ министръ финансовъ надъ народной бѣдностью, надъ „послѣдней“ народной копейкой. Болѣе тонкимъ, но не менѣе обиднымъ было и отношеніе Коковцева къ самимъ народнымъ представителямъ.

Не говоримъ уже о тѣхъ нравоученіяхъ Думѣ, которыя свысока и покровительственно разсыпалъ Коковцевъ во всей своей рѣчи, поучая Думу, какъ нужно ей разсматривать бюджетъ. Все это еще относится больше къ формѣ, которая тоже, конечно, является чрезвычайно характерной: къ такой формѣ рѣчи могутъ прибѣгать только люди, чувствующіе свою силу, свое превосходство надъ собраніемъ, къ которому они говорятъ.

Но гораздо важнѣе отмѣтить характеръ рѣчи не по формѣ, а по самому существу. А этотъ характеръ особенно ярко сказался въ тѣхъ словахъ министра финансовъ, въ которыхъ онъ подчеркнулъ, что правительство можетъ

обойтись и безъ утвержденія бюджета, если бы Дума на это рѣшилась.

Коковцевъ сказалъ: „Разсмотрѣніе бюджета вообще, а предлагаемаго вамъ въ особенности, дѣло исключительной срочности, не допускающее ни малѣйшаго промедленія... Оно должно быть поставлено внѣ всякихъ очередей. Этого требуютъ насущнѣйшіе интересы всего государства и нужда всего населенія, и не потому, что безъ утвержденія внесенной мною государственной росписи трудно своевременно выполнить тѣ или иные расходы государства, потому что такой трудности на самомъ дѣлѣ теперь нѣтъ, ибо въ распоряженіи правительства имѣются необходимые и законные къ тому способы, но это необходимо по соображеніямъ высшаго государственнаго порядка (!)“.

Объ этихъ „высшихъ соображеніяхъ“ Коковцевъ не счелъ нужнымъ распространяться передъ такой Думой, для которой, по его убѣжденію, даже „самый предметъ исчисленій составляетъ пока невѣдомый лабиринтъ“ (!),—„необходимо потому, что великое государство, какъ наша родина... не можетъ въ дѣлѣ государственныхъ финансовъ жить правильной жизнью безъ утвержденнаго бюджета, составляющаго не излишнюю роскошь“.

Смыслъ этой напыщенной по формѣ мысли министра финансовъ не совсѣмъ ясенъ. Съ одной стороны, онъ бросаетъ Думѣ въ своемъ родѣ—„не запугаете“, предупреждая ее, что правительство можетъ обойтись и безъ утвержденія Думой бюджета на 1907 годъ; съ другой стороны, „наша родина, которая осталась и останется великою“, не можетъ жить правильной жизнью безъ утвержденнаго бюджета.

Почему же? Вѣдь „въ распоряженіи правительства имѣются необходимые и (даже!) законные способы“... Такъ почему же даже это всесильное и законное правительство хочетъ все же получить утвержденіе бюджета отъ той Думы, которая даже къ „провѣркѣ исчисленій правительства“, по его убѣжденію, едва ли сумѣетъ отнестись какъ слѣдуетъ?

Секретъ „высшихъ государственныхъ соображеній“ заключается, по всей вѣроятности, въ необходимости думской

санкціи бюджету для того, чтобы правительство легче могло заключить необходимые ему займы за границей, такъ какъ „заграница“ относится къ русскому народному представительству не такъ, какъ наши министры, и безъ согласія Думы денегъ можетъ даже совсѣмъ не дать.

Какъ бы то ни было, въ первой своей рѣчи министръ финансовъ оставался только на чисто формальной почвѣ и отнесся къ дѣлу съ чисто бюрократическимъ безстрастіемъ и нѣкоторымъ высокомѣріемъ по отношенію къ народнымъ представителямъ.

На что разсчитывалъ министръ, начавъ такимъ образомъ свои выступленія передъ Думой по бюджетному вопросу, сказать трудно. Скорѣе всего это была обычная бюрократическая манера и мысли, и слова, и дѣла. Однако въ отвѣтъ на рѣчь члена Думы Кутлера министру пришлось выйти изъ сферы „бюджетной техники“ и „провѣрки исчисленій правительства“, которую онъ хотѣлъ положить въ основу разсмотрѣнія бюджета Думой.

Пришлось коснуться бюджета по существу.

Самые очевидные, крупные и общеизвѣстные недостатки нашей бюджетной и податной политики были еще разъ, но уже съ думской трибуны, указаны и „формулированы“ въ болѣе, чѣмъ умѣренной, но дѣловой рѣчи Кутлера. На нихъ и можно и должно было отвѣчать только по существу, а не съ формальной точки зрѣнія, оправдывая эти недостатки „обстоятельствами“ и „смутой“, подчеркивая „трудность“ ихъ устраненія, или съ апломбомъ заявляя, что все обстоитъ благополучно.

Но представитель твердой бюрократической власти съ необыкновенной самоувѣренностью все-таки продолжалъ стоять на чисто-формальной точкѣ зрѣнія и, конечно, съ этой точки зрѣнія отстаивалъ бюрократическія позиціи съ блестящимъ успѣхомъ. Бюрократы могли радоваться, но для народа и для народныхъ представителей все несовершенство и разорительность бюджетной политики бюрократіи отъ такихъ „блестящихъ успѣховъ“ министра нисколько не уменьшились.

Припомнимъ и разберемъ важнѣйшіе пункты отвѣта Коковцева въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были произнесены въ Думѣ.

Кутлеръ указалъ, что многомилліонный бюджетъ Вѣдомства Императрицы Маріи, — этого архаическаго пережитка древне-крѣпостного барства, сословности, бюрократической затхлости и безконтрольности, до сихъ поръ совсѣмъ не значится въ обще-государственномъ бюджетѣ и не подчиняется даже государственному контролю. А Коковцевъ сослался на то, что бюджетъ этого Вѣдомства и никогда не включался въ государственную роспись, такъ что „если это недостатокъ, то его нужно будетъ еще восполнить въ порядкѣ законодательномъ".

Конечно, такъ. Но министру финансовъ весьма не мѣшало бы хотя бы въ своей рѣчи къ Думѣ или въ объяснительной запискѣ къ росписи указать на этотъ существенный недостатокъ въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ. Вмѣсто этого министръ предпочелъ замалчивать передъ народными представителями фактъ почти полной безотчетности Вѣдомства, ежегодные расходы котораго достигаютъ весьма крупной цифры—10—15 милліоновъ рублей.

Кутлеръ указалъ на то, что въ росписи есть расходы, внесенные въ нее на основаніи словесныхъ докладовъ министровъ Государю и на основаніи весьма устарѣлыхъ законовъ. А Коковцевъ весьма побѣдоносно отвѣчалъ: „Пока эти законы не отмѣнены, они должны быть примѣняемы", что же касается словесныхъ докладовъ, то еще посмотримъ много ли окажется такихъ назначеній; „вотъ если дѣйствительно окажется, что многіе милліоны, можетъ-быть, десятки, а можетъ-быть, и сотни милліоновъ оправдываются словесными Высочайшими повелѣніями, тогда мы будемъ имѣть право сказать, что смѣты никуда не годятся!.." А если только десятки и сотни тысячъ рублей, тогда—ничего? Правильно.

Кутлеръ указалъ на коренные недостатки нашей налоговой системы—на ничтожное развитіе прямыхъ налоговъ, на отсутствіе достаточно правильно построеннаго подоходнаго налога и на подавляющее преобладаніе косвенныхъ нало-

говъ, особенно тяжело ложащихся на бѣднѣйшую часть населенія. А Коковцевъ радостно ухватился за признаніе Кутлера, что безъ косвенныхъ налоговъ обойтись невозможно, и побивалъ Кутлера этимъ же его признаніемъ; разъ невозможно, такъ о чемъ и разговаривать! Даже нравоученіе прочиталъ: „детально переломать все легко, критиковать еще легче, но создавать очень трудно".

И народъ знаетъ, что создавать „трудно"; но онъ требуетъ отъ исполнительной власти усилій въ этомъ направленіи, требуетъ творческихъ силъ и стремленій, а были ли они у безконтрольной бюрократіи? Ихъ не было, и народъ это объясняетъ именно безконтрольностью и безотвѣтственностью правительства. Народъ требуетъ поэтому отвѣтственности исполнительной власти передъ властью законодательной.

Кутлеръ указалъ на многочисленныя язвы въ нашемъ расходномъ бюджетѣ. Коковцевъ смѣло отшучивался: „Тутъ ужъ досталось всѣмъ. Ни одно вѣдомство не было пощажено. Ни одно вѣдомство не ведетъ правильно своего дѣла, и вездѣ злоупотребленія, нехозяйственность, неумѣлость". А что же больше, кромѣ отшучиванія? Да ничего, кромѣ надежды: „вотъ посмотримъ, такъ ли это будетъ сказано въ бюджетной комиссіи, когда она разберетъ сама по косточкамъ это дѣло". Трудно надѣяться, чтобы бюджетная комиссія нашла, что все обстоитъ благополучно въ такой степени, какъ это казалось министру финансовъ.

Но министръ финансовъ съ завидной смѣлостью виталъ въ области совершенно неубѣдительныхъ словъ и надеждъ да бросилъ въ лицо голодному русскому народу министерскую остроту о „послѣдней копейкѣ", которая, по убѣжденію министра, „съ Божьей помощью пропивается до сихъ поръ".

Такъ же смѣло и такъ же неубѣдительно, безсодержательно, однѣми фразами министръ финансовъ защищалъ желѣзнодорожное хозяйство государства, находя, что и здѣсь все обстоитъ благополучно. Даже насчетъ государственныхъ долговъ Россіи, превышающихъ долги самыхъ богатыхъ государствъ Европы, Коковцевъ смотрѣлъ весьма оптимисти-

чески: „Иное дѣло платить 300 мил. странѣ, у которой 45 мил. населенія, и странѣ, у которой 150 мил. населенія“. Значитъ, съ Божьей помощью все выплатимъ, и еще можно прибавить! Не унывай, русскій народъ,—вѣдь твоя послѣдняя копейка все еще пропивается,—найдется и на уплату долговъ, надѣланныхъ самовластной и безконтрольной бюрократіей?! Отличный отвѣтъ министра финансовъ народному представительству!

Въ заключеніе Коковцевъ „завѣрялъ“ Думу, что „устойчивость нашей денежной системы покоится на твердыхъ основаніяхъ“.

Вся рѣчь министра была пересыпана блестками полемическаго задора и остроумничанья, но весьма мало содержала сколько-нибудь положительныхъ и убѣдительныхъ аргументовъ противъ той общей критики нашего бюджета, какой подверглась впервые внесенная въ Думу государственная роспись.

А неосторожно брошенная министромъ фраза о „послѣдней народной копейкѣ“ заставила его даже оправдываться. 27 марта министръ финансовъ произнесъ въ Думѣ длинную оправдательную рѣчь. Министръ чувствовалъ, что оправдаться не мѣшаетъ; министръ старался оправдаться, но нельзя сказать, чтобы это ему удалось.

Въ рѣчи своей 20 марта Коковцевъ произнесъ неосторожную, но чрезвычайно характерную для бюрократическаго министра фразу о „послѣдней народной копейкѣ“, которая, по мнѣнію министра, „и до сихъ поръ съ Божьей помощью пропивается“. Смыслъ фразы совершенно ясенъ. Онъ указываетъ на внутреннее убѣжденіе министра въ томъ, что платежныя силы и средства народныхъ массъ далеко еще не истощились, и что церемониться съ народнымъ карманомъ поэтому не слѣдуетъ или слѣдуетъ только для видимости. Фраза была весьма неосторожна, и Коковцевъ попытался оправдаться: „Отнесся я отрицательно къ сдѣланному здѣсь заявленію о томъ, что податная система, устроенная въ настоящее время правительствомъ, извлекаетъ изъ народа послѣднюю копейку; вотъ къ этому заявленію, а не къ

самой „народной копейкѣ“ высказалъ я отрицательное отношеніе“.

Мальчикъ, художественныя способности котораго были еще слабы, нарисовавши какую-то фигуру, подписалъ: „Се—левъ, а не собака!“ А министръ финансовъ, въ художественныхъ талантахъ котораго сомнѣваться нѣтъ основаній, подъ своимъ совершенно яснымъ рисункомъ старался подписать: „Се—собака, а не левъ!“ Напрасныя старанія.

Далѣе Коковцевъ объяснялъ народнымъ представителямъ, „почему именно министръ финансовъ, или, вѣрнѣе, правительство, не сочло себя обязаннымъ въ такъ называемыхъ широкихъ штрихахъ открывать передъ вами горизонты финансовыхъ преобразованій, направленныхъ къ облегченію податной тяжести, лежащей на населеніи. Но онъ повторилъ только свой прежній голословный, ничѣмъ не обоснованный отрицательный отвѣтъ: просто потому, что „вопросъ о критикѣ есть дѣло въ высшей степени легкое. Оно является, наоборотъ, въ высшей степени труднымъ, когда приходится брать на себя отвѣтственную задачу не только обѣщать, но и исполнять“.

И, ухватившись за „трудность“ дѣла, министръ старался оправдать отсутствіе *всякихъ* усилій правительства въ этомъ направленіи. Чувствуя свою позицію—съ его точки зрѣнія—весьма твердой, Коковцевъ пересыпалъ свое многословіе ироніей и веселыми литературными справками и шутками.

Непозволительная въ устахъ министра иронія слышалась уже въ самой постановкѣ вопроса. Никто не просилъ министра „открывать горизонты будущаго“, да еще „въ такъ называемыхъ широкихъ штрихахъ“, т.-е. въ формѣ тѣхъ общихъ принципіальныхъ или теоретическихъ положеній и пожеланій, надъ которыми все время и иронизировалъ Коковцевъ, конечно, предпочитающій точку зрѣнія практическаго дѣльца, забывая, что „практическій дѣлецъ“ бюрократіи—это прежде всего человѣкъ безъ всякихъ принциповъ, что едва ли полезно для дѣльцовъ не бюрократическихъ, а настоящихъ, т.-е. людей дѣйствительнаго дѣла.

Гдѣ же то „дѣло“, которое совершила въ интересахъ народа безконтрольная бюрократія въ области финансовой и экономической политики государства?

Если это „дѣло“ было сдѣлано, если были даже серьезныя попытки сдѣлать его, то почему бы министру финансовъ—„вѣрнѣе правительству“—не остановиться на этой положительной, творческой сторонѣ дѣятельности бюрократіи въ объяснительной запискѣ къ росписи, впервые внесенной на разсмотрѣніе народнаго представительства?

Но правительство предпочло остаться на сухо-формальной почвѣ, которая, конечно, лучше прикрываетъ отсутствіе творческихъ силъ въ бюрократіи и истинный анти-народный характеръ ея дѣятельности.

И Дума не могла не указать, не могла не подвергнуть рѣзкой и именно *общей*, принципіальной критикѣ не столько внесенную роспись, сколько направленіе, духъ и коренные недостатки финансовой и экономической политики правительства.

Такая *общая* критика была глубоко „дѣловой“ съ точки зрѣнія интересовъ народа, страны, несмотря на то, что съ точки зрѣнія министровъ, съ точки зрѣнія формальной техники и практики, эта критика и представлялась лишенной „дѣлового“ характера.

Министръ же финансовъ все время старался уклоняться отъ отвѣтовъ по существу, отдѣлывался только гораздо болѣе *общими* фразами и мыслями, не подтверждая ихъ никакими точными цифровыми данными и фактами и, въ довершеніе всего, пустился въ литературныя цитаты, которыя едва ли подходили къ той обстановкѣ, въ какой русскому народному представительству *впервые* пришлось привлечь къ отвѣту вѣковое хозяйничанье нашей бюрократіи.

Иронизируя надъ „такъ называемыми широкими штрихами“, Коковцевъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи пустить пыль въ глаза ссылкой на стариннаго французскаго экономиста Бастіа—„ученаго, который,—признается самъ Коковцевъ—конечно, не чета нынѣшнему министру финансовъ“.

Конечно, не чета. Но и Бастіа былъ насквозь пропитанъ горячей защитой интересовъ буржуазіи, интересовъ крупнаго капитала, враждой къ новому въ то время экономическому направленію, выступавшему на защиту интересовъ трудовыхъ массъ народа. Не удивительно поэтому, что Коковцевъ, который, „конечно, не чета“ буржуазному ученому экономисту, находитъ у него то, что ему нужно.

Но едва ли нужно было русскому министру финансовъ въ такой тяжелый для страны моментъ щеголять остротами Бастіа по поводу „опытовъ надъ удобреніемъ и надъ яйцами“, по поводу „музыкантовъ и танцовщицъ“.

Въ примѣненіи къ тому моменту и къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ русскому народному представительству впервые приходилось обсуждать государственный бюджетъ, подобныя остроты представлялись по меньшей мѣрѣ неумѣстными и тѣмъ оправданіемъ „труднаго“ положенія министра, ради котораго произносилъ ихъ Бастіа, въ нашихъ условіяхъ ни въ какомъ случаѣ не являлись. Но русскій министръ финансовъ, не будучи въ состояніи оправдать финансовую и экономическую политику бюрократическаго правительства болѣе солидно, ограничился взятыми напрокатъ у французскаго буржуазнаго экономиста остротами. Собственнаго же изобрѣтенія государственныя „высшія“ соображенія Коковцева ограничились поученіемъ народному представительству о томъ, что „самое грандіозное зданіе слагается изъ мелкихъ кирпичиковъ и что каждый кирпичикъ слагается изъ безчисленнаго количества атомовъ. Когда же вы разберете эти атомы (?), тогда найдете, какъ легко критиковать и трудно создавать“.

Если бы русскіе министры финансовъ занимались только тѣмъ, что „разбирали бы атомы“, изъ которыхъ слагаются кирпичики, бѣда была бы не большая, особенно если бы за такое безвредное занятіе они не брали съ народа такого крупнаго содержанія. Но наши министры „разбираютъ“ не атомы, а „послѣднюю народную копейку“, строятъ изъ нея грандіозное, но никуда негодное зданіе безконтрольной бюрократической государственности, топятъ эту послѣднюю

народную копейку въ дальневосточныхъ водахъ или въ крови убиваемыхъ и избиваемыхъ—во имя той же бюрократической государственности—самихъ же обладателей этой послѣдней копейки! Это занятіе далеко уже не такое невинное, какъ „разбирать атомы", изъ которыхъ слагаются кирпичики, и за такое занятіе министры должны отвѣчать передъ народнымъ представительствомъ!

И они отвѣчаютъ на самый больной, на самый кровный вопросъ изстрадавшагося народа, не серьезными, не солидными объясненіями, а остротами, почерпнутыми изъ архивовъ западно-европейской экономической науки ярко буржуазнаго направленія.

Таковы были выступленія министра финансовъ при первомъ предварительномъ обсужденіи проекта государственной росписи во второй Думѣ. Практическая цѣль этихъ выступленій заключалась въ томъ, чтобы побудить Думу поскорѣе передать роспись въ бюджетную комиссію и поскорѣе утвердить бюджетъ. Конечно, объ этомъ нечего было даже и стараться.

Какъ и слѣдовало ожидать, Дума—подавляющимъ большинствомъ—постановила передать роспись на 1907 годъ въ бюджетную комиссію.

Такое рѣшеніе Думы являлось наиболѣе цѣлесообразнымъ и желательнымъ. Отказъ въ передачѣ росписи даже въ бюджетную комиссію, какъ предполагали соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, повелъ бы только къ немедленному роспуску Думы и въ то же время не далъ бы для народнаго сознанія всего того, что должна была дать полная и рѣшительная критика росписи въ бюджетной комиссіи и затѣмъ въ самой Думѣ, при окончательномъ обсужденіи и вотированіи бюджета Думой.

Бюджетная комиссія и Дума не были связаны срокомъ обсужденія росписи на 1907 годъ, такъ какъ и внесена была эта роспись не тогда, когда она должна быть внесена. Нормально роспись должна вноситься въ Думу 1 октября предшествующаго смѣтному года, т.-е. роспись на 1907 годъ должна была быть внесена 1 октября 1906 года, а разсмо-

трѣніе ея должно заканчиваться къ 1 декабря, т.-е. черезъ два мѣсяца. Но такъ какъ роспись на 1907 годъ была внесена не во-время, и такъ какъ фактически правительство расходовало бюджетныя средства безъ утвержденія бюджета, согласно ст. 116 основныхъ законовъ, то Дума формально не связана была никакимъ срокомъ разсмотрѣнія той росписи, утвержденіе которой въ сущности не имѣло почти никакого практическаго значенія, такъ какъ большая часть средствъ по этой росписи уже была бы израсходована правительствомъ. Дума могла расматривать бюджетъ хоть до 1 октября, т.-е. до времени внесенія бюджета на 1908 годъ, если бы она не находила въ этомъ никакихъ дѣйствительныхъ практическихъ неудобствъ для государственнаго хозяйства.

Конечно, въ такомъ затягиваніи обсужденія бюджета не было особенной надобности, но Думѣ не было основаній и торопиться. Ей предстояло обсужденіе росписи въ бюджетной комиссіи по существу, независимо отъ рамокъ, указанныхъ закономъ. Если *измѣнять* роспись комиссія и Дума въ состояніи была только въ предѣлахъ этихъ рамокъ, то *обсуждать* ее онѣ, конечно, могли совершенно свободно. Это обсужденіе, сопровождаемое точнымъ и детальнымъ ознакомленіемъ съ сокровенными тайниками росписи, дало бы богатый и убѣдительный матеріалъ для дальнѣйшей критики росписи въ Думѣ. А эта критика такъ полезна и такъ необходима для страны!

Правда, и въ этомъ отношеніи надежды могли быть нѣсколько обмануты: правительство могло отказываться доставлять бюджетной комиссіи полныя необходимыя справки и свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ статьямъ росписи, которыя не подлежатъ измѣненію Думою. Такой отказъ, конечно, былъ бы незаконенъ, такъ какъ безъ такихъ справокъ и свѣдѣній росписи и „разсматривать“ нельзя, тѣмъ болѣе нельзя „утверждать“ ее.

Большая часть росписи, однако, согласно основнымъ законамъ, не изъята и отъ измѣненій, а тѣмъ болѣе отъ обсужденія. Министръ финансовъ, въ рѣчи своей 27 марта

представилъ дѣло даже въ такомъ свѣтѣ: „Бронирована только часть бюджета. На одну часть броня наложена основными законами; ее, дѣйствительно, *не пробить Думѣ*... Эта часть бюджета достигаетъ 502 милліоновъ. Другая броня—потоньше; ее можно пробить законодательнымъ порядкомъ. Сюда относятся 689 милліоновъ. Слѣдовательно, всего бронировано меньше половины бюджета, а 1280 милліоновъ представляются въ полное распоряженіе Думы. Дума можетъ разсматривать (?) эту часть по существу и критиковать ее на первый годъ".

Такъ очертилъ „бюджетныя права" Думы г. Коковцевъ. Но въ послѣднихъ словахъ министра финансовъ кроется явная неправильность: Дума можетъ не только „разсматривать" и „критиковать" не „бронированную" часть бюджета, но можетъ и *измѣнять* ее такъ, какъ она признаетъ нужнымъ. „Бронированную" же часть бюджета—и толстой и тоненькой броней—она, очевидно, можетъ только „разсматривать и критиковать", но не измѣнять. Иначе теряется всякій логическій смыслъ того „разсмотрѣнія" Думой „бронированной" части бюджета, для котораго и эта часть внесена въ Думу.

Слѣдовательно, бюджетная комиссія детально и обстоятельно должна была разсмотрѣть всѣ статьи росписи; на практикѣ и точно выяснить предѣлы своей компетенціи въ „разсмотрѣніи" бюджета; исходя изъ той же практики, намѣтить всѣ необходимыя законодательныя измѣненія въ порядкѣ обсужденія и утвержденія росписи Думой; на практикѣ убѣдиться въ возможности или невозможности для Думы осуществлять самыя существенныя для народнаго представительства бюджетныя права. Пусть все это еще разъ развернулось бы въ открытыхъ засѣданіяхъ Думы,—и тогда страна по достоинству оцѣнила бы окончательное рѣшеніе Думы по вопросу о бюджетѣ 1907 года, если бы этому рѣшенію суждено было состояться.

Мы коснемся теперь еще одного чрезвычайно важнаго, основного принципіальнаго вопроса въ бюджетной политикѣ государства,—вопроса, на который указывалъ еще М. М. Ковалевскій въ первой Думѣ и который только косвеннымъ

образомъ былъ затронутъ во второй думскій періодъ. Это вопросъ о бюджетныхъ правахъ „верхней палаты“, у насъ— Государственнаго Совѣта.

По поводу внесенія бюджета на 1907 годъ одновременно на разсмотрѣніе и Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ печати промелькнули было сомнѣнія и опасенія, общій смыслъ которыхъ сводился къ тому, какъ бы правительство, въ случаѣ неутвержденія бюджета Думой, не вздумало удовольствоваться утвержденіемъ бюджета однимъ Государственнымъ Совѣтомъ.

Такъ какъ ст. 106 основныхъ законовъ говоритъ, что „Государственный Совѣтъ и Государственная Дума пользуются равными въ дѣлахъ законодательства правами“, а ст. 1 правилъ 8 марта 1906 г. о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи говоритъ, что „проектъ государственной росписи доходовъ и расходовъ вносится одновременно въ Государственный Совѣтъ и въ Государственную Думу“; такъ какъ, далѣе, въ основныхъ законахъ и въ правилахъ 8 марта не сказано, что бюджетъ долженъ быть утвержденъ и Думой и Совѣтомъ, чтобы получить законную силу; такъ какъ, наконецъ, ст. 86 основныхъ законовъ, говорящая, что „никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы“, можетъ быть истолкована такимъ образомъ, что собственно къ бюджету она не вполнѣ относится,—то по всѣмъ этимъ чисто формальнымъ соображеніямъ указанныя выше сомнѣнія и опасенія могли показаться болѣе или менѣе основательными.

Конечно, такое формальное и казуистическое использованіе закона нетрудно разбить съ той же формальной точки зрѣнія, но это нисколько не гарантируетъ его невозможности въ дѣйствительности. Въ періоды борьбы за конституціи, въ періоды, когда дѣйствительная, фактическая политическая власть еще не находится въ рукахъ народныхъ представителей, правительства не стѣсняются не только въ произвольныхъ толкованіяхъ законовъ, но и въ полнѣйшемъ ихъ игнорированіи. Практика нашего „конституціоннаго“

правительства представляетъ живой и слишкомъ убѣдительный примѣръ въ этомъ отношеніи.

Исторія борьбы за бюджетныя права народнаго представительства полна такими же примѣрами; въ нынѣшнихъ конституціонныхъ государствахъ, пока конституціи ихъ были въ періодѣ выработки, при конфликтахъ народнаго представительства съ правительствами изъ-за бюджета, послѣднія прибѣгали или къ полнѣйшему игнорированію „бюджетныхъ правъ" народнаго представительства или къ такому обходу, къ какому прибѣгло прусское правительство въ 1862—1866 гг. Когда въ 1862 г. палата депутатовъ (дума) вычеркнула изъ бюджета кредиты на военныя реформы, то предсѣдатель совѣта министровъ, Бисмаркъ, взялъ проектъ бюджета изъ палаты депутатовъ и передалъ его прямо на обсужденіе палаты господъ (государственный совѣтъ), а палата господъ утвердила бюджетъ.

Правительство, опираясь на свою силу и чувствуя фактическое безсиліе народныхъ представителей, не постѣснялось нарушить конституцію, а потомъ, когда послѣ побѣды Пруссіи при Садовѣ, палата депутатовъ признала возможнымъ утвердить тотъ кредитъ, который она раньше вычеркивала, правительство точно такъ же не постѣснялось сознаться въ томъ, что оно нарушало конституцію. Король Вильгельмъ самъ заявилъ тогда народнымъ представителямъ: „Въ теченіе этихъ послѣднихъ лѣтъ бюджетъ не могъ быть установленъ въ согласіи съ народнымъ представительствомъ. Государственные расходы, произведенные въ теченіе этого періода, лишены, слѣдовательно, законнаго основанія". Король признавалъ совершенное правонарушеніе, просилъ палаты помочь ему войти въ лоно законности и самъ обѣщалъ изъ него болѣе не выходить.

Такъ стало говорить правительство, когда конфликтъ миновалъ. Но пока конфликтъ тянулся, правительство говорило иначе. Въ засѣданіи 27 января 1863 г. Бисмаркъ прямо и ясно формулировалъ точку зрѣнія правительства: „Правильное рѣшеніе должно бы заключаться въ компромиссѣ. Если компромиссъ не удается, возникаетъ конфликтъ, и

такъ какъ жизнь государства не можетъ остановиться, то эти конфликты превращаются въ вопросы силы: тотъ, въ чьихъ рукахъ сила, поступаетъ тогда, какъ находитъ нужнымъ".

Любопытно, что тотъ же Бисмаркъ находилъ тогда и формальное, теоретическое оправданіе своимъ дѣйствіямъ, въ незаконности которыхъ потомъ такъ мило и просто повинился передъ народными представителями самъ глава государства. И формальное оправданіе заключалось въ произвольномъ, въ казуистическомъ толкованіи закона: „Палата депутатовъ,—говорилъ Бисмаркъ,—не можетъ претендовать на исключительное право установленія бюджета", такъ какъ такое же право принадлежитъ (вѣрнѣе—принадлежало тогда) и палатѣ господъ.

Если истинныя основы и руководящія начала политики рѣдко высказываются въ такой прямой формѣ, какъ это сдѣлалъ Бисмаркъ, то это нисколько не значитъ, что эти основы и начала когда-либо были другими. Совершенно правъ проф. Штурмъ, подчеркивая въ своей книгѣ о бюджетѣ то положеніе, что „бюджетныя права" народнаго представительства вытекаютъ совсѣмъ не изъ того, что народъ является плательщикомъ податей, почему ему и принадлежитъ право утверждать бюджетъ черезъ своихъ представителей. Побѣжденные или порабощенные народы не претендуютъ на „бюджетное право", а платятъ столько, сколько требуютъ съ нихъ ихъ властители. „Единственно потому, что верховная власть нынѣ принадлежитъ во Франціи народу, этотъ послѣдній пріобрѣлъ и власть одобренія государственныхъ доходовъ и расходовъ. Если бы народъ не былъ суверееннымъ (т.-е. не обладалъ бы верховной властью), то онъ могъ бы сколько угодно, какъ Пруссія подъ владычествомъ Наполеона, платить налоги, но не обладалъ бы бюджетнымъ правомъ".

Право завоевывается только силой, и „формула, такъ спокойно допускаемая теперь и гласящая, что право вотировать государственные доходы и расходы принадлежитъ народнымъ представителямъ, раньше, чѣмъ установилась въ

конституціяхъ, прошла чрезъ горнило страшныхъ революцій".

Эти основныя, глубоко реальныя и правильныя мысли проф. Штурма о бюджетныхъ правахъ народнаго представительства никогда не слѣдуетъ забывать и нашимъ политикамъ при опредѣленіи тактики борьбы за бюджетныя права Государственной Думы. Этихъ правъ Дума не получитъ, пока правительство не будетъ видѣть или чувствовать, что народъ можетъ постоять за бюджетныя права своихъ представителей.

Путь компромиссовъ съ надеждой на уступчивость правительства при внесеніи законопроектовъ объ измѣненіи и дополненіи, напр., правилъ 8 марта и на побѣду путемъ такихъ законопроектовъ всего менѣе отвѣчаетъ требованіямъ реальной политики.

Путь формальнаго истолкованія законовъ, напр., въ данномъ вопросѣ—о правѣ утвержденія бюджета однимъ Государственнымъ Совѣтомъ, если бы этотъ вопросъ возникъ послѣ неутвержденія бюджета Думой, — точно такъ же нисколько не содѣйствовалъ бы расширенію и утвержденію бюджетныхъ правъ Думы. Только дѣйствительное, фактическое укрѣпленіе политической власти за демократическимъ народнымъ представительствомъ сдѣлаетъ невозможными самыя попытки правительства и такихъ бюрократическихъ учрежденій, какъ Государственный Совѣтъ, нарушать бюджетныя права Думы.

Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ власть дѣйствительно находится въ рукахъ народа, мы вездѣ наблюдаемъ, что и бюджетныя права народнаго представительства находятся фактически болѣе или менѣе исключительно въ рукахъ нижнихъ палатъ, а не въ рукахъ верхнихъ палатъ, которыя нигдѣ и никогда не представляли избранниковъ широкихъ массъ народа.

Въ Англіи, Пруссіи, Бельгіи и Голландіи верхнія палаты, разсматривающія бюджетъ послѣ того, какъ онъ уже вотированъ нижними палатами, могутъ только одобрять или отвергать бюджетъ цѣликомъ и, конечно, за весьма рѣдкими исключеніями, они его только одобряютъ.

Вопросъ о бюджетныхъ правахъ французской верхней палаты, сената, и до сихъ поръ остается предметомъ больше теоретическихъ споровъ, весьма поучительныхъ и для Россіи, но фактически рѣшается совсѣмъ не въ пользу сената: демократическая палата депутатовъ во Франціи пользуется на практикѣ почти исключительнымъ правомъ утвержденія бюджета.

Въ Даніи и Швеціи точно такъ же фактически бюджетъ утверждается нижними палатами, хотя формально и верхнія палаты имѣютъ „бюджетное право". Повидимому, нѣсколько больше бюджетныя права верхнихъ палатъ въ Австро-Венгріи, Италіи и Испаніи, что и отвѣчаетъ меньшей демократичности ихъ конституцій. Напротивъ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ [1]) „англійское правило, что шнурки отъ кошелька съ деньгами должны находиться въ рукахъ представителей народа", примѣняется еще строже, чѣмъ въ Англіи...

Постановленіе конституціи, что законы о государственныхъ доходахъ должны исходить отъ нижней палаты, послѣдняя понимаетъ въ такомъ смыслѣ, что и апробація (утвержденіе) составляетъ ея же право. Сенату ни разу еще не удавалось устранить такое толкованіе: ему остается только право вносить поправки, сообщая о нихъ нижней палатѣ. Но и тутъ палата депутатовъ завоевала себѣ рѣшительный перевѣсъ: сенатскія поправки она даже и не обсуждаетъ, а прямо отвергаетъ.

Таковы бюджетныя права прямыхъ народныхъ представителей тамъ, гдѣ демократическіе слои народа завоевали себѣ дѣйствительную политическую власть. Естественно, что убѣжденная демократія стремится не только къ ограниченію бюджетныхъ правъ верхнихъ палатъ, какъ не прямыхъ представителей народа, но и къ полному упраздненію самихъ верхнихъ палатъ, какъ пережитка того строя, при которомъ— по крайней мѣрѣ, фактически—политическая власть принадлежала далеко не демократіи. При полной побѣдѣ демокра-

---

[1]) *Проф. Лебедевъ.* „Финансовое право", 1893, стр. 688.

тіи самое существованіе верхнихъ палатъ сдѣлается анахронизмомъ и должно будетъ отойти въ область исторіи.

Но вторая Государственная Дума не дожила не только до столкновенія съ Государственнымъ Совѣтомъ въ вопросѣ о бюджетныхъ правахъ, но и до обсужденія бюджета въ своихъ пленарныхъ засѣданіяхъ. Поэтому всѣ вопросы бюджетнаго характера, возбуждавшіеся или въ самой Думѣ или вообще во второй думскій періодъ, имѣютъ скорѣе подготовительное значеніе въ смыслѣ практическаго опредѣленія тѣхъ задачъ въ этой области, какія должно имѣть въ виду народное представительство и той тактики, какой оно должно держаться при разрѣшеніи этихъ задачъ.

Для насъ поэтому представляетъ весьма существенный интересъ тактика различныхъ политическихъ партій во второй Думѣ по отношенію къ бюджетнымъ вопросамъ.

Правда, не всѣ партіи въ этомъ отношеніи одинаково интересны. Крайнія лѣвыя,—соціалъ-демократическая и соціалъ-революціонная,—по существу своихъ программъ могли имѣть только одну тактику по отношенію къ бюджету,—абсолютно отрицательную, какъ онѣ объ этомъ и заявляли въ Думѣ: при капиталистическомъ строѣ бюджетъ государства неизбѣжно долженъ носить чисто буржуазный характеръ, народныя средства неизбѣжно должны расходоваться на такія потребности, которыя служатъ, главнымъ образомъ, для защиты интересовъ буржуазіи,—слѣдовательно, съ точки зрѣнія соціалистическихъ партій, весь бюджетъ по существу противорѣчитъ интересамъ трудовыхъ массъ населенія, а потому утверждаемъ соціалистическими представителями быть не можетъ. На разсмотрѣніе бюджета эти представители могутъ смотрѣть только какъ на конкретный поводъ къ рѣшительной критикѣ существующаго строя, каковая точка зрѣнія и была послѣдовательно проведена соціалистическими партіями во второй Думѣ.

Промежуточныя, радикально - демократическія группы второй Думы, т.-е. трудовая группа и народные соціалисты, не стояли на такой, абсолютно-отрицательной точкѣ зрѣнія. Онѣ обнаружили больше склонности къ реальной политикѣ

по отношенію къ бюджету, выставляя, однако, необходимость радикальнаго его пересмотра и измѣненія. Такъ какъ такая задача во всякомъ случаѣ могла быть выполнена только въ дальнѣйшемъ, путемъ постепеннаго отвоеванія народнымъ представительствомъ бюджетныхъ правъ и фактическаго ихъ осуществленія въ различныхъ, чрезвычайно сложныхъ и разнообразныхъ областяхъ бюджета, то роль этихъ промежуточныхъ, радикально-демократическихъ группъ въ Думѣ при обсужденіи бюджета оказалось сравнительно мало активной и замѣтной.

Точно такой же оказалась и роль партій, правѣе к.-д.,— но, конечно, по другой причинѣ: у этихъ партій въ сущности не было и нѣтъ опредѣленной положительной программы по вопросамъ бюджетной политики государства. Эти партіи упрощаютъ свою задачу въ этомъ отношеніи готовностью во всемъ болѣе или менѣе слѣдовать за правительствомъ, а потому съ точки зрѣнія борьбы за бюджетныя права народнаго представительства умѣренныя и правыя партіи не представляютъ въ сущности никакого интереса.

Остается конституціонно-демократическая партія, партія реальной политики, представляющая наибольшій интересъ не только въ силу ея тяготѣнія къ реальной политикѣ, но и въ силу того центральнаго, по существу наиболѣе руководящаго положенія, какое эта партія занимала и, вѣроятно, долго будетъ занимать въ дѣятельности русскаго народнаго представительства.

Въ какія конкретныя формы вылилась бы тактика конституціонно-демократической партіи по бюджетному вопросу въ Думѣ, сказать трудно, такъ какъ рѣчи министра финансовъ и отношеніе правительства къ бюджетнымъ правамъ Думы могли заставить партію измѣнить свою бюджетную тактику нѣсколько влѣво.

Что рѣчи Коковцева глубоко не удовлетворили и кадетскій центръ Думы, это доказываетъ хотя бы выступленіе Родичева въ засѣданіи 22 марта.

Бюрократическій формализмъ рѣчей Коковцева; ихъ безсодержательность съ точки зрѣнія тѣхъ ожиданій и требо-

ваній, съ какими въ правѣ обращаться народное представительство къ правительству; ихъ если не по формѣ, то по существу вызывающій тонъ—все это заставляло и умѣренныхъ кадетовъ сомнѣваться въ осуществимости надеждъ на „общую почву“ съ правительствомъ.

Хотя Родичевъ по обыкновенію и на этотъ разъ не отказывался отъ страстныхъ взываній къ чувству, совѣсти и сознанію министровъ, но съ неменьшей страстностью онъ намекаетъ и на то, что въ отвѣтъ на министерское „не запугаете“, Дума молчаливо хранитъ свое „не обманете!“

И можно думать, что это сомнѣніе будетъ крѣпнуть, а „предположеніе, что противникъ добросовѣстенъ“, съ которымъ будто бы, по словамъ Родичева, должна была вступить въ Таврическій дворецъ вторая Дума, должно будетъ слабѣть.

Родичевъ взывалъ къ министрамъ даже послѣ того, какъ они въ серединѣ его рѣчи демонстративно ушли, не желая, очевидно, его слушать: „Съ убѣжденіемъ можемъ сказать: *отрекитесь* отъ разлагающей точки зрѣнія о „государственной необходимости“, *будьте добросовѣстны*, *произведите* реформы... Въ этомъ настоящая государственная необходимость, чтобы выйти изъ смуты... Смута—урокъ для правителей. Еще не поздно...“

Но если даже такой оптимистъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ думскихъ рѣчахъ, какъ Родичевъ, тутъ же произнесъ по адресу правительства: „не обманете!“ то можно думать, что и „оптимизмъ“ всей кадетской партіи слабѣетъ.

Кадеты—сторонники „реальной“ политики и тактики. Въ бюджетномъ вопросѣ истинный „реализмъ“ долженъ сказаться особенно ярко и убѣдительно. Въ чемъ же пока этотъ реализмъ к.-д. партіи въ ея бюджетной тактикѣ? Только въ заявленіи Струве послѣ рѣчей Коковцева и Столыпина, что „конст.-демократы не пойдутъ въ отношеніи росписи 1907 года путемъ *безпредметныхъ* (!) бюджетныхъ демонстрацій“, т.-е., попросту говоря, утвердили бы бюджетъ, представленный Коковцевымъ, съ незначительными подчистками „техническаго“ свойства, какъ о томъ и мечталъ Коковцевъ.

Неужели кадеты утвердили бы бюджетъ, несмотря на полное сознаніе невозможности по совѣсти и долгу народныхъ представителей принять на себя отвѣтственность за бюджетъ при тѣхъ стѣсненіяхъ въ бюджетныхъ правахъ Думы, какія установлены бюрократическими законами?

Вѣдь самъ же Струве говорилъ въ Думѣ, что, „связанные ст. 9 (правилъ 8 марта), мы оказываемся въ *совершенно безвыходномъ* положеніи, когда начинаемъ разсуждать съ точки зрѣнія государственной, съ точки зрѣнія интересовъ государства“. А Кутлеръ еще опредѣленнѣе подчеркнулъ основное условіе, казалось бы, совершенно *обязательное* для утвержденія Думой бюджета: „только при условіи, если обновится политическій строй, если установятся правильныя отношенія между властью и народнымъ представительствомъ, только при этомъ послѣднемъ условіи народное представительство будетъ въ состояніи принять на себя отвѣтственность за результатъ государственнаго хозяйства“.

Если же народное представительство *не можетъ* принять на себя этой *отвѣтственности*, чего, очевидно, не отрицали кадеты, то какъ же они могли бы давать свою санкцію, да еще отъ имени народа, такому бюджету и при такихъ условіяхъ его утвержденія?

Рѣшеніе вопроса, которое предлагали кадеты, дѣйствительно, весьма простое и ясное, но не оказалось ли бы оно „безпредметной демонстраціей“ противъ интересовъ народа и весьма „предметной демонстраціей“ въ пользу правительства, къ которому кадетамъ уже не въ первый разъ приходилось взывать: „будьте добросовѣстны“, и которое не замедлило бы использовать такую демонстрацію просвѣщеннаго центра хотя бы, напримѣръ, въ своихъ „кредитныхъ операціяхъ“. Не было ли именно это рѣшеніе вопроса той „политической игрой на чужой счетъ“, о которой бросилъ намекъ Струве по адресу лѣвыхъ въ засѣданіи 23 марта?

Правда, въ вопросѣ о разрѣшеніи Думой займа к.-д. партія какъ будто уже лѣвѣла. „Рѣчь“ уже говорила, что вопросъ о займѣ „придется отложить“, если размѣры его не будутъ выяснены во время работъ бюджетной комиссіи. Ко-

нечно, это лишь „запугиваніе“, пока еще весьма неопредѣленно допускавшее путь компромиссныхъ смягченій и уступокъ, на которомъ стояла въ значительной степени кадетская тактика вообще и въ ея отношеніи къ бюджету въ частности.

Но самый опасный подводный камень для „реальной“ тактики кадетовъ заключался въ ихъ же настойчивомъ желаніи или даже требованіи объ отмѣнѣ правилъ 8 марта, изъ которыхъ наиболѣе существенные пункты внесены и въ основные законы. Неужели партія признаетъ возможнымъ согласиться на расширеніе бюджетныхъ правъ Думы только въ предѣлахъ тѣхъ пунктовъ правилъ 8 марта, которые не вошли въ основные законы 23 апрѣля 1906 года? Или же она будетъ надѣяться на то, что „готовность г. министра финансовъ итти навстрѣчу расширенію бюджетныхъ правъ Думы“ зайдетъ такъ далеко, что онъ признаетъ возможнымъ отмѣнить правила 8 марта цѣликомъ, а слѣдовательно, и тѣ статьи основныхъ законовъ, которыя заимствованы изъ этихъ правилъ? Или партія, какъ говорилъ Струве, „во имя осады стараго порядка будетъ *всяческими* средствами бороться за то, чтобы эти наслоенія (стараго порядка) были сорваны, были расчищены въ интересахъ народнаго кошелька и въ интересахъ государственнаго хозяйства. Но какими же именно „всяческими“ средствами?..

Если у партіи таилась надежда больше на „готовность“ министровъ, то это не признакъ реальности ея политики и тактики. Если же партія надѣялась на „расширеніе“ бюджетныхъ правъ Думы только за счетъ измѣненія второстепенныхъ пунктовъ правилъ 8 марта, то это тѣмъ болѣе не доказательство реальности ея тактики.

Весьма нереальной политикой вѣяло и отъ „опасеній“ партіи (см. также и статью Фридмана въ 10 № „Вѣстн. Народной Свободы“), какъ бы не удлинить продолжительность дѣйствія „временныхъ“ кредитовъ: Коковцевъ весьма реально заявилъ Думѣ, что правительство и безъ утвержденія бюджета обойдется весьма легко и законно, и утвержденіе едва ли что-либо измѣнило бы въ отношеніи правительства къ исполненію росписи. Если передъ созывомъ второй Думы

въ бюджетѣ 1906 года правительство допустило „огромную“, по словамъ самого министра финансовъ, передержку въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей на „ликвидацію войны и связанныхъ съ нею послѣдствій“, то почему оно стало бы стѣсняться послѣ утвержденія Думой того бюджета, непріемлемости котораго *по существу*, помимо „тактическихъ“ соображеній, не отрицали, повидимому, и кадеты? Подобныя „опасенія“ больше говорятъ о наивности, чѣмъ о реальности принимаемой кадетами тактики.

Оставалось только „спасеніе“ Думы отъ разгона. Но реальнымъ политикамъ слѣдуетъ помнить, что уступчивость изъ *явно* „тактическихъ“ соображеній, — а не по убѣжденію въ *желательности* уступокъ съ народной и государственной точки зрѣнія, — представляетъ весьма сомнительное и обоюду острое средство „спасенія“ народнаго представительства. Финалъ и первой и второй Думы достаточно убѣдительно показалъ и доказалъ это положеніе.

Чтобы закончить нашъ очеркъ того положенія, въ какомъ находился цѣлый рядъ бюджетныхъ вопросовъ во второй думскій періодъ, и того освѣщенія, какое придавалось этимъ вопросамъ и въ Думѣ и въ обществѣ, намъ остается еще хотя бы нѣсколькими краткими штрихами отмѣтить отношеніе къ этимъ вопросамъ повременной печати въ теченіе существованія второй Думы.

Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ печать умѣренныхъ, октябристскихъ и правыхъ оттѣнковъ. Только на ней, и то лишь на наиболѣе характерныхъ ея проявленіяхъ, мы и остановимся.

Правительство по отношенію къ бюджету избрало самый удобный для него путь — путь чисто формальный. Думѣ, говорилъ министръ финансовъ, достаточно „провѣрить правильность исчисленій“ правительства и затѣмъ утвердить бюджетъ. Критиковать бюджетъ, а тѣмъ болѣе общую финансовую и экономическую политику правительства легко, но безполезно.

Такой въ періодъ второй Думы оставалась точка зрѣнія правительства. Вслѣдъ за правительствомъ ту же линію

старались взять и всѣ его сторонники и прислужники. При этомъ для виду они даже пускались въ своего рода „оппозицію“ правительству, въ своего рода либерализмъ.

Органъ „настоящихъ“ октябристовъ, органъ „самого“ А. И. Гучкова—„Голосъ Москвы“ (№ 78, 1 апрѣля), напримѣръ, начиналъ свою руководящую статью по бюджетному вопросу даже очень хорошо: „Если бы Думѣ удалось исправить роспись такъ, чтобы дефицитъ (296 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 186 милліоновъ остаются непокрытыми) былъ устраненъ, она оказала бы величайшую услугу русскому народу“.

Но, поругавши оппозиціонныя фракціи Думы за ихъ недѣловитость, органъ октябристовъ пришелъ къ весьма пріятному для правительства выводу: „Однако и очень дѣловитые члены Думы не могли бы свести росписи безъ дефицита“, такъ какъ „безъ законныхъ сокращеній расходовъ немыслимо устранить дефицитъ“. Вся надежда на правительство. „Министръ финансовъ долженъ или исходатайствовать расширеніе бюджетныхъ правъ Думы или привести бюджетъ въ равновѣсіе... Если наша бюрократія желаетъ возстановить свою репутацію, она должна позаботиться о значительномъ сокращеніи государственныхъ расходовъ. Это ея обязанность передъ народомъ“.

Такъ заканчивала свою статью октябристская газета. Не Дума, а бюрократія должна спасать Россію отъ разоренія, котораго не отрицаетъ и газета; Думѣ же остается только ждать, когда, наконецъ, наша бюрократія пожелаетъ возстановить свою репутацію.

А если бюрократія не пожелаетъ возстанавливать свою репутацію, которую она и теперь, конечно, считаетъ весьма превосходной и незапятнанной!? Что тогда дѣлать и Думѣ и „разоренной Россіи?“ Очевидно, терпѣть и ждать; но все попрежнему должно оставаться въ рукахъ бюрократіи. Таковъ смыслъ фарисейскихъ рѣчей „конституціоналистовъ“ октябристскаго лагеря.

Нѣсколько болѣе хитрыя и веселыя рѣчи вело „строго конституціонное“ „Новое Время“ (№ 11153). Эта всегда угождающая правительству газета, находила, что Дума не по-

няла и не оцѣнила необыкновенныхъ добродѣтелей и даже „трагическаго положенія“ министра финансовъ Коковцева. Оказывается, что „министръ финансовъ не можетъ смотрѣть на участіе въ бюджетной работѣ Думы иначе, какъ съ облегченнымъ сердцемъ“, потому что нашъ министръ и спитъ и видитъ, какъ бы только уберечь народныя денежки, какъ бы защитить ихъ „отъ настойчивыхъ насѣданій на казенный кошелекъ, противъ которыхъ онъ часто безсиленъ, борясь съ ними въ одиночку“.

Думѣ тутъ бы и поддержать необыкновенно бережливаго и заботящагося о казенномъ кошелькѣ, о послѣдней народной копейкѣ министра. А Дума туда же—только критиковать, а не поддерживать министра въ его „почти трагическомъ положеніи“!

Газета, конечно, находила, что Дума только посрамилась въ этой критикѣ, доказала, что она ничего не понимаетъ, и что Дума даже обрадовалась, когда бюджетъ былъ сданъ въ комиссію: тамъ уже срамиться не придется, такъ какъ, „безъ сомнѣнія, будутъ всего больше выступать сотрудники министра финансовъ“, у которыхъ и Дума „подучится бюджетному дѣлу, и съ Божьей помощью работа пойдетъ не безъ пользы для обѣихъ сторонъ“.

Во всѣхъ этихъ сладенькихъ рѣчахъ фарисействующей газеты такъ и слышится жажда заслужить похвалу отъ начальства.

По большей части „Новое Время“ фарисействуетъ тонко, неглупо. Но иногда прорывается и такое неуклюжее, до тошноты глупое фарисейство, что стыдно становится даже и за такую газету. Въ № 11151 этой газеты „извѣстный“ Меньшиковъ болѣе чѣмъ на двухъ столбцахъ разводилъ поразительно безграмотную, давно истрепанную и убогую съ государственной точки зрѣнія мысль о томъ, что вся бѣда Россіи въ пьянствѣ, что и бюджетъ нашъ—только „пьяный бюджетъ“. Русскій народъ поголовно и до одурѣнія пьянствуетъ; отсюда—разореніе и бѣдность Россіи; а отсюда — бунты и революція; отсюда, словомъ, моральное, физическое, экономическое и политическое вырожденіе русскаго народа!

Многочисленныя ссылки на проф. Сикорскаго уснащали и будто бы подтверждали правильность „государственной“ мысли пѣвца власти и богатства, г. Меньшикова. Не знаемъ, поблагодарилъ ли бы проф. Сикорскій такое использованіе его данныхъ объ алкоголизмѣ въ статьѣ нововременскаго финансиста. Но что эта статья представляетъ лишь убогое пережевыванье старой, затасканной, не подтверждаемой научной мыслью клеветы на обнищавшій русскій народъ, это слишкомъ очевидно. Однако невѣжественность и убожество мысли нововременца покрывается... тѣмъ удовольствіемъ, какое доставляютъ его медоточивыя измышленія о вредѣ пьянства для всѣхъ тѣхъ, кто всѣ бѣды, переживаемыя Россіей, и всю тяжесть нашего бюджета для народныхъ массъ хотѣлъ бы свалить на пьянство.

Пишите какія угодно глупости и пошлости въ оправданіе сильныхъ, богатыхъ, власть имущихъ, и они будутъ аплодировать вамъ! Это отлично понимаютъ всѣ фарисеи мысли и печати.

Посмотрите, напримѣръ, какъ пишутъ по тому же вопросу о пьянствѣ „настоящія“ правыя газеты.

Извѣстно, что господа „правые“ помѣщики, достойные потомки старыхъ крѣпостниковъ, смотрѣвшихъ на крестьянъ больше какъ на рабочую скотину, чѣмъ какъ на людей, и до сихъ поръ любятъ твердить излюбленную крѣпостническую истину: „Мужикъ—лѣнтяй; мужикъ—пьяница; мужикъ—плутъ, воръ и разбойникъ! У мужика земли много, и если онъ и до сихъ поръ не богатѣетъ, то только потому, что онъ и лѣнтяй, и пьяница, и плутъ, и воръ, и разбойникъ!..“

Объясненіе чрезвычайно простое, не затрудняющее благородной головы излишнимъ напряженіемъ мысли. Объясненіе къ тому же чрезвычайно пріятное для потомковъ старыхъ крѣпостныхъ прожигателей жизни: къ мужику они всегда относились и продолжаютъ относиться не только съ презрѣніемъ, но и со злобой, доходящей до ненависти,—такъ досадно крѣпостникамъ, что ихъ „обидѣли“ при освобожденіи крестьянъ, надѣливши крестьянъ землею, хоть и за весьма приличный выкупъ, легшій на шею крестьянина тяжелымъ ярмомъ.

Намъ понятно, почему помѣщики, поддерживающіе теперь партію „правыхъ“, и до сихъ поръ такъ любятъ винить мужика въ лѣности и пьянствѣ. Намъ понятно, почему „правые“ помѣщики относятся къ крестьянамъ съ злобнымъ презрѣніемъ. Но намъ хотѣлось бы вѣрить, что и въ крѣпостникѣ-землевладѣльцѣ сохраняются все же образъ и подобіе Божіе, сохраняется душа живая и совѣсть общечеловѣческая. Намъ хотѣлось бы вѣрить, что этотъ образъ и подобіе Божіе, эта душа живая и эта совѣсть человѣческая не позволяетъ потомкамъ крѣпостныхъ тунеядцевъ бросать жестокій камень обвиненія хотя бы въ тѣ милліоны *голодающаго* населенія, муками и медленнымъ, но вѣрнымъ вымираніемъ котораго такъ трагически запечатлѣна и памятная исторія русскаго государства за послѣднія десятилѣтія.

Но и эта вѣра должна быть у насъ отнята. Не знающее предѣловъ и удержу классовое злобное презрѣніе доводитъ до того, что крѣпостники уже отрицаютъ даже самый фактъ голоданія многихъ милліоновъ русскаго крестьянства и клеймятъ голодающихъ крестьянъ самыми отборными презрительными ругательствами, самой возмутительной, человѣконенавистнической ложью, сопутствуемой пристрастнымъ искаженіемъ фактовъ и невѣжественнымъ непониманіемъ тѣхъ явленій, на которыя они съ злорадствомъ набрасываются, какъ на доказательство правоты своихъ мыслей.

Посмотрите, напр., что пишетъ о голодающихъ крестьянахъ „Кіевлянинъ“, эта газета „правыхъ“ крѣпостниковъ, бюрократовъ-чиновниковъ и крупныхъ капиталистовъ.

„Правая“ газета съ нескрываемымъ злорадствомъ сообщаетъ, что, „по отчетамъ Министерства Финансовъ, оказалось, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ казна затрачивала милліоны рублей на борьбу съ „голодомъ“ (газета не вѣритъ, что есть голодъ!), доходъ отъ продажи водки возросъ... Получается колоссальная нелѣпость: государство изъ силъ выбивается, чтобы „спасать голодающихъ отъ смерти“, а эти господа голодающіе (!) немедленно возвращаютъ въ казну сдѣланныя на нихъ затраты въ видѣ платы за водку!“

Дѣлая выводъ изъ этихъ фактовъ, газета попутно старается еще самымъ злостнымъ образомъ натравить одну часть крестьянства, болѣе зажиточную, на другую—на голодающихъ:

„Половина русскихъ крестьянъ оказалась на иждивеніи другой половины. Господа „голодающіе“ не только продовольствуются на счетъ крестьянъ трудящихся, но еще *усиленно пьянствуютъ* на ихъ же счетъ... Населеніе нѣсколькихъ губерній оказалось *развращеннымъ;* оно искусственно превращается въ *лѣнтяевъ* и *пьяницъ,* ибо кто же изъ крестьянъ станетъ работать, когда знаетъ, что и хлѣбъ и водку дастъ ему казна“.

Конечно, тутъ же „правая“ газета открываетъ и истинный источникъ своей злобы противъ нищающаго крестьянства: „Подъ вліяніемъ революціоннаго движенія и *ложной* правительственной *аграрной* политики, *частное землевладѣніе* этихъ губерній быстро *таетъ*, и частновладѣльческая земля *переходитъ* въ руки крестьянскаго банка для распродажи ея между *крестьянами;* культурныя гнѣзда (!), хотя бы и не Богъ вѣсть какого высокаго достоинства (хорошо, хоть это признается!), но все же культурныя, исчезаютъ, и на мѣстѣ ихъ водворяется культура „голодающаго“ лѣниваго, пьянаго, развращеннаго, способнаго все и вся превратить въ пустыню“.

И еще далѣе газета говоритъ о голодающихъ: „десятки милліоновъ тунеядцевъ и пьяницъ...“

Таковы мысли, чувства и совѣсть „правой“ помѣщичьей газеты по отношенію къ голодающимъ крестьянамъ. И это послѣ того, какъ сама же газета раньше приводила „цифры и факты“ объ ужасающемъ неурожаѣ въ голодныхъ губерніяхъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ получились *въ среднемъ* такіе сборы, какъ 6—10 пудовъ съ десятины! И газета помѣщиковъ думаетъ, что для „господъ голодающихъ“ такого урожая достаточно не только для хорошаго прокормленія, но и для „усиленнаго пьянства!“ Газета не приводитъ данныхъ о томъ, сколько на каждаго изъ „десятковъ милліоновъ тунеядцевъ и пьяницъ“ приходится—особенно въ дѣйствительности—казенной продовольственной помощи! Она не приводитъ также

данныхъ о томъ, сколько именно милліоновъ рублей возвращается „господами голодающими“ въ казну въ видѣ платы за водку,—больше или меньше, или столько же, сколько казна затрачиваетъ на голодающихъ. Газета, наконецъ, не догадывается призадуматься надъ вопросомъ о томъ, что если бы даже голодающіе и въ самомъ дѣлѣ проявляли склонность пить водки больше, чѣмъ сытые, то не объясняется ли это чисто физіологически *именно голоданіемъ?* Газета не обратилась для объясненія этого явленія къ врачамъ, къ физіологамъ и не спросила ихъ, чѣмъ объясняется склонность плохо питающагося человѣка къ спирту даже болѣе предпочтительно, чѣмъ къ хлѣбу, не замѣняетъ ли спиртъ хоть на минуту концентрированной пищи, скорѣе дѣйствующей на возбужденіе силъ и энергіи человѣка?

Газета ничего этого не сдѣлала, никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ, убѣдительныхъ „цифръ и фактовъ“ не привела, а между тѣмъ, какой потокъ возмутительной злобы, лжи и клеветы на десятки милліоновъ голодающаго крестьянства! И съ какимъ видомъ „высшей государственной мудрости“, съ какой увѣренностью въ „великомъ открытіи“! „Къ сожалѣнію, огромная масса русской такъ называемой интеллигенціи (!), да и само правительство, серьезности указанной болѣзни еще совершенно не понимаютъ“.

Только „правые“ помѣщики и такія ихъ газеты, какъ „Кіевлянинъ“, понимаютъ болѣзнь и уже и лѣкарства прописываютъ: никакихъ денегъ на голодающихъ изъ казны не давать, тогда „десятки милліоновъ тунеядцевъ и пьяницъ“ превратятся въ трудящихся крестьянъ, и урожаи съ крестьянскихъ полей поднимутся настолько, что можно будетъ еще повысить налоги, а не брать изъ казны на крестьянъ. Но самое главное, конечно, ни въ какомъ случаѣ не содѣйствовать переходу „культурныхъ гнѣздъ“, т.-е. помѣщичьихъ земель, въ руки крестьянства!

Къ этому сводится все „великое открытіе“ кіевлянинскаго писателя и радѣтеля о сохраненіи и процвѣтаніи культурныхъ помѣщичьихъ гнѣздъ, хотя бы ради этого пришлось живьемъ заморить „десятки милліоновъ тунеядцевъ и пьяницъ“.

Чѣмъ не крѣпостное звѣрство, обращенное на десятки милліоновъ разореннаго русскаго крестьянства, которому приходится не только голодать физически и духовно, но и выносить такія тяжелыя, глубокія оскорбленія, такую злобную клевету отъ истинныхъ тунеядцевъ и ихъ наемныхъ приспѣшниковъ?

Но ужъ лучше писать такъ, какъ пишуть прямые наемники правительства. Казенная газета „Россія“ (№ 413) помѣщала замѣтки какого-то „экономиста“, который думскія пренія называлъ „бюджетными разглагольствованіями“, къ Думѣ вообще относился съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ; напримѣръ, говорилъ: „Палата, по обычной невѣжественности и впечатлительности людскихъ сборищъ...“ и т. д. Все это написано для того, чтобы вмѣсто „болтовни депутатовъ“ рекомендовать передачу бюждета прямо въ комиссію.

Какъ думаетъ и поступаетъ панъ, такъ думаетъ и поступаетъ холопъ. Тонъ казенной газеты поэтому совершенно понятенъ, но тутъ хоть прямота и откровенность безъ фарисейства.

Но „Новое Время“, съ его Меньшиковымъ, не отличается настолько безнадежной простотой, чтобы не понимать, что одной политикой силы и упорнаго непризнанія народнаго представительства даже узкіе интересы того класса, защитницей которыхъ подобная печать является, далеко не гарантируется. Эта печать отлично понимаетъ, что уступки неизбѣжны, и онѣ будутъ сдѣланы. Но если люди, защищающіе узко понимаемые интересы имущихъ классовъ, поймутъ, что грубой силой имъ нельзя дольше защищать всѣхъ своихъ исключительныхъ преимуществъ, и пойдутъ на уступки народнымъ требованіямъ, то отъ защиты своихъ интересовъ другими, не столь грубыми средствами, они, конечно, никогда не откажутся.

Среди этихъ, не столь грубыхъ, средствъ видное мѣсто всегда будетъ занимать печать.

Богатство всегда сумѣетъ найти себѣ наемныхъ, продажныхъ защитниковъ и хвалителей. Не успѣла еще Дума прикоснуться къ наиболѣе больнымъ мѣстамъ нашего бюджета,

не успѣла она указать въ самыхъ общихъ чертахъ на тяжесть и обременительность бюджета именно для трудовыхъ, мало имущихъ классовъ населенія, какъ уже нашлись сладкоголосые пѣвцы и защитники богатства.

Если грубо „правыя“ газеты съ нескрываемой злобой ругательски клеветали на Думу, на оппозиціонныхъ народныхъ представителей за ихъ стремленіе разрѣшить земельный и бюджетный вопросъ въ пользу трудовыхъ классовъ народа, то болѣе тонкія, но по существу такія же „правыя“ газеты, т.-е. точно такъ же защищающія прежде всего интересы богатыхъ и сильныхъ, начали дѣйствовать нѣсколько хитрѣе.

Въ „Новомъ Времени“ все тотъ же извѣстный своей угодливостью власти и богатству М. Меньшиковъ (№ 11149, 27 марта) помѣстилъ глубоко невѣжественную и недобросовѣстную статью въ защиту богатства. Этого угодника богатыхъ безпокоитъ то сильное впечатлѣніе, какое производитъ заявленіе устами самого Министерства Финансовъ, что богатые у насъ платятъ въ казну въ пять разъ меньше, чѣмъ бѣдные.

Меньшиковъ дѣлаетъ поправку, даже къ словамъ самого министра: „Слѣдовало бы сказать, что... три милліона состоятельныхъ людей платятъ триста милліоновъ налоговъ, а 147 милліоновъ бѣдныхъ платятъ 1200 милліоновъ. Каждый бѣдный, оказывается, платитъ не больше, а значительно меньше богатаго“.

Сдѣлавши такое открытіе, которое могло показаться убѣдительнымъ только безграмотному и недобросовѣстному защитнику богатыхъ, Меньшиковъ даже не задался мыслью сравнить общее количество богатствъ и доходовъ состоятельныхъ классовъ съ общимъ количествомъ богатствъ и доходовъ у бѣдныхъ классовъ населенія, не пытался опредѣлить, какую часть своихъ доходовъ платитъ въ казну каждый богатый и каждый бѣдный. Сознавая, однако, что бѣдняку все-таки тяжелѣе платить, чѣмъ богатому, Меньшиковъ обрушился на бѣдняка.

„Это правда, но это вина не богачей, а бѣдняковъ... Виновенъ слабый въ своей слабости, но чѣмъ виновенъ силь-

ный — въ силѣ?.. Богатство есть обычная награда тѣхъ, кто болѣе нуженъ обществу...

„Раздраженной зависти низшихъ классовъ власть должна объяснить (?), что въ свободномъ обществѣ каждому доступно все... Демагоги обманываютъ народъ, говоря, будто богатые меньше платятъ, чѣмъ бѣдные. Богатые всегда и всюду платятъ больше, хотя непропорціонально своему достатку. Но почему же пропорціональность была бы справедливѣе?..“

Правда, дальше Меньшиковъ оказываетъ милость бѣднякамъ: онъ соглашается, что слѣдуетъ облегчить „часть“ ноши, лежащей на плечахъ бѣдняковъ, „потому что бѣднякамъ не подъ силу нести эту ношу.

„Но если бѣднякамъ придется нести меньше обязанностей, то они не должны удивляться, если имъ предоставлено будетъ и меньше правъ... Если тотъ или иной общественный классъ выпадаетъ изъ производительнаго труда (?) націи, онъ долженъ *терять* и нѣкоторыя политическія права“...

Не обѣднѣвшее ли крестьянство и не рабочій ли классъ выпадаютъ изъ производительнаго труда націи, по мнѣнію продажнаго пѣвца богатства и силы?.. Но ясно, куда клонится возмутительная по своей бездоказательности и недобросовѣстности защита богатства: пусть ужъ государство облегчитъ немного „ношу“ трудовыхъ классовъ, но зато пусть оно лишитъ ихъ и равныхъ политическихъ правъ съ богатыми классами! Пусть бѣдные классы попрежнему будутъ не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ рабствѣ у богатыхъ классовъ!

Что сказали бы крестьяне, если бы они читали такія недобросовѣстныя и лживыя проповѣди угодниковъ богатства? Но эти проповѣди пишутся не для крестьянъ, а для самихъ же богатыхъ, которые читаютъ хвалу самимъ себѣ, наслаждаются и хорошо платятъ своимъ проповѣдникамъ...

Въ подчеркнутыхъ нами выше словахъ нововременскаго публициста заключается истинная, хотя и тщательно скрываемая сущность позиціи „правыхъ“ въ борьбѣ народнаго представительства за бюджетныя права. Именно въ этомъ

пунктѣ бюджетные вопросы самымъ тѣснымъ образомъ соприкасаются съ вопросами общеполитическими, съ пониманіемъ различными общественными классами самой сущности политическаго строя, самой сущности „конституціи“.

И мы позволимъ себѣ закончить нашъ очеркъ отношеній Думы, правительства и общества къ бюджетнымъ вопросамъ именно указаніемъ на связь, какая существуетъ между областью общественныхъ интересовъ, задѣваемыхъ бюджетомъ съ одной стороны и общеполитическимъ направленіемъ и политическими идеалами опредѣленныхъ классовъ съ другой стороны. Конечно, и въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, „правая“ группа общества.

За конституцію или *противъ* конституціи наши такъ называемые „правые“?

Если не въ самой Думѣ, то внѣ ея „правые“ уже успѣли заявить, что и они ничего не имѣютъ противъ конституціи. Въ печати уже проскальзывали недоумѣющіе вопросы, что сей сонъ означаетъ? Мало того: правые будто бы готовы стоять даже за отвѣтственность министерства, т.-е. за парламентаризмъ, не говоря уже о великихъ „широкихъ реформахъ“, заботливости о народномъ благѣ, о величіи и счастьѣ Россіи и т. п. блестящихъ словахъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти блестящія слова и даже чисто конституціонныя увѣренія съ теченіемъ времени непремѣнно должны будутъ все больше и больше входить въ парламентскій обиходъ нашихъ реакціонныхъ партій. Разсчитывать на то, что эти партіи будутъ довольствоваться грубыми, прямолинейными, явно враждебными конституціи выкриками въ духѣ „союза русскаго народа“ и даже „Московскихъ Вѣдомостей“, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Прежде всего наши реакціонеры, являясь открыто *правительственной* партіей, должны будутъ согласовать свою „парламентскую тактику“ съ тактикой правительства. Правительство безъ игры въ конституціонность обойтись не можетъ никакъ, пока оно говоритъ о „совмѣстной“ работѣ

съ народнымъ представительствомъ. Вслѣдъ за правительствомъ должны играть въ конституцію и думскіе „правые“.

Эта игра безусловно необходима не только съ точки зрѣнія „успокоенія Европы“, у которой придется занимать деньги, но и съ точки зрѣнія отуманиванія широкихъ массъ, у которыхъ, такимъ образомъ, должны будутъ спутываться представленія о разницѣ между правыми и лѣвыми съ „чисто конституціонной“ точки зрѣнія.

Конечно, расчетъ на эту путаницу весьма безнадеженъ, но онъ, несомнѣнно, есть и для будущаго, для періодовъ усталости или пониженія политическаго настроенія массъ имѣетъ извѣстное практическое основаніе. Мутить политическое сознаніе массъ всегда выгодно для тѣхъ, кто путемъ правдивой и прямой защиты интересовъ этихъ массъ не въ состояніи привлечь ихъ на свою сторону. И правые всегда мутили и будутъ мутить сознаніе народныхъ массъ, прикрываясь блестящими словами о народномъ благѣ, о величіи и счастьѣ Россіи, о широкихъ государственныхъ интересахъ.

Почему бы не прибавить сюда еще и конституціонности, даже парламентаризма? Это тѣмъ болѣе умѣстно, что *и въ дѣйствительности самые крайніе наши реакціонеры за конституцію!* Вопросъ только *за какую?*

Было бы совершенно наивно думать, вѣрить и говорить, что наши реакціонныя теченія безкорыстно, изъ чисто идеалистическихъ, напримѣръ, славянофильскихъ, соображеній и побужденій стоятъ за сохраненіе неограниченнаго монархическаго самодержавія. Ничего подобнаго! И реакціонныя, крѣпостническія наши теченія, совершенно такъ же, какъ и теченія прогрессивныя, демократическія, всегда стремились и будутъ стремиться къ ограниченію самодержавія, къ болѣе или менѣе активному участію въ политической жизни государства, къ большему или меньшему захвату политической власти въ руки тѣхъ классовъ, интересы которыхъ эти теченія представляютъ.

И въ данный моментъ самымъ крайнимъ нашимъ реакціонерамъ нѣтъ никакого расчета совершенно отказаться отъ конституціи и отъ парламента,—имъ только нужно позабо-

титься о томъ, чтобы и конституція и парламентъ были такими, какіе имъ нужны, т.-е. какіе выгодны для класса крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. И упорныя стремленія реакціоннаго дворянства и ихъ прислужниковъ добиться *измѣненія избирательнаго закона*, конечно, не въ сторону всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, безспорно подтверждаютъ это.

А что всевозможные оттѣнки „консервативно-конституціонныхъ" теченій, теперь уже настойчиво подчеркивающихъ свою „конституціонность" и свою склонность къ парламентаризму, исходятъ тоже изъ чисто классовыхъ интересовъ и побужденій, отлично показываютъ писанія такихъ „идеологовъ" этихъ теченій, какъ нововременскій Меньшиковъ, продажное міровоззрѣніе котораго, впрочемъ, попутано слишкомъ ужъ пестрыми нитками. Но чисто классовая нить въ его размышленіяхъ о нашей „конституціи" все же бросается въ глаза достаточно замѣтно.

Возьмемъ хотя бы его характерныя разглагольствованія объ „осадѣ власти" („Н. В.", 11132 №). Что Меньшиковъ прежде всего хлопочетъ о защитѣ правительства и подбодряетъ его въ борьбѣ съ „революціей", призывая его не ограничиваться „полумѣрами",—это само собою разумѣется: наемные прислужники „твердой власти", уже въ силу одного своего усердія, должны оказываться даже тверже самой твердой власти! Иначе и награждать ихъ будетъ не за что. Если прислужникъ при этомъ иной разъ и пофрондируетъ немного, проявитъ какъ будто даже полную свою независимость отъ своихъ патроновъ,—это тоже будетъ кстати, даже умно...

Меньшиковъ признаетъ, что наше правительство „до сихъ поръ какъ будто не готово къ революціи", какъ и всегда было не готово раньше: „Такъ было въ революціонную эпоху 60-хъ годовъ, такъ было во времена декабристовъ... въ разгаръ Пугачевскаго бунта".

Но „*задушенная* внѣшними побѣдами революція ушла въ свои зараженные очаги—въ то глубокое соціальное и государственное неустройство, которое у насъ *всегда* было. Пра-

вительство, вмѣсто того, чтобы заняться дѣятельной *чисткой* гигантскаго *болота* (революціоннаго или государственнаго?), каждый разъ думало, что бѣда прошла и все обстоитъ благополучно. *Лишь теперь*, какъ и въ Севастополѣ, почувствовавъ себя въ „осадѣ", *власть* какъ будто *просыпается* и проявляетъ *кипучую* дѣятельность. Въ недѣли и мѣсяцы (послѣ роспуска Думы) *наверстывается* то, что упущено десятилѣтіями и вѣками".

Мысль нововременскаго „государственнаго мужа" ловко скользитъ между революціей, твердой властью, интересами государства и какъ будто необходимостью какихъ-то коренныхъ реформъ не только для „задушенія" революціи, но и для ея предотвращенія. Но прямой, открытой позиціи г. Меньшикова по отношенію къ вопросу установить невозможно. Онъ продолжаетъ: „Какъ могучее средство *самозащиты* (!!), но никакъ не защиты интересовъ государства, а тѣмъ болѣе народа (!), правительство выдвинуло *парламентъ*".

Прекрасная мысль усерднаго защитника правительства. Она была бы совершенно вѣрной, если бы вмѣсто слова „выдвинуло" Меньшиковъ сказалъ бы: „вынуждено было выступить на путь парламента".

И если бы г. Меньшиковъ имѣлъ еще достаточно ума и смѣлости, чтобы признать, что самодержавное правительство въ сферѣ соціально-экономическаго творчества и дѣятельности всегда и прежде всего твердо стояло и стоитъ на точкѣ зрѣнія защиты „собственности", каковая точка зрѣнія вполнѣ отвѣчаетъ и точкѣ зрѣнія крупно-имущихъ классовъ, то значеніе „выдвинутаго" правительствомъ парламента, какъ послѣдняго, наиболѣе культурнаго и наиболѣе надежнаго средства „самозащиты" не только правительства, но и солидарнаго съ нимъ класса крѣпостнически настроенныхъ крупныхъ собственниковъ, сдѣлалось бы совершенно яснымъ. Такъ же ясной сдѣлалась бы и *неизбѣжность* парламента, какъ таковаго средства „самозащиты" разрушающагося крѣпостнически-классоваго строя. Совершенно ясно стало бы,—и „Новое Время" вполнѣ „искренно" говорило это еще 20 февраля, въ день открытія второй Думы, — что „парламентъ необхо-

димъ для всѣхъ насъ", т.-е. и для правительства и для „благомыслящей" части общества, да заодно ужъ, можетъ-быть, и для некультурнаго крестьянства, для некультурныхъ трудовыхъ массъ. Но, конечно, „Новое Время", какъ и болѣе прямолинейно-реакціонные органы печати, возмущалось и возмущается вторженіемъ „мужика" въ самый парламентъ. Оно тоже стояло и стоитъ за допущеніе туда только „благомыслящихъ". А Меньшиковъ дополняетъ: „Парламентъ — вещь *вообще* (?!) спасительная и необходимая, но онъ черезчуръ *запоздалъ* и введенъ *не во-время*. Его нужно было учредить *при Екатеринѣ* (!)... Если не при Екатеринѣ, то превосходный моментъ для введенія конституціи была эпоха послѣ Отечественной войны... Хотя *благороднѣйшіе изъ знати* (имъ вотъ, конечно, и надо было дать парламентъ!) и тогда болѣли сознаніемъ государственнаго неустройства, но вѣдь этой же скорбью болѣлъ и самъ императоръ"... Онъ и долженъ бы былъ дать парламентъ, т.-е. раздѣлить политическую власть „самодержавія" и юридически съ тѣми, съ кѣмъ она косвенно раздѣлялась фактически. Тогда вокругъ „престола собрались бы тѣ же революціонеры, тѣ же декабристы, и можно себѣ представить, какой горячій и возвышенный вышелъ бы тогда парламентъ!.."

Вотъ какой горячій поклонникъ „возвышеннаго" парламента нововременскій Меньшиковъ! Онъ захлебывается отъ восторга, представляя себѣ парламентъ изъ „благороднѣйшей знати"! И если бы теперь судьба сжалилась надъ Россіей, повыгнала бы изъ нынѣшняго „парламента" всѣхъ этихъ невѣжественныхъ мужиковъ, „растрепанныхъ соціалистовъ" и большую часть кадетовъ, не представляющихъ собой „благороднѣйшихъ изъ знати", то, конечно, Меньшиковъ и тѣ, чьи затаенные помыслы они отражаютъ, благословили бы судьбу и „возвышенный русскій парламентъ, въ которомъ возсѣдали бы только *благороднѣйшіе* изъ знати".

Но правительство наше недогадливо: вздумало собирать парламентъ въ революціонную эпоху. „*Хотьли* (!) видѣть его консервативнымъ, нужно было собирать его въ годы консерватизма, а изъ консервативнаго, понемногу, вмѣстѣ съ исто-

ріей и развитіемъ народнымъ, сложился бы и *прогрессивный* парламентъ".

Какъ видите, Меньшиковъ—либералъ,—онъ за прогрессивный парламентъ, когда это потребуется и будетъ допущено „развитіемъ народнымъ"! Какая либеральная и правдивая картина превращенія консервативныхъ парламентовъ въ прогрессивные!..

Наговоривши такихъ лживыхъ и невѣжественныхъ „либеральныхъ словъ". Меньшиковъ продолжалъ науськивать правительство на смѣлое обращеніе со второй „революціонной" Думой: „Правительство хорошо сдѣлаетъ, если отброситъ иллюзію насчетъ законопослушности Думы".

Но на этотъ разъ Меньшиковъ, раньше не отказывавшійся и отъ совѣтовъ разгонять „революціонныя сборища", хотя бы они носили имя Думы, безъ всякихъ церемоній, теперь, вдругъ, какъ будто смиряется и благоразумно совѣтуетъ „не пытаться" итти противъ вѣтра. Въ разгаръ революціи власть не только невольно, но по доброй волѣ должна итти впереди реформъ. Г. Столыпинъ превосходно дѣлаетъ, настаивая на готовности правительства осуществить огромный кругъ законовъ истинно-конституціонныхъ... Но, ставя парламентъ верховнымъ органомъ реформы, власть обязана не допускать, чтобы онъ сдѣлался верховнымъ органомъ революціи...

„*При первомъ* же серьезномъ *сомнѣніи* (! достаточно „сомнѣнія"!), что это не лучшіе граждане и занимаются не утвержденіемъ законности, а разрушеніемъ ея, *ихъ слѣдуетъ распустить*. Въ Пруссіи и Японіи... пришлось нѣсколько разъ подъ рядъ распускать палаты, пока народъ не отрезвѣлъ... Всего вѣроятнѣе, что и у насъ придется сдѣлать то же..." Пророчество сбылось.

Но „умная политика" требуетъ пока „скрѣпя сердце ждать", конечно, безъ попустительства, а затѣмъ уловить моментъ, когда, распустивши хоть цѣлый рядъ непослушныхъ Думъ, удастся, наконецъ, созвать „возвышенный" парламентъ, который бы состоялъ, конечно, только изъ „благороднѣйшей знати". Тогда ужъ и Меньшиковы будутъ пѣть

только хвалебныя и благодарственныя пѣсни. Чѣмъ же это не „искренній конституціонализмъ“? И чѣмъ же онъ объясняется, какъ не чисто классовыми крѣпостническими вожделѣніями „благороднѣйшихъ изъ знати“ и ихъ наемныхъ прислужниковъ?

Не только „искренніе конституціоналисты“ типа „Новаго Времени“, но и самые грубые и необузданные „правые“ рѣшительно ничего не будутъ имѣть противъ такой „конституціи“, при которой законодательная и политическая власть будетъ находиться въ рукахъ „благороднѣйшихъ изъ знати“ и ихъ ставленниковъ и прислужниковъ.

Въ этомъ смыслѣ Россія не должна сомнѣваться въ томъ, что всѣ наши правые, монархисты, „союзъ русскаго народа“, а тѣмъ болѣе „союзъ 17 октября“ и близкія къ нимъ партіи и теченія—всѣ они тоже „конституціоналисты“! Но всѣ они признаютъ только такую конституцію, при которой судьба Россіи и ея многомилліоннаго трудового населенія будетъ крѣпко-накрѣпко находиться въ рукахъ „благороднѣйшихъ изъ знати“!

Благороднѣйшіе и даже неблагороднѣйшіе изъ знати, конечно, не могутъ ничего имѣть противъ сосредоточенія политической власти въ ихъ рукахъ. А *политическая власть* отдастъ всецѣло въ ихъ руки и *власть бюджетную*—эту наиболѣе существенную, реальную, конкретную, конечную цѣль совершающейся и въ Россіи политической борьбы!

ГЛАВА II.

Бюджеты и финансовыя „предположенія“ переходнаго періода 1906—1907 гг.

Съ 1906 года для русской росписи доходовъ и расходовъ начинается новый періодъ. Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1906 годъ въ самомъ началѣ отмѣчаетъ этотъ новый періодъ: „Высочайшими манифестами 6 августа и 17 октября 1905 года,—говоритъ докладъ министра финансовъ,—населенію Имперіи даровано право участія черезъ своихъ выборныхъ въ обсужденіи финансовыхъ смѣтъ и росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Представленная Вашему Императорскому Величеству роспись доходовъ и расходовъ на 1906 годъ является поэтому *послѣднею*, разсмотрѣнною въ прежнемъ порядкѣ, безъ участія выборныхъ отъ населенія“.

Введеніе народнаго представительства, — поскольку бюджетныя права его являлись дѣйствительными, реальными, фактическими,— конечно, должно было отразиться не только на сущности, на реальномъ содержаніи бюджета, но и на его формѣ, на способахъ его составленія, обсужденія и утвержденія.

Въ исторіи нашего бюджета формальныя измѣненія, однако, опередили измѣненія по существу. Притомъ и сами формальныя измѣненія оказались слишкомъ внѣшняго характера: они не были приспособлены къ тѣмъ внутреннимъ измѣненіямъ, которыхъ надо было ожидать отъ вмѣшательства народнаго представительства въ финансовое управленіе госу-

дарства; они не шли навстрѣчу ожидаемымъ требованіямъ народнаго представительства; напротивъ, въ своей существенной части они старались предупредить это вмѣшательство народнаго представительства, защитить старый бюрократическій порядокъ бюджетнаго хозяйства отъ вліяній новыхъ, народопредставительныхъ началъ. Формальныя измѣненія въ порядкѣ составленія и обсужденія бюджета носили все тотъ же упорно-бюрократическій характеръ и неминуемо создавали только почву для борьбы, для конфликтовъ съ народнымъ представительствомъ, или же... не создавали ничего, кромѣ мертвой буквы, фразы, названія, формы.

Согласно указу 19 октября 1905 года, на Совѣтъ Министровъ возложено направленіе и объединеніе дѣйствія главныхъ начальниковъ вѣдомствъ, а въ связи съ этимъ измѣнился и порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, требующихъ законодательнаго утвержденія.

Измѣнился, слѣдовательно, и порядокъ разсмотрѣнія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, дѣйствовавшій со времени правилъ 22 мая 1862 года. Центромъ, къ которому исполнительная власть должна направлять теперь составленную, по существу—прежнимъ порядкомъ, государственную роспись доходовъ и расходовъ, сдѣлалась Государственная Дума, къ вѣдѣнію которой, на основаніи ст. 31, 49 и 52 учрежденія Государственной Думы, относится и государственная роспись вмѣстѣ съ финансовыми смѣтами министерствъ и главныхъ управленій. А согласно п. 1 Высочайшаго указа 8 марта 1906 года, проектъ росписи вносится одновременно и въ Государственный Совѣтъ и въ Государственную Думу и разсматривается ими въ обычномъ законодательномъ порядкѣ.

Такъ какъ разсмотрѣніе росписи въ рѣшающей формѣ перенесено теперь въ Государственную Думу, то всѣ указанія смѣтныхъ правилъ 1862 года, касавшіяся участія бюрократическихъ органовъ въ этомъ разсмотрѣніи, теряютъ свою силу при новомъ порядкѣ; точно такъ же и всѣ указанія о срокахъ разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ и росписи.

Но все это, конечно, только внѣшнія измѣненія, вліяніе которыхъ на сущность дѣла можетъ оказаться и пока, дѣй-

ствительно, оказывалось равнымъ нулю. Гораздо существеннѣе тѣ измѣненія внутренняго характера, которыя запечатлѣлись въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату 8 марта 1906 года и въ утвержденныхъ того же числа „правилахъ о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны расходовъ, росписью не предусмотрѣнныхъ". Въ этихъ „правилахъ 8 марта" и коренится источникъ упорной и тяжелой борьбы за бюджетныя права народнаго представительства, такъ какъ всѣ существенные пункты „правилъ 8 марта" внесены и въ новые основные законы Имперіи, изданные 23 апрѣля 1906 г.

На этихъ „правилахъ" мы остановимся ниже, когда будемъ говорить о бюджетѣ 1907 года, теперь же отмѣтимъ только, что сущность этихъ „правилъ" заключается въ возможно большемъ ограниченіи бюджетныхъ правъ народнаго представительства и въ возможно большемъ расширеніи бюджетныхъ правъ стараго порядка, по сравненію съ правами народнаго представительства.

Вполнѣ понятно, что старый порядокъ стремится все оставить по-старому и дѣлаетъ уступки новымъ силамъ только очень постепенно, по мѣрѣ сознанія невозможности дальнѣйшей борьбы. Въ борьбѣ за бюджетныя права это сказывается особенно ярко.

Мы видѣли, что въ концѣ 1905 года министръ финансовъ (Шиповъ) торжественно, во Всеподданнѣйшемъ докладѣ, выразилъ не только надежду, но и твердое убѣжденіе, что представленная имъ роспись является уже „послѣднею" росписью, разсмотрѣнной въ старомъ, бюрократическомъ порядкѣ, безъ участія народныхъ представителей или, на бюрократическомъ языкѣ, „выборныхъ отъ населенія".

Казалось бы, что такъ оно и должно быть. Но исторія и 1906 и 1907 года показала, что это далеко не такъ. „Послѣдняя" роспись 1906 года оказалась не послѣдней потому, что распустили первую Думу, первый призывъ „выборныхъ отъ населенія". Очередь сдѣлаться „послѣдней" стояла за росписью 1907 года. Но тутъ уже министръ финансовъ былъ осторожнѣе и не назвалъ внесенную имъ въ Государствен-

ную Думу роспись на 1907 годъ „послѣдней“ бюрократической росписью. И судьба, дѣйствительно, не сулила ей быть таковой: она оказалась и составленной, и разсмотрѣнной, и фактически утвержденной, и исполненной совершенно по старому порядку, „безъ участія выборныхъ отъ населенія“. Государственной Думѣ пришлось участвовать только въ „предварительномъ“ разсмотрѣніи проекта росписи „по вопросу о порядкѣ направленія“ дальнѣйшей работы по этому разсмотрѣнію. Дальнѣйшая же работа была прекращена въ виду „прекращенія занятій Думы“ вообще. Вторая Дума не разсмотрѣла бюджета потому, что и она была распущена. Третьей Думѣ придется имѣть дѣло уже съ росписью на 1908 годъ, и, можетъ-быть, именно этой росписи и суждено сдѣлаться „первой“ росписью, разсмотрѣнной и утвержденной въ новомъ порядкѣ „съ участіемъ выборныхъ отъ населенія“. Третья Дума соберется въ тотъ день, въ который, согласно „правиламъ 8 марта“, къ ней должна поступить государственная роспись доходовъ и расходовъ, 1 ноября. Окончить же разсмотрѣніе росписи, согласно тѣмъ же „правиламъ“, Дума должна къ 1 декабря. Если на выборъ президіума и комиссій, на провѣрку выборовъ и т. п. отбросимъ мѣсяцъ, то для разсмотрѣнія росписи у третьей Думы останется только одинъ мѣсяцъ. Но роспись ждать не можетъ. Ее нужно будетъ утвердить. И ее утвердятъ „выборные отъ населенія“, если они будутъ настолько скромны, какъ того хотѣлось бы старому порядку.

Если это случится, мы можемъ быть увѣрены, что внутренній характеръ росписи и на 1908 годъ останется такимъ же, какимъ онъ былъ и въ 1907 и въ 1906 году, т.-е. во весь періодъ переходнаго политическаго состоянія Россіи.

А каковъ былъ этотъ внутренній характеръ государственной росписи, т.-е. и внутренній характеръ, сущность, содержаніе бюджетной и податной политики государства, въ этотъ переходный политическій періодъ Россіи?

Намъ чрезвычайно важно остановиться именно на этомъ періодѣ въ бюджетной исторіи Россіи, такъ какъ, несомнѣнно, въ этомъ періодѣ мы найдемъ кульминаціонную точку всей

предшествующей исторіи русскаго бюджета, найдемъ то наслѣдіе, которое старый строй оставляетъ идущему ему на смѣну новому политическому строю, еще только присматривающемуся къ этому наслѣдію, но не ощущающему всей его тяжести.

Итакъ, разсмотримъ хотя бы въ самыхъ основныхъ чертахъ росписи переходнаго періода, т.-е. росписи 1906 и 1907 года. Начнемъ съ „послѣдней" росписи, т.-е. съ росписи 1906 г., оставаясь все время на почвѣ офиціальнаго документа — Всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, Шипова [1]).

Оцѣнивая общее финансовое положеніе Россіи въ концѣ 1905 года, министръ финансовъ дѣлаетъ вполнѣ опредѣленное признаніе: „Современное положеніе русскихъ финансовъ довольно трудное. Положеніе это, вызванное войною и безпорядками, однако, временное, и въ будущемъ можно ожидать несомнѣннаго улучшенія".

На чемъ же покоилась увѣренность министра въ „несомнѣнномъ" улучшеніи, котораго, однако, только „можно" ожидать? Министръ не приводилъ никакихъ реальныхъ, фактическихъ данныхъ, изъ которыхъ могла бы вытекать такая увѣренность. Онъ больше опирался на то, что „эпохи экономическаго застоя, какъ указываетъ историческій опытъ, обыкновенно смѣняются періодами оживленія и расцвѣта", и находилъ, что „надежнымъ залогомъ грядущаго подъема общественныхъ силъ является путь самодѣятельности, на который русское общество призвано вступить державною Вашею волею, и уравненіе передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества".

Точка зрѣнія министра финансовъ, конечно, была совершенно правильной: путь политической самодѣятельности широкихъ слоевъ трудового населенія является, дѣйствительно, надежнѣйшимъ средствомъ къ подъему производительныхъ

---

[1]) Болѣе детально эта роспись разсмотрѣна авторомъ во вступительной статьѣ къ переводу книги Р. Мартина: „Будущность Россіи и Японіи". Москва. 1907 г., изд. Т-ва И. Д. Сытина.

силъ народа, и необходимость утвержденія новаго, свободнаго представительнаго политическаго строя именно на этомъ и покоится; безъ политической свободы и самодѣятельности государству грозитъ лишь дальнѣйшее экономическое и финансовое истощеніе, неминуемымъ результатомъ котораго будетъ и политическая смерть государства.

Къ сожалѣнію, старый строй, повидимому, не достаточно ясно представляетъ себѣ эту экономическую, т.-е. глубоко жизненную, органическую необходимость и неизбѣжность утвержденія новаго, представительнаго политическаго строя въ Россіи, и упорно стремится противодѣйствовать его утвержденію. Въ этомъ упорствѣ и коренится начало, совершенно обезцѣнивающее благія надежды и пожеланія, которыя мы часто встрѣчаемъ въ нашихъ высшихъ бюрократическихъ сферахъ и документахъ, хотя бы и въ только что цитированномъ документѣ, во Всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ Шипова. Безсиліе всѣхъ этихъ благихъ надеждъ и пожеланій объясняется органическимъ безсиліемъ всего стараго строя.

Это отлично видно и на росписи 1906 года. Сущность ея, несмотря на приведенныя выше достаточно вѣрныя общія мысли, фразы и пожеланія, остается вполнѣ старой,—глубоко отрицательной. Въ этой росписи мы видимъ прежде всего характернѣйшую черту старыхъ бюрократическихъ росписей—стремленіе къ быстрому росту бюджета, невзирая на явно-тяжелое финансовое положеніе государства и на истощеніе платежныхъ силъ населенія. Несмотря на то, что непрекращающіеся „недороды“ требовали даже внесенія въ роспись крупныхъ суммъ на помощь населенію, страдавшему отъ этихъ недородовъ; несмотря на то, что гибельная война съ Японіей требовала тяжелой расплаты не только живыми производительными силами страны, но и продолжающимися еще до сихъ поръ финансовыми жертвами; несмотря на то, что охватившая страну борьба за новое, лучшее политическое и соціальное будущее Россіи тоже неизбѣжно связана была съ огромными жертвами,—несмотря на все это роспись 1906 года, эта мнимо „послѣдняя“ бюрократическая роспись,

была сведена съ увеличеніемъ „обыкновенныхъ“ расходовъ, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, на 102 милліона рублей [1]): 2.018 милліоновъ по росписи на 1906 годъ вмѣсто 1.913 милліоновъ руб. въ 1906 году. О „чрезвычайныхъ“ расходахъ, тѣсно связанныхъ съ послѣдней войной, и говорить нечего: они составляли въ росписи 1906 года 492.896.225 рублей, и притомъ, какъ констатировала роспись 1907 года, оказались совершенно недостаточными, фактически почти вдвое большими!

Вмѣстѣ съ чрезвычайными расходами бюджетъ 1906 года достигъ, такимъ образомъ, громадной суммы 2.510.972.175 руб.! Т.-е. оказался первымъ по величинѣ бюджетомъ во всемъ мірѣ.

На что же предназначено было превышеніе обыкновеннаго бюджета по росписи 1906 года на цѣлыхъ 102 милліона рублей? На положительныя или на отрицательныя, непроизводительныя потребности государства? Главнымъ образомъ, на отрицательныя. Прежде всего на платежи по новымъ займамъ, которые оказываются на 31,7 милліона рублей больше, чѣмъ въ 1905 году, и на 45 милліоновъ руб. больше, чѣмъ въ 1904 году.

Этотъ пунктъ, эта статья государственныхъ расходовъ оказывается фатальной для русскаго бюджета: въ росписи каждаго года эта статья правильно и быстро возрастаетъ.

Въ проектѣ росписи на 1907 годъ, внесенномъ министромъ финансовъ Коковцевымъ во вторую Думу [2]) вносятся такія (нѣсколько измѣненныя по сравненію съ росписью 1906 года) цифры платежей по государственнымъ займамъ:

Въ 1902	году	. . . .	290.798	тыс. руб.
„ 1903	„	. . . .	289.759	„ „
„ 1904	„	. . . .	298.705	„ „
„ 1905	„	. . . .	306.965	„ „
„ 1906	„	. . . .	335.114	„ „
„ 1907	„	. . . .	380.724	„ „

[1]) Приводимъ здѣсь только общія и болѣе характерныя цифры. Полный же сводъ росписи см. ниже.

[2]) Стр. 125.

Государственный долгъ Россіи превышаетъ въ настоящее время 8 милліардовъ рублей [1]), и Россія, принимая во вниманіе экономическое истощеніе ея трудового населенія, по своей задолженности, стоитъ, несомнѣнно, на первомъ мѣстѣ въ мірѣ.

Итакъ, роспись 1906 года должна была оказаться превышающей роспись предшествующаго года прежде всего въ силу возрастанія задолженности государства. Далѣе „расходныя назначенія по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ возросли противъ 1905 года на 24,5 милліона рублей, главнымъ образомъ, отъ усиленія состава городской полиціи и полицейской стражи въ уѣздахъ и увеличенія содержанія полицейскихъ чиновъ".

Этотъ расходъ, очевидно, также имѣетъ отрицательный, непроизводительный характеръ; онъ вызванъ борьбой со „смутой", т.-е. съ явленіемъ, коренящимся въ несовершенствѣ того строя, отраженіемъ котораго являются и сами бюрократическія росписи.

Еще болѣе угрожающе-отрицательный характеръ носитъ расходъ „на выдачу пособій населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній", попросту—голодающимъ. Въ 1906 году въ роспись было внесено на этотъ предметъ 30 мил. руб.; но эта сумма оказалась недостаточной и въ смѣту 1907 года пришлось уже вносить гораздо больше. Ростъ голода въ земледѣльческомъ населеніи—самый болѣзненный показатель внутренняго безсилія и разложенія стараго строя, при которомъ производительныя силы народа только систематически шли на убыль, и страна была доведена до непрекращающихся почти „недородовъ", а государственное хозяйство—до милліардныхъ долговъ, за которые долго еще придется расплачиваться будущимъ поколѣніямъ.

Прослѣдимъ дальнѣйшія потребности, на удовлетвореніе которыхъ роспись 1906 года должна была возрасти на 102 мил. рублей.

---

[1]) На 1 января 1907 г. онъ опредѣлялся суммой въ 8.594 милліоновъ рублей. *Проф. Мигулинъ* „Русскій государственный кредитъ".

„На увеличеніе содержанія, усиленіе пищевого довольствія и вообще на улучшеніе быта нижнихъ чиновъ“ въ смѣту Военнаго Министерства было внесено 31 мил. руб. Въ смѣту Министерства Путей Сообщенія „на улучшеніе быта служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ“ тоже внесено 16,1 мил. руб.

Характерныя прибавки, до сихъ поръ никогда въ такихъ размѣрахъ не фигурировавшія въ русскихъ росписяхъ. И исторія знаетъ, чѣмъ объяснялась эта „заботливость“ бюрократическаго правительства о нижнихъ чинахъ и о служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ: эта заботливость являлась противоядіемъ разраставшейся „революціонной смутѣ“, проникшей не только на фабрики, заводы, желѣзныя дороги, но даже и въ казармы; пришлось попытаться поставить на порогѣ казармы, въ качествѣ стража противъ революціонной смуты, „увеличеніе жалованья, усиленіе приварка, установленіе чайнаго довольствія, отпускъ бѣлья и постельныхъ принадлежностей и отпускъ денегъ на мыло“; кромѣ того, „добавлено въ 1907 году 1.596 тыс. руб., согласно Высочайше утвержденному 26 апрѣля 1906 года мнѣнію Государственнаго Совѣта и другимъ постановленіямъ, на улучшеніе быта нижнихъ чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ и на штатныя преобразованія въ этомъ корпусѣ“ [1]).

Содержаніе отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ росписи 1906 года составляло 5.529.751 руб., при чемъ расходъ этотъ числится по Военному Министерству, несмотря на чисто „внутренній“ характеръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ.

Таковы тѣ расходы, которые обусловили увеличеніе росписи 1906 года болѣе, чѣмъ на сто милліоновъ руб. Ростъ росписи носитъ явно отрицательный характеръ и указываетъ на внутреннія, органическія затрудненія, переживаемыя народнымъ хозяйствомъ и государствомъ.

Мы не говоримъ уже о громадной долѣ бюджета, падающей всегда на военные расходы. По росписи 1906 года, на

---

[1]) Проектъ росписи на 1907 г., стр. 118.

Морское Министерство было ассигновано 104.079.406 руб., на Военное—374.855.969 и „на случай возвышенія стоимости провіанта и фуража“ 5 милліоновъ руб. Всего на военныя надобности по обыкновенному бюджету—483.935.375 руб. да по чрезвычайному—405.375.775 руб. „на расходы, связанные съ русско-японской войной и ея послѣдствіями“. Всего въ 1906 году на военныя потребности предполагалось израсходовать болѣе 889,3 милліона руб., т.-е. болѣе 35% всего бюджета.

Прибавьте сюда смѣты Министерства Внутреннихъ дѣлъ—131.228.899 руб.; Святѣйшаго Синода—болѣе 29 милліоновъ руб.; Министерства Императорскаго Двора—болѣе 16 милліоновъ руб.; платежи по государственному долгу около 335 милліоновъ руб.—и вы получите болѣе половины всего бюджета расходовъ, вліяніе которыхъ на ростъ производительныхъ силъ страны весьма сомнительно.

Само собою разумѣется, что расходы на культурныя и производительныя потребности соотвѣтственно урѣзаны, ничтожны.

Таковъ характеръ расходной части „послѣдней“ росписи. Не менѣе блестящей иллюстраціей отрицательныхъ качествъ „послѣдней“ росписи является и ея доходная часть. Здѣсь мы прежде всего должны отмѣтить характерную склонность къ „кредитнымъ операціямъ“ и къ „позаимствованіямъ“ изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ предшествующихъ годовъ источниковъ для покрытія нуждъ текущаго момента. Все, что было накоплено раньше и уцѣлѣло случайно, растрачивается. На будущія поколѣнія накладываются все новыя и новыя тяготы внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ. Бюрократическое правительство живетъ авансами на счетъ будущихъ поколѣній. Истинный смыслъ, истинное хищническое значеніе этого авансированія тщательно замалчивается и даже понятіе „займовъ“ замаскировывается бюрократическими витіеватыми выраженіями, въ родѣ „предстоящихъ кредитныхъ операцій“.

Особенно сильнаго напряженія достигла эта склонность къ „кредитнымъ операціямъ“ и „позаимствованіямъ“ именно

въ 1906 и 1907 году, въ виду необходимости изыскать огромныя средства на ликвидацію русско-японской войны и „ея послѣдствій“. Во что обошлась эта война для Россіи и откуда были получены средства на войну и „ея послѣдствія“, мы скажемъ ниже, при разсмотрѣніи росписи 1907 года, подлежавшей разсмотрѣнію второй Думы. Теперь же отмѣтимъ только, что „кредитныя операціи“ и „позаимствованія“, фигурировали и въ росписи 1906 года въ такой сильной степени и производили такое впечатлѣніе, что даже буржуазный нѣмецкій критикъ русскихъ финансовъ Р. Мартинъ назвалъ нашу „послѣднюю“ бюрократическую роспись „величайшимъ обманомъ въ исторіи бюджетовъ“.

На ряду со склонностью къ „кредитнымъ операціямъ“ и къ „позаимствованіямъ“, наши послѣднія росписи, начиная съ министра финансовъ Вышнеградскаго (1887—1899 гг.), обнаруживали не менѣе характерную склонность къ своеобразной „осторожности“. Это не была осторожность по отношенію къ истощеннымъ платежнымъ силамъ населенія; эти силы мало интересовали нашихъ министровъ финансовъ; осторожность же касалась скорѣе самихъ министровъ: они старались оберечь себя отъ непріятностей недополучки намѣченныхъ росписью доходовъ и для этого придумали весьма простое средство—составлять смѣты доходовъ „осторожно“, т.-е. уменьшать предполагаемые доходы, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ смѣтнаго года получать пріятные сюрпризы — превышенія доходовъ по сравненію со смѣтными предположеніями и, слѣдовательно, своего рода „излишки“.

Эти „излишки“ обычно предназначались на покрытіе дефицитовъ, но никогда—на уменьшеніе обложенія населенія. Такая „осторожность“ говорила, конечно, только объ „искусствѣ“ министровъ финансовъ, но никакъ не объ ихъ склонности заботливо относиться къ интересамъ плательщиковъ.

Въ то же время результаты этой „осторожности“ давали весьма часто возможность министрамъ финансовъ утѣшать себя и другихъ разговорами чуть не о „блестящемъ“ состояніи финансовъ и экономическаго положенія Россіи. И роспись 1906 года оказалась не свободной отъ этой фальшивой

бюрократической повадки. „Послѣдняя“ роспись тоже отмѣчала: „Поступившія до настоящаго времени въ Министерство Финансовъ свѣдѣнія объ исполненіи смѣтныхъ предположеній на 1905 годъ, *несмотря* на переживаемыя Россіей исключительныя событія, тяжело отражающіяся на благосостояніи населенія, не даютъ основанія опасаться за то, что внесенные въ роспись расходы не будутъ покрыты изъ доходныхъ поступленій текущаго года“.

Фальшь подобныхъ убаюкивающихъ заявленій обнаруживается наступающей дѣйствительностью—дефицитами и неизбѣжностью новыхъ и новыхъ займовъ для ихъ покрытія,—но министры неизмѣнно продолжаютъ увѣрять, что оказывающіеся почти ежегодно „излишки“ превышенія поступленій доходовъ сравнительно со смѣтными предположеніями свидѣтельствуютъ о томъ, что въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ „все обстоитъ благополучно“.

Точно такой же бюрократической фальшью вѣетъ и отъ стремленія подчеркивать всякія, даже сомнительныя по финансовому ихъ характеру, „милости“ по отношенію къ трудовымъ массамъ.

„Послѣдняя“, напр., роспись доходную свою часть начинала такими словами: „Переходя къ обозрѣнію исчисленія доходовъ по росписи на 1906 годъ, слѣдуетъ *прежде всего* (!) отмѣтить исключительно важное, по своему государственному значенію, мѣропріятіе, возвѣщенное Высочайшимъ манифестомъ 3 ноября 1905 года, а именно пониженіе съ 1 января 1906 года оклада выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ на половину, съ полнымъ прекращеніемъ взиманія этихъ платежей съ 1907 года“.

Не только обременительность, но и финансовая несправедливость выкупныхъ платежей давно уже отмѣчалась и финансовой литературой и даже офиціальными совѣщаніями.

„Исключительно важное мѣропріятіе“ должно бы было имѣть мѣсто въ исторіи нашего финансоваго управленія гораздо раньше, и если оно было „возвѣщено“ только въ концѣ

1905 года, послѣ октябрьскихъ событій и заняло мѣсто въ нашихъ росписяхъ рядомъ съ мѣропріятіями по „улучшенію быта“ нижнихъ чиновъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ, то это только не дѣлаетъ особенной чести государственному уму руководителей нашей политики того времени.

Еще болѣе обезцѣниваются подобныя „возвѣщаемыя исключительно важныя мѣропріятія“ тѣмъ обстоятельствомъ, что тутъ же, вслѣдъ за „милостями“ государства по отношенію къ платежнымъ массамъ, возвѣщаются и мѣропріятія обратнаго характера, направленныя на пополненіе тѣхъ „убытковъ“, которые получаются въ росписяхъ отъ этихъ „милостей“.

Такъ и „послѣдняя“ роспись, разсказавши о милости въ выкупныхъ платежахъ, добавляетъ: „съ другой стороны, вызванное войною увеличеніе расходовъ привело къ необходимости повысить нормы нѣкоторыхъ налоговъ и сборовъ. Такъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 31 декабря 1904 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, повышена цѣна на ведро, крѣпостью въ 40%, обыкновеннаго и столоваго вина для Европейской Россіи на 40 коп. и на 1 руб.“. Отъ одного этого повышенія получился излишекъ дохода по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 43 милліона руб.; да отъ другихъ питей—на 5,7 милліоновъ руб. Вотъ ужъ „милость“ по выкупнымъ платежамъ и покрыта, даже съ излишкомъ.

При этомъ—именно косвенные налоги являются излюбленнымъ для бюрократическихъ росписей источникомъ увеличенія доходовъ. Прямые налоги или остаются почти безъ измѣненія или увеличиваются слабо, дѣйствительно, „осторожно“; косвенные же, ложащіеся всей своей тяжестью, главнымъ образомъ, на мало обезпеченныя трудовыя массы населенія, увеличиваются, несмотря на голодъ въ половинѣ земледѣльческихъ губерній, несмотря на застой въ промышленности, несмотря на жертвы войны и внутренней „смуты“.

О земледѣльческихъ и рабочихъ массахъ послѣднія росписи не только особенной, но и почти никакой заботливости не обнаруживаютъ. А вотъ о плательщикахъ болѣе со-

стоятельныхъ заботливость есть: „Согласно заключенію Государственнаго Совѣта, предположено было съ начала 1906 г. повысить нормы обложенія государственнымъ промысловымъ налогомъ... Повышеніе нормъ промысловаго налога, по расчету Министерства Финансовъ, могло бы доставить государственному казначейству увеличеніе дохода на сумму до 15 милліоновъ руб.; но въ виду неблагопріятныхъ условій, переживаемыхъ въ настоящее время торговлей и промышленностью, общій размѣръ поступленія этого налога въ будущемъ 1906 году оставленъ почти безъ измѣненія противъ росписи 1905 года, а именно: 68.325.500 руб. противъ 68.152.000 руб. въ 1905 году".

Припомнимъ также, что „на выдачу ссудъ для возстановленія нефтяныхъ промысловъ", пострадавшихъ отъ бакинскихъ безпорядковъ, роспись 1906 года нашла возможнымъ включить 15 милліоновъ руб. Далѣе, въ 1906 году, и помимо росписи, нашлось 8 милліоновъ руб. на выдачу ссудъ землевладѣльцамъ, пострадавшимъ отъ аграрныхъ безпорядковъ. Конечно, мы не можемъ ничего возразить противъ такихъ ссудъ по существу, особенно, если эти ссуды дѣйствительно обезпечены и казна на нихъ ничего не теряетъ, но не можемъ не отмѣтить исключительной заботливости нашихъ послѣднихъ росписей объ однѣхъ категоріяхъ плательщиковъ и весьма недостаточной заботливости о другихъ, менѣе обезпеченныхъ и болѣе нуждающихся въ такой заботливости.

Такимъ образомъ самой характерной чертой доходной части послѣднихъ росписей, кромѣ склонности къ „кредитнымъ операціямъ", къ „позаимствованіямъ" и къ „осторожности", является отсутствіе всякой осторожности въ обращеніи съ податнымъ прессомъ, выжимающимъ соки, главнымъ образомъ, изъ трудовыхъ, земледѣльческихъ и рабочихъ массъ населенія.

Эта черта проявилась и въ „послѣдней" росписи 1906 г. Конечно, несмотря на всѣ оптимистическія надежды и увѣренія, отмѣченныя нами и въ этой росписи, она была сведена съ дефицитомъ въ 481,1 милліона руб., каковую

сумму, понятно, „предположено (было) покрыть посредствомъ кредитныхъ операцій, которыя будутъ предприняты въ 1906 году“.

Фактически положеніе 1906 года оказалось, какъ мы сейчасъ увидимъ, даже гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ предполагала роспись 1906 года. Тяжелое наслѣдіе съ каждымъ годомъ неизбѣжно возрастаетъ и будетъ возрастать, пока не будутъ устранены самымъ рѣшительнымъ и радикальнымъ образомъ тѣ основныя, внутреннія причины, которыя обусловливаютъ ростъ этого наслѣдія.

Разсмотрѣніе росписи 1907 года еще болѣе рельефно оттѣнитъ намъ эти внутреннія причины, обусловливающія все болѣе и болѣе тугое затягиваніе финансовой петли на нашемъ бюджетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и петли на нашемъ народномъ хозяйствѣ. Единственно, что можетъ ослабить эту петлю, а въ концѣ-концовъ и совсѣмъ развязать ее, это, конечно, переходъ дѣйствительнаго контроля надъ дѣятельностью исполнительной власти государства въ руки широко демократическаго, свободнаго и полноправнаго народнаго представительства.

Перейдемъ, однако, къ разсмотрѣнію второй „послѣдней“ росписи—росписи 1907 года и для общихъ цифровыхъ сравненій приведемъ сначала „общій сводъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ“ на 1906 и 1907 гг.

Государственные доходы.

I.

Обыкновенные доходы:	*1906 г.*	*1907 г.*
1. Прямые налоги	148.318.203	157.835.305
2. Косвенные налоги	424.922.700	456.864.200
3. Пошлины	108.835.675	109.181.292
4. Правительственныя регаліи .	641.661.900	756.543.200
5. Казенныя имущества и капиталы	582.257.693	607.647.223
6. Отчужденіе государственныхъ имуществъ.	— 609.900	— 503.602

Обыкновенные доходы:	*1906 г.*	*1907 г.*
7. Выкупные платежи.	35.004.100	— 507.600
8. Возмѣщеніе расходовъ государственнаго казначейства. .	80.474.615	76.908.787
9. Доходы разнаго рода . . .	5.773.988	8.872.335
Итого обыкновен. доходовъ .	2.027.858.774	2.174.963.544

II.

Чрезвычайные рессурсы:

10. Вклады въ госуд. банкъ на вѣчное время	2.000.000	1.800.000
11. Превышеніе доходовъ надъ расходами по исполненію росписи 1906 года.	—	60.577.422
12. Отъ реализаціи 4% государ. ренты по Высочайшему указу 24 января 1907 года . . .	—	47.700.000
13. Отъ предстоящихъ кредитныхъ операцій.	481.114.001	186.643.906
Итого чрезвычайн. рессурсовъ	483.114.001	296.721.328
Всего	2.510.972.775	2.271.684.872

Государственные расходы.

I.

Обыкновенные расходы:	*1906 г.*	*1907 г.*
1. Министерство Императорскаго Двора.	16.359.595	16.359.595
2. Высшія государствен. учрежденія	5.707.554	6.984.953
3. Вѣдомство Святѣйшаго Синода.	29.017.330	29.300.213
4. Министерство Внутреннихъ дѣлъ	131.467.110	138.407.554

Обыкновенные расходы:	*1906 г.*	*1907 г.*
5. Министерство Финансовъ . .	363.935.374	414.594.801
6. „ Юстиціи . . .	51.990.799	53.427.573
7. „ Иностранныхъ дѣлъ	5.904.985	6.051.581
8. Министерство Народн. Просвѣщенія	44.165.295	50.906.218
9. Министерство Путей Сообщенія	474.664.284	502.889.409
10. Министерство Торговли и Промышленности	31.427.994	31.559.544
11. Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія . .	35.456.604	45.826.643
12. Главное Управленіе Государственнаго Коннозаводства . .	1.839.477	1.762.172
13. Военное Министерство . . .	376.902.682	388.747.093
14. Морское „ . . .	104.065.056	81.001.747
15. Государственный контроль .	9.712.743	9.584.422
16. Платежи по государственнымъ займамъ	335.113.671	380.723.653
17. На случай возвышенія стоимости провіанта и фуража. .	5.000.000	5.000.000
18. Расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности .	10.000.000	10.000.000
Итого обыкновен. расходовъ .	2.032.730.556	2.173.130.171
Превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами	4.871.781	1.833.373

II.

Чрезвычайные расходы:	*1906 г.*	*1907 г.*
19. На расходы, связанные съ русско-японской войной и ея послѣдствіями	390.721.769	124.304.975

Чрезвычайные расходы:	*1906 г.*	*1907 г.*
20. На сооруженіе желѣзныхъ дорогъ	42.365.250	48.613.821
21. На выдачу пособій населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній	30.000.000	61.157.000
22. На выдачу ссудъ частнымъ обществамъ дорожныхъ предпріятій.	200	7.500.000
и нефтепромышленникамъ .	15.000.000	—
23. На расходы по выкупу принадлежавшихъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ до введенія казенной продажи питей правъ на питейные доходы	—	4.000.000
24. На погашеніе краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства выпуска 1906 года	—	52.978.905
Итого чрезвычайн. расходовъ	478.242.219	298.554.701
Всего.	2.510.972.775	2.471.684.872

При разсмотрѣніи росписи на 1906 годъ мы съ особеннымъ удареніемъ подчеркнули то мѣсто всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, въ которомъ говорилось, что „настоящая роспись является послѣднею, разсмотрѣнною въ прежнемъ порядкѣ, безъ участія выборныхъ отъ населенія“. Тогда, очевидно, и сама бюрократія вѣрила, что то уже была „послѣдняя бюрократическая роспись“, что дальнѣйшія росписи будутъ уже составляться подъ рѣшительнымъ давленіемъ народнаго представительства, для котораго урегулированіе нашего государственнаго бюджета, нашего финансоваго хозяйства должно являться одной изъ самыхъ существенныхъ, хотя и самыхъ трудныхъ задачъ.

Освобожденіе милліоновъ плательщиковъ отъ прогрессивно возрастающаго налогового бремени; освобожденіе будущихъ поколѣній плательщиковъ отъ угрожающе растущихъ государственныхъ долговъ; упорядоченіе налоговой системы, перенесеніе центра тяжести ея съ бѣднѣйшей части населенія на его болѣе состоятельные слои; сокращеніе отрицательныхъ или менѣе производительныхъ расходовъ государства и расширеніе затратъ казны на производительныя и культурныя потребности; наконецъ болѣе строгая отчетность, отвѣтственность финансоваго управленія передъ народнымъ представительствомъ, таковы были тѣ задачи и тѣ надежды, которыя возлагались на новый порядокъ составленія нашихъ росписей „съ участіемъ выборныхъ отъ населенія".

Эти задачи и эти надежды чрезвычайно велики и трудны, но онѣ составляютъ наиболѣе важную сторону представительнаго конституціоннаго строя, самое происхожденіе котораго такъ тѣсно связано съ стремленіемъ населенія установить дѣйствительный контроль надъ расходованіемъ собираемыхъ съ него государствомъ средствъ. И уже первая Дума достаточно опредѣленно и рѣшительно намѣтила эту основную свою задачу. Она прежде всего вступила на путь экономнаго, бережливаго отношенія къ народнымъ средствамъ и не разрѣшила бюрократическому правительству сдѣлать заемъ на продовольственное дѣло, заставила правительство сократить нѣкоторыя статьи бюджета и путемъ такихъ сбереженій попытаться найти средства на удовлетвореніе текущихъ нуждъ. Бюджетная комиссія первой Думы намѣтила уже планъ своихъ работъ по подготовкѣ къ критикѣ правительственнаго бюджета на 1907 годъ.

Смыслъ этой критики сводился бы къ сокращеніямъ, сокращеніямъ и сокращеніямъ тѣхъ статей бюджета, которыя не имѣютъ для народнаго хозяйства положительнаго значенія и которыя бюрократическимъ правительствомъ, напротивъ, съ особеннымъ упорствомъ всегда оберегались и оберегаются. Первая Дума, несомнѣнно, одобрила бы такую работу своей бюджетной комиссіи, и стомилліонному платежному трудовому населенію, можетъ-быть, уда-

лось бы, наконецъ, почувствовать хоть какое-нибудь облегченіе.

Но для бюрократическаго правительства такое энергичное вмѣшательство Думы въ его финансовое хозяйничанье было такъ же непріятно и чувствительно, какъ земельные планы Думы для той части реакціоннаго, крупнаго, дворянскаго землевладѣнія, которая выступила на поддержку правительства... противъ Думы, и... Дума была распущена... „Послѣдняя“ роспись оказалась не послѣдней. Власть снова цѣликомъ перешла въ руки бюрократическаго правительства, и оно снова начало хозяйничать въ финансахъ по-старому; тотъ заемъ, котораго добивалось правительство отъ Думы и котораго Дума ему не разрѣшила, теперь безпрепятственно былъ разрѣшенъ; всякія другія „кредитныя операціи“, до которыхъ такъ охоче бюрократическое правительство, продолжались безъ всякаго досаднаго вмѣшательства нежеланныхъ защитниковъ народныхъ интересовъ, а бюджетъ на 1907 годъ попрежнему составленъ „безъ участія выборныхъ отъ населенія“, хотя и согласно 116 ст. нашей „конституціи“, гласящей: „Если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ *послѣдняя*, установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній. Впредь до обнародованія новой росписи, по постановленіямъ Совѣта Министровъ, въ распоряженіе министерствъ и главныхъ управленій открываются постепенно кредиты въ размѣрахъ дѣйствительной потребности, не превышающіе, однако, въ мѣсяцъ, во всей ихъ совокупности, одной двѣнадцатой части общаго по росписи итога расходовъ“.

Такова 116 статья нашей „конституціи“, т.-е. нашихъ „основныхъ законовъ“ 23 апрѣля 1906 года. Эта статья, какъ и знаменитая статья 87, опредѣляющая характеръ законодательной жизни государства „во время прекращенія занятій Государственной Думы“, является чрезвычайно характернымъ „дополненіемъ“ къ статьѣ 86, такъ пріятно ласкающей слухъ россійскаго гражданина: „*Никакой* новый законъ *не можетъ*

послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора".

Казалось бы, эта основная и такъ рѣшительно выраженная статья нашей „конституціи" гарантируетъ русскаго гражданина отъ законовъ, изданныхъ безъ Думы, гарантируетъ его и отъ бюджетовъ, составленныхъ „безъ участія выборныхъ отъ населенія", такъ какъ бюджетъ есть законъ, дѣйствіе котораго только ограничивается опредѣленнымъ, обычно-годичнымъ срокомъ. Но наша „конституція" 1906 г. составлена такъ осторожно, что каждая положительная, обѣщающая ея статья отлично парализуется соотвѣтствующей отрицательной, разочаровывающей статьей!

Особенно предупредительно обрѣзаны *бюджетныя права* нашего народнаго представительства, какъ наиболѣе важныя, наиболѣе опасныя для безконтрольнаго господства бюрократіи. Еще 8 марта 1906 г. бюрократія поспѣшила издать „правила о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны расходовъ, росписью не предусмотрѣнныхъ". Пунктъ 14 этихъ „правилъ" и представляетъ собою приведенную нами выше ст. 116 „основныхъ законовъ". Вошли туда и другіе пункты „правилъ", направленные исключительно къ возможно большему ограниченію бюджетныхъ правъ народнаго представительства; таковы пункты 5, 7 и 18.

Это будутъ слѣдующія статьи „основныхъ законовъ", измѣненіе которыхъ отъ Думы не зависитъ и подчиненіе которымъ для Думы обязательно, если она желаетъ оставаться на „конституціонной" почвѣ: ст. 114, лишающая Думу права исключать или сокращать платежи по государственнымъ долгамъ; ст. 115, исключающая изъ обсужденія Думы расходы Министерства Императорскаго Двора; ст. 117, по которой „чрезвычайные сверхсмѣтные кредиты на потребности военнаго времени и на особыя (?) приготовленія, предшествующія войнѣ, открываются по всѣмъ вѣдомствамъ, въ порядкѣ верховнаго управленія, на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ", т.-е. безъ Государственной Думы; наконецъ

есть еще и 118 ст., разрѣшающая въ порядкѣ верховнаго управленія и производство займовъ, помимо Думы, на расходы, указанные въ ст. 117 и въ періоды „прекращенія занятій Государственной Думы“. Такъ какъ „прекратить занятія Государственной Думы“ всегда будетъ во власти правительства, пока оно фактически будетъ оставаться безотвѣтственнымъ предъ народнымъ представительствомъ, то Россія долго еще можетъ дожидаться дѣйствительно „послѣдней“ бюрократической росписи, такъ какъ послѣ каждаго роспуска Думы будетъ оставаться въ силѣ „послѣдняя установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись“, притомъ даже „съ тѣми лишь измѣненіями“ и т. д., т.-е. съ такими измѣненіями, какія угодно будетъ сдѣлать бюрократическому правительству, и какія оно сдѣлало, напр., и въ представленной имъ во вторую Думу росписи на 1907 годъ.

Нисколько не смущаясь 116 ст., накладывающей, казалось бы, нѣкоторую узду на „измѣненія“ росписи по сравненію съ предшествующимъ годомъ, министерство увеличило обыкновенные расходы на 1907 годъ по сравненію съ 1906 годомъ ни больше ни меньше, какъ на 140,4 милліона руб. Даже въ такой тяжелый годъ, какъ 1906, обыкновенные расходы были увеличены по сравненію съ 1905 годомъ на сумму 102 милліона руб. Теперь же, когда правительство, строго говоря, совсѣмъ не имѣло права измѣнять бюджета, согласно формальному смыслу 116 ст. основныхъ законовъ, оно увеличило „обыкновенные“ расходы на огромную сумму въ 140 милліоновъ руб. И только благодаря тому, что „чрезвычайныхъ“ расходовъ въ 1907 году предположено только 298,5 милліона руб. вмѣсто 492,8 милліона руб. въ 1906 году, общій размѣръ бюджета на 1907 годъ оказывается меньше, чѣмъ въ 1906 году, именно 2.471.684.872 рубля, вмѣсто 2.510.972.775 руб. въ 1906 году, т.-е. на 39.287.903 руб. меньше. Но по бюджету прошлаго года въ „чрезвычайной“ смѣтѣ значилось 405,4 милліона руб. „на расходы, связанные съ русско-японской войной и ея послѣдствіями“. Теперь же „ассигнованія на расходы, связанные съ войной и ея послѣдствіями, уменьшены на 266,4 милліона руб.“, кромѣ

того, „исключенъ внесенный въ роспись 1906 года кредитъ въ 15 милліоновъ на выдачу ссудъ для возстановленія нефтяныхъ промысловъ“. Слѣдовательно, если бы предположить, что въ остальныхъ частяхъ бюджетъ 1907 года остался бы такимъ же, какимъ онъ былъ въ 1906 году, то уменьшеніе должно бы было получиться не на 39,3 милліона руб., а болѣе, чѣмъ на 240 милліоновъ руб.

Проектъ росписи указываетъ далѣе, что въ числѣ „чрезвычайныхъ“ расходовъ на 1907 годъ „увеличены назначенія на выдачу пособій населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній на 31,2 милліона руб.“ (всего 61.157.000 руб.); затѣмъ „въ число чрезвычайныхъ расходовъ включена сумма въ 53 милліона для выкупа послѣднихъ находящихся въ обращеніи краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства“, наконецъ, болѣе мелкія увеличенія чрезвычайныхъ назначеній по сравненію съ 1906 годомъ, даютъ около 17 милліоновъ руб. Но и при всемъ этомъ общее уменьшеніе бюджета на 1907 годъ должно было бы составить не менѣе 100 милліоновъ руб., по сравненію съ чрезвычайно тяжелымъ 1906 годомъ.

Но бюрократической росписи не до бережливости.

Она знаетъ только безпрерывный ростъ бюджета, не смущаясь тѣмъ, что почти каждый годъ ей приходится прибѣгать къ „кредитнымъ операціямъ“. Такъ, и по росписи на 1907 годъ для сведенія баланса не хватаетъ 187 милліоновъ руб., относительно которыхъ правительственное сообщеніе преспокойно заявляетъ: „*Остальные* 187 милліоновъ руб. предполагается покрыть посредствомъ кредитныхъ *операцій*“, т.-е. попросту, *путемъ новыхъ займовъ*!

Правительство должно было испрашивать у Думы разрѣшеніе произвести новый заемъ на необходимую сумму. Согласно ст. 118 основныхъ законовъ, „государственные займы для покрытія какъ смѣтныхъ, такъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ разрѣшаются порядкомъ, установленнымъ для утвержденія государственной росписи доходовъ и расходовъ“, т.-е. разрѣшаются Думой, если она существуетъ, если занятія ея не „прекращены“. И Дума должна считать не только своимъ

правомъ, но и своимъ священнѣйшимъ долгомъ передъ страной не разрѣшать бюрократическому правительству займа до тѣхъ поръ, пока оно не дастъ самаго полнаго отчета въ правильности и цѣлесообразности всего бюджета и не докажетъ совершенной неизбѣжности новыхъ займовъ! Дума должна настаивать на самыхъ рѣшительныхъ сокращеніяхъ бюджета, должна докапываться до послѣднихъ деталей его, а не ограничиваться, какъ того требуетъ пунктъ 4 „правилъ" 8 марта 1906 года, голосованіемъ „доходовъ по параграфамъ, и расходовъ по номерамъ (главнымъ подраздѣленіямъ) государственной росписи".

Безъ полнаго убѣжденія въ правильности и цѣлесообразности этихъ параграфовъ и номеровъ росписи, съ точки зрѣнія интересовъ народа, Дума въ крайнемъ случаѣ должна будетъ отвергать ихъ, но ни въ какомъ случаѣ не утверждать только потому, что бюрократическія „правила" 8 марта 1906 года связываютъ Думу по рукамъ и по ногамъ въ ея существеннѣйшихъ бюджетныхъ правахъ.

Возвратимся, однако, къ причинамъ увеличенія бюджета и на 1907 годъ, несмотря на то, что по „конституціи" правительство не должно бы было допускать столь существеннаго увеличенія. Прежде всего, конечно, сильно возросли платежи по государственнымъ займамъ—на 45.610.000 руб. болѣе 1906 года! Это и понятно: наши росписи уже давно держатся только новыми и новыми займами, и платежи процентовъ по государственнымъ долгамъ растутъ поэтому ежегодно. Въ 1906 году они на 31,7 милліона руб. были больше, чѣмъ въ 1905 году; теперь на 45,6 милліона руб. больше, чѣмъ въ 1906 году. Въ 1908 году они неизбѣжно должны оказаться больше, чѣмъ въ 1907 г. и т. д., если только народное представительство не вырветъ финансовое хозяйство государства изъ рукъ безконтрольной бюрократіи.

Но роспись скромно относитъ это увеличеніе на послѣдній планъ; на первый она выдвигаетъ то, что должно бы порадовать Думу: „по Министерству Народнаго Просвѣщенія смѣта увеличена противъ 1906 года на 11.490.000 руб., въ томъ числѣ 5.500.000 руб. на приступъ къ введенію всеобщаго

начальнаго обученія въ имперіи". Противъ этого увеличенія въ общемъ и Дума спорить не могла. Меньше единодушія встрѣтило бы увеличеніе смѣты по главному управленію землеустройства и земледѣлія на 10.370.000 руб., изъ которыхъ на переселенческое дѣло въ Сибири приходится 6 милліоновъ руб., остальное—на „разселеніе и земельное устройство крестьянъ",—въ частности, вѣроятно, и на знаменитыя землеустроительныя комиссіи, которыми бюрократическое правительство захотѣло отвлечь крестьянъ отъ земельныхъ требованій, которыя выставила первая Дума и которыя, конечно, были поддержаны и второй Думой. По Военному Министерству увеличены на 12.603.000 руб. кредиты на улучшеніе быта нижнихъ чиновъ арміи. Противъ этого Дума тоже ничего имѣть не могла,—нужно стремиться улучшить положеніе солдата на службѣ, но необходимо указать и на возможность хотя бы нѣкотораго уменьшенія призыва или сокращенія призыва, или сокращенія срока службы, благодаря чему и расходы Военнаго Министерства существенно сократятся. Нужно указать также и на возможность сокращенія генеральства и его непомѣрныхъ окладовъ и различныхъ синекуръ — въ этомъ отношеніи для сокращеній бюджета поле довольно широкое...

Оправдывая увеличеніе бюджета на 1907 годъ, министръ финансовъ указываетъ также на то, что значительная часть этого увеличенія, именно 71,7 милліона руб., имѣетъ оборотный характеръ—это увеличеніе расходовъ по казенной винной операціи (41,4 милліона руб.), по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ (28,8 милліона руб.) и по почтово-телеграфной части (1,5 милліона руб.). Все это — „расходъ оборотный, съ избыткомъ покрываемый увеличеніемъ дохода отъ казенныхъ операцій".

Какъ будто казенныя операціи должны вестись такъ, чтобы только сводить концы съ концами и чтобы излишекъ доходовъ по этимъ операціямъ поглощался непремѣнно ростомъ расходовъ по этимъ же операціямъ!

Правда, пока мы въ дѣйствительности и наблюдаемъ это. Наши крупнѣйшія государственныя предпріятія—винная мо-

нополія и казенныя желѣзныя дороги—работаютъ чуть ли не въ чистый убытокъ, если принимать во вниманіе и проценты на тѣ капиталы, которые вложены въ эти предпріятія, а по отношенію къ винной монополіи, если сравнивать ея чистый доходъ съ тѣми поступленіями, которыя казна имѣла бы при дѣйствіи акцизной системы, не затрачивая громадныхъ капиталовъ на оборудованіе монополіи и на управленіе ею.

Наши казенныя операціи, благодаря которымъ и бюджетъ нашъ растетъ такъ быстро, правда, въ значительной степени на счетъ этихъ оборотныхъ суммъ, представляютъ не легкое наслѣдіе для финансоваго управленія при новомъ, представительномъ строѣ. На этомъ вопросѣ мы сейчасъ останавливаться, конечно, не будемъ.

Мы отмѣтимъ только чрезвычайно характерное отношеніе бюрократической росписи къ такому, казалось бы, крупному источнику государственныхъ доходовъ, какой представляютъ собою хозяйственныя операціи казны: бюрократическая роспись видитъ въ этомъ источникѣ лишь средство на покрытіе „чрезвычайныхъ" расходовъ, но не средство для облегченія плательщиковъ.

Прежде чѣмъ перейти къ центральному и самому острому пункту росписи 1907 года, къ расходамъ, связаннымъ съ русско-японской войной, мы отмѣтимъ еще нѣкоторыя, сравнительно мелкія, но характерныя, смѣтныя назначенія по чрезвычайнымъ расходамъ. „Для покрытія расходовъ по усиленію Китайской Восточной и Уссурійской желѣзныхъ дорогъ, съ цѣлью выполненія совершенно неотложныхъ работъ, предполагается выдать *Обществу Китайской Восточной* желѣзной дороги, подъ обезпеченіе *гарантированныхъ правительствомъ* облигацій Общества, ссуду въ 7,5 милл. руб., которые и внесены въ проектъ росписи 1907 года".

Исторія Китайской Восточной желѣзной дороги имѣетъ настолько печальную извѣстность, что выдача этой дорогѣ новой ссуды, подъ гарантію самого же правительства, не можетъ не вызывать сомнѣній за участь этихъ 7,5 милл. руб. народныхъ денегъ. Если отношенія казны къ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ вообще заслуживаютъ самаго

тщательнаго вниманія въ цѣляхъ сокращенія тратъ казны въ пользу этихъ обществъ, то отношенія къ такимъ „полуказеннымъ“ обществамъ, какъ Общество Китайской Восточной желѣзной дороги,—въ особенности.

Государственной Думѣ необходимо будетъ обратить на этотъ пунктъ серьезное вниманіе.

Заслуживаетъ также тщательнаго разсмотрѣнія и вопросъ о „вознагражденіи *вотчинныхъ* владѣльцевъ *Прибалтійскихъ* губерній за отмѣну, съ введеніемъ казенной продажи питей, принадлежавшаго имъ права продажи спирта, вина и водочныхъ издѣлій“, на каковой предметъ гг. прибалтійскимъ вотчинникамъ-баронамъ „причитается, за послѣдовавшимъ удовлетвореніемъ части владѣльцевъ *дворянскихъ* вотчинъ, 5.740.000 рублей. Однако, во избѣжаніе чрезмѣрнаго (!) обремененія государственнаго бюджета, въ проектъ росписи 1907 года внесено лишь 3.300.000 руб.; уплату же остальной части вознагражденія и процентовъ предположено отложить до 1908 года. Всего на расходы по выкупу принадлежавшаго частнымъ лицамъ и учрежденіямъ права на питейные доходы испрашивается въ 1907 г. 4 милліона руб. По росписи 1906 года этого назначенія не было“.

Если господа „владѣльцы дворянскихъ вотчинъ“, особенно прибалтійскіе бароны, цѣпко держаться за свое „право“ на вознагражденіе отъ казны за „питейные доходы“, за этотъ остатокъ крѣпостного права, то отсюда не слѣдуетъ, что и Государственная Дума, представляющая интересы народа, а не „владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ“, должна санкціонировать это сомнительное „право“. Почему бы Государственной Думѣ не провести законодательнымъ путемъ отмѣны этого „права“?

Не останавливаясь на многочисленныхъ пунктахъ отдѣльныхъ смѣтъ росписи, въ которыхъ Государственная Дума можетъ и должна будетъ произвести значительныя сокращенія, помимо сокращеній въ штатахъ и т. п., требующихъ законодательнаго порядка и возможныхъ поэтому только въ будущемъ, мы остановимся теперь на наиболѣе трагической страницѣ въ нашемъ бюджетѣ переходнаго періода, на

расходахъ, вызванныхъ русско-японской войной и ея послѣдствіями. Въ изложеніи этой страницы мы будемъ слѣдовать „проекту государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1907 годъ“, внесенному министромъ финансовъ Коковцевымъ во вторую Государственную Думу.

Положеніе государственнаго казначейства къ началу 1907 года министръ ставитъ въ самую тѣсную связь съ русско-японской войной. Общая сумма однихъ только денежныхъ расходовъ на эту войну, по подсчетамъ министра, составляетъ болѣе 2.600 милліоновъ рублей, при чемъ министръ вполнѣ основательно добавляетъ: „Само собою разумѣется, что приведенными цифрами далеко не выражается все вліяніе войны на исполненіе нашихъ бюджетовъ. Въ нихъ показаны только издержки, отнесенныя по дѣйствующимъ правиламъ къ отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ росписи. Но, кромѣ увеличенія чрезвычайныхъ расходовъ, подъ вліяніемъ войны значительно возросли и обыкновенныя ассигнованія... платежи по займамъ, ассигнованія на пенсіи, потеря флота и т. д. Съ другой стороны, война, несомнѣнно повлекла за собою нѣкоторое сокращеніе доходовъ, вслѣдствіе застоя въ дѣлахъ, затрудненія въ желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ и отвлеченія на войну части мужского населенія“.

Все это совершенно справедливо, хотя выразить въ цифрахъ всѣ эти потери отъ войны для народнаго хозяйства и чрезвычайно трудно. Но прослѣдимъ хотя бы образованіе той грандіозной суммы 2.600 милліоновъ руб. чрезвычайныхъ денежныхъ расходовъ на войну, которую приводитъ самъ „Проектъ росписи“ на 1907 годъ.

Къ 1 января 1907 года въ распоряженіи государственнаго казначейства было 381.345.878 руб. „свободной наличности“. Эта наличность была въ первую очередь поглощена открывшейся войной. Для той же цѣли по Высочайшимъ повелѣніямъ въ 1904 и 1905 гг. были произведены сокращенія въ смѣтахъ и сбереженія на счетъ превышеній обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами — всего 244.092.567 руб. Вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время,

остатковъ отъ смѣтъ предыдущихъ лѣтъ и т. п.—12.030.531 руб. Всего за два года вмѣстѣ съ наличностью къ началу 1904 г. 637.468.976 руб., изъ которыхъ собственно на войну было употреблено 348.960.316 руб. Кромѣ того, были заключены—исключительно на цѣли войны—займы, отъ реализаціи которыхъ получено 1.020.312.250 руб. Далѣе, отъ реализаціи краткосрочныхъ обязательствъ, выпущенныхъ въ 1905 году, поступило 151.176.799 руб. и отъ остатковъ прежняго времени—800.000 руб. Всего въ 1904 и 1905 гг. на покрытіе военныхъ расходовъ было 1.521.249.365 руб. Фактически же израсходовано 1.679.240.185 руб., т.-е. къ началу 1906 года образовался дефицитъ почти въ 158 милліоновъ руб.

Но и въ 1906 году „расходы, связанные съ русско-японской войной и ея послѣдствіями", какъ мы уже видѣли, не прекратились: содержаніе арміи, оставшейся на военномъ положеніи; эвакуація арміи съ театра военныхъ дѣйствій; возобновленіе потерь по арміи и флоту; призрѣніе семействъ призванныхъ нижнихъ чиновъ; уплата Японіи вознагражденія за содержаніе плѣнныхъ и т. д. и т. д. Все это обусловило внесеніе въ смѣту 1906 года 405.375.775 руб. чрезвычайныхъ расходовъ по войнѣ. Да дефицитъ въ 158 милліоновъ руб. да погашеніе краткосрочныхъ обязательствъ выпуска 1905 г.—144 милл. руб. „Въ общей сложности недостатокъ средствъ къ 1906 году выражался крупною суммою около 783 милліоновъ руб.".

Роспись 1906 года оказалась сведенной съ превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами—въ 220,8 милліона руб. Зато въ чрезвычайномъ бюджетѣ 1906 года картина получилась иная. Прежде всего на *общіе* чрезвычайные расходы по государству, т.-е. на всѣ, кромѣ вызванныхъ войною, было предназначено—послѣ нѣкоторыхъ сокращеній—82,3 милліона руб., а фактически пришлось израсходовать 170,4 милліона руб., такъ какъ на помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, вмѣсто назначенныхъ 30 милл. пришлось израсходовать 110 милл., т.-е. на 80 милл. больше; кромѣ того, было истрачено 8 милл. руб. на выдачу ссудъ землевладѣльцамъ, пострадавшимъ отъ безпорядковъ.

На покрытіе образовавшихся 170,4 милл. общихъ чрезвычайныхъ расходовъ по государству изъ указаннаго выше превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ 220,8 милл. руб. пошло 123,8 милл. руб.

Еще печальнѣе получилась картина въ чрезвычайныхъ расходахъ, вызванныхъ русско-японской войной и ея послѣдствіями. На эти расходы по росписи 1906 года было назначено 405,4 милл. руб. Но „эта сумма оказалась недостаточною. Дополнительное ассигнованіе опредѣляется въ 62,2 милл. руб. Къ этому же счету слѣдуетъ отнести 7 милл. руб. операціонныхъ (!) расходовъ по выпуску 5% займовъ 1905 и 1906 гг. и краткосрочныхъ обязательствъ и расходы по погашенію обязательствъ... За произведеннымъ въ 1905 г. погашеніемъ части этихъ обязательствъ по 1 января 1906 г. оставалось въ обращеніи краткосрочныхъ обязательствъ на 311,6 милл. марокъ. Въ теченіе 1906 г. *оказалось необходимымъ* временно подкрѣпить кассовую наличность... тоже выпускомъ обязательствъ. На погашеніе краткосрочныхъ обязательствъ въ 1906 г. потребовалось 444,9 милл. руб., выручено же въ 1906 г. отъ выпуска обязательствъ 336,4 милл. руб. Затѣмъ къ 1 января 1907 г. осталось въ обращеніи обязательствъ на 53 милл. руб.

Общій итогъ чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войной и ея послѣдствіями, за 1906 г. составляетъ, слѣдовательно, 919,5 милл. руб. (405,4+62,2+7,0+444,9 милл. руб.). Да дефицитъ отъ 1905 г.—158 милл. руб. Всего 1.077,5 милл. руб., подлежавшихъ покрытію за счетъ росписи 1906 года, т.-е. на цѣлыхъ 672,1 милл. руб. больше, чѣмъ было предположено въ росписи 1906 года! Для покрытія грандіознаго расхода въ 1077,5 милл. руб. поступило: отъ реализаціи 5% займа 704,5 милл. руб. (изъ общей нарицательной суммы займа 843.750.000 руб. [1]), отъ реализаціи краткосрочныхъ обязательствъ 336,4 милл. руб. Недостающіе 36,6 милл. руб. были покрыты изъ превышенія обыкновенныхъ доходовъ (220,8 милл. руб.).

[1]) См. *Проф. Мигулинъ.* Русскій государственный долгъ—въ „Вопросахъ госуд. хозяйства и бюджетнаго права“, вып. I, стр. 55.

„Такимъ образомъ,—говоритъ министръ,—въ минувшемъ 1906 году покрыты не только всѣ обыкновенные и чрезвычайные расходы 1906 года, а равно дефицитъ по исполненію росписи 1905 г., но также погашены краткосрочныя обязательства, выпущенныя въ 1905 году, при чемъ къ 1 января 1907 г. образовался остатокъ въ 60,6 милл. руб. (220,8 милл. „превышеній"—123,8 и 36,6 милл.), съ избыткомъ покрывающій оставшіяся непогашенными краткосрочныя обязательства на сумму около 53 милл. руб.".

Снова и снова выходитъ, какъ будто положеніе—блестящее. Министръ не считаетъ нужнымъ параллельно подчеркивать, что хотя всѣ расходы и покрыты, но зато образовался новый государственный долгъ на сумму болѣе 800 милл. рублей.

Подводя итоги чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ за три истекшіе года (1904—1906), проектъ росписи получаетъ слѣдующіе общіе выводы:

А. Средства:

Выручка отъ реализаціи займовъ:

въ 1904 г.	382.038.000
„ 1905 „	638.274.250
„ 1906 „	704.531.250
	1.724.843.500

Выручка отъ реализаціи краткосрочныхъ обязательствъ:

въ 1905 г.	151.176.799
„ 1906 „	336.398.433
	487.575.232

Остатки отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ (до 1904 г.)	800.000
Итого . . .	2.213.218.732
Покрыто изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства	385.498.013
Всего . . .	2.598.716.745

В. Расходы:

Расходы, вызванные войною и ея послѣдствіями (по предварительнымъ за 1906 г. свѣдѣніямъ):

въ 1904 г.	676.841.005
„ 1905 „	987.401.220
„ 1906 „	467.575.775
	2.131.818.000

Погашеніе краткосрочныхъ обязательствъ:

въ 1905 г.	14.997.960
„ 1906 „	444.934.733
	459.932.693

Операціонные расходы по выпуску 5% займа 1906 г. и краткосрочныхъ обязательствъ.	6.966.052
Всего . . .	2.598.716.745
Осталось не погашенныхъ краткосрочныхъ обязательствъ.	52.978.905

Таковы „общіе итоги“ войны по однимъ чрезвычайнымъ денежнымъ расходамъ. Для полноты картины, только денежной, „Проектъ росписи“ долженъ бы былъ еще прибавить общій итогъ тѣхъ платежей по займамъ на войну, которые должны будутъ ежегодно вноситься въ наши дальнѣйшія росписи. Но „Проектъ“ этой суммы отдѣльно не приводитъ.

Вообще „осторожность“, свойственная послѣднимъ росписямъ, сказывается даже и въ характерѣ ихъ изложенія: темныя стороны нашихъ бюджетовъ и условій, при которыхъ онѣ составляются и выполняются, по возможности обходятся скромнымъ молчаніемъ, всякое же подобіе свѣтлыхъ сторонъ, усиленно подчеркивается.

Утѣшеніе, напр., видитъ „Проектъ“ и въ томъ обстоятельствѣ, что „итогъ предусматриваемыхъ на 1907 годъ чрезвычайныхъ расходовъ составляетъ 298.554.701 руб., *менѣе*

въ сравненіи съ смѣтнымъ назначеніемъ 1906 года на 179.687.518 руб.“

Конечно, послѣ года, который закончился превышеніемъ чрезвычайныхъ расходовъ болѣе чѣмъ на полмилліарда по сравненію со смѣтой, и послѣ того, какъ расходы на ликвидацію войны все же должны были сильно уменьшиться, странно было бы опять ожидать чрезвычайныхъ расходовъ, не меньшихъ, чѣмъ въ предыдущемъ году.

Кромѣ того, если предыдущій годъ оказался столь неудачнымъ въ смыслѣ соотвѣтствія выполненія росписи съ ея предположеніемъ, то не грозитъ ли такая же участь и росписи 1907 года, въ виду того, что затруднительныя обстоятельства, переживаемыя Россіей, продолжаются?

Не мѣшало бы также отмѣтить, что на ряду съ уменьшеніемъ чрезвычайныхъ расходовъ въ росписи 1907 г. имѣется увеличеніе обыкновенныхъ расходовъ, по сравненію съ 1906 г. на 140,4 милл. руб.

Далѣе, слѣдовало бы привести тутъ же и конечный выводъ росписи 1907 г., дефицитъ въ 186,6 милл. руб., на покрытіе котораго министръ финансовъ „имѣетъ честь испрашивать разрѣшеніе произвести кредитныя операціи въ томъ размѣрѣ, какой *окажется* (!) необходимымъ въ зависимости отъ окончательныхъ результатовъ исполненія росписи 1906 г. и поступленія доходовъ въ 1907 году“.

Министръ финансовъ „имѣлъ честь испрашивать разрѣшеніе“ на заемъ даже безъ точнаго опредѣленія суммъ этого займа и притомъ съ полной увѣренностью, что, въ случаѣ неполученія такого разрѣшенія, можно бы было обойтись и безъ него. Въ дѣйствительности, такъ оно и будетъ, и только изъ „Проекта росписи“ на 1908 годъ, мы узнаемъ размѣры „кредитныхъ операцій“ для сведенія росписи 1907 года.

Не счелъ нужнымъ министръ финансовъ дать отчетъ Думѣ и относительно выпуска государственной ренты на номинальную сумму 70 милліоновъ руб. и на дѣйствительную — только въ 47,7 милліона, несмотря на то, что этотъ выпускъ настойчиво не рекомендовался первой Думой.

Министръ финансовъ, напротивъ, счелъ нужнымъ отмѣтить передъ Думой утѣшительное обстоятельство: „Никакихъ новыхъ налоговъ по сравненію съ минувшимъ 1906 г. не введено и никакое обложеніе не увеличено“.

„Утѣшительное“ обстоятельство чисто-бюрократическаго свойства: страна обременяется новыми „кредитными операціями“ на 187 милліоновъ руб., и въ то же время ее стараются увѣрить, что обложеніе не увеличено. Министръ довольствуется формальной правильностью своихъ заявленій и не оцѣниваетъ истиннаго положенія по существу. Умолчалъ также министръ и о томъ, что имъ же уже подготовлялись „предположенія“ о введеніи новыхъ налоговъ для внесенія въ ту же вторую Думу.

Если въ 1907 г. „обложеніе не увеличено“, то оно должно было быть увеличено въ слѣдующемъ году, по предположеніямъ того же министра. Но объ этомъ министръ умолчалъ.

Не отмѣтилъ министръ и „осторожности“, съ какой составлена была смѣта доходовъ: „По сравненію съ дѣйствительнымъ поступленіемъ обыкновенныхъ доходовъ въ предыдущемъ 1906 году, предполагаемая въ 1907 году сумма ихъ менѣе на 96.275.538 руб.“

Въ концѣ года министръ будетъ имѣть удовольствіе констатировать превышеніе поступленія доходовъ по сравненію со смѣтными назначеніями, и это будетъ служить тоже „утѣшительнымъ обстоятельствомъ“, свидѣтельствующимъ, что „все обстоитъ благополучно“.

А между тѣмъ финансовыя перспективы бюрократическихъ росписей остаются безъ всякихъ измѣненій; ростъ бюджета неизбѣженъ; на удовлетвореніе „чрезвычайныхъ“ потребностей государства возможенъ только одинъ источникъ—новые и новые займы; для удовлетворенія же текущихъ потребностей—увеличеніе налогового бремени, притомъ, главнымъ образомъ, на малоимущихъ слояхъ населенія.

Что финансовыя перспективы старыхъ росписей именно таковы, это показываетъ и внесенная во вторую Думу за-

писка министра финансовъ Коковцева, излагающая „предположенія“ министра *о новыхъ налогахъ*.

Другого выхода изъ затруднительнаго финансоваго положенія государства министръ финансовъ не видитъ. Съ холоднымъ безпристрастіемъ и сознаніемъ того, что иначе быть не могло и не можетъ, министръ рисуетъ картину безпрерывнаго и сильнаго роста государственныхъ расходовъ за послѣднія 25 лѣтъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIX ст. нашъ расходный бюджетъ едва достигалъ 150 милліоновъ руб. Къ 90 годамъ онъ достигалъ уже 1 милліарда, а въ настоящее время—уже двухъ милліардовъ! Правда, въ послѣднее время увеличеніе бюджета объясняется отчасти включеніемъ въ него крупныхъ расходовъ, покрывающихся соотвѣтственными доходами, по хозяйственнымъ операціямъ казны—желѣзнодорожной и винной. Но и выключивши суммы по этимъ двумъ операціямъ, мы получаемъ слѣдующую картину роста нашего бюджета въ милліонахъ руб.:

Года.	Общая сумма.	За исключ. желѣзнод. и вин. операц.
1881	748,6	738,2
1885	828,7	804,0
1890	914,8	849,3
1895	1.144,6	990,7
1900	1.599,2	1.159,2
1901	1.664,9	1.166,1
1902	1.802,1	1.235,4
1903	1.883,0	1.296,0
1904	1.906,8	1.321,2
1905	1.925,2	1.337,8

Т.-е. за 25 лѣтъ одни только „обыкновенные“ расходы государства возросли на 81,2%. Послѣдняя война на Дальнемъ Востокѣ, помимо громадныхъ, болѣе чѣмъ двухмилліардныхъ экстренныхъ расходовъ, „вынудила правительство прибѣгнуть къ временному ограниченію расходовъ даже на существеннѣйшія потребности государства... Но и съ окончаніемъ

войны угнетающее вліяніе ея на нашъ бюджетъ не прекратилось". Сокращеніе расходовъ на „существеннѣйшія" потребности государства продолжалось. Въ 1905 и 1906 гг. неурожай въ цѣломъ рядѣ губерній. Наконецъ „внутренняя смута". Въ результатѣ значительный приростъ расходовъ на Министерство Внутреннихъ дѣлъ, т.-е., главнымъ образомъ, на полицію и на Военное Министерство; на другія же министерства—сокращеніе расходовъ. Кромѣ того, конечно, сильное увеличеніе расходовъ на платежи по государственнымъ займамъ.

Министръ финансовъ находитъ такое сокращеніе расходовъ на всѣ государственныя потребности, кромѣ военной и полицейской, ненормальнымъ и признаетъ необходимымъ устранить эту ненормальность. „Такимъ образомъ передъ финансовымъ вѣдомствомъ встаетъ во всей своей повелительной силѣ задача изысканія новыхъ источниковъ для покрытія этихъ потребностей". Но „наличныхъ источниковъ обыкновеннаго доходнаго бюджета не можетъ хватить на удовлетвореніе новыхъ потребностей", тѣмъ болѣе, что и въ старыхъ потребностяхъ министръ не находитъ возможнымъ дѣлать какія бы то ни было сокращенія.

Самая дорогая потребность—это Военное и Морское Министерства. Но по отношенію къ этой потребности министръ финансовъ не допускаетъ и мысли о сокращеніяхъ: „внѣшняя безопасность государства неизбѣжно потребуетъ и впредь значительнаго напряженія платежныхъ средствъ страны... Исправленіе недостатковъ организаціи нашихъ вооруженныхъ силъ и пополненіе того, что утрачено въ недавно завершившуюся войну, едва ли можетъ быть достигнуто на счетъ однихъ отпускаемыхъ нынѣ кредитовъ и по необходимости будетъ сопровождаться требованіемъ дополнительныхъ ресурсовъ" (т.-е. министръ намекаетъ на новые и новые „чрезвычайные" расходы, которые у насъ покрываются почти исключительно путемъ заграничныхъ займовъ).

Далѣе министръ финансовъ останавливается на „глубоко сознанной" потребности поднятія крестьянскаго хозяйства, конечно, только путемъ „разнообразныхъ (?) мѣропріятій по

землеустройству“ да еще путемъ „переселенія на свободныя земли“. Останавливается и на „истинномъ (?) просвѣщеніи“. Останавливается даже и на „*осуществившейся* политической реформѣ нашего государственнаго строя“, которая вызываетъ „необходимость согласованія съ ея духомъ и принципами всей системы мѣстнаго управленія и суда“.

Для всего этого нужны деньги, притомъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ казна тратила до сихъ поръ. Откуда же взять этихъ денегъ? На категорію экстренныхъ потребностей, т.-е. прежде всего военныхъ, министръ не видитъ другихъ средствъ, кромѣ „чрезвычайныхъ рессурсовъ“, т.-е. займовъ. На категорію же менѣе спѣшныхъ потребностей нужно изыскивать постоянные источники дохода.

„Такими источниками могутъ быть или хозяйственныя операціи казны, или налоги“, говоритъ министръ. Но отъ хозяйственныхъ операцій казны, по убѣжденію министра, нельзя ожидать, „по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ“, такихъ доходовъ, которые были бы достаточны для удовлетворенія прироста государственныхъ потребностей.

Ни винная монополія, ни казенныя дороги, ни почта, телеграфъ и телефонъ, ни казенные лѣса и заводы не обѣщаютъ особеннаго прироста доходовъ.

„Слѣдовательно, *единственнымъ* выходомъ представляется обращеніе къ налоговымъ источникамъ“. Таковъ твердый и окончательный выводъ министра финансовъ Коковцева,—выводъ совершенно логическій и неизбѣжный, если согласиться съ министромъ, что никакія существенныя сокращенія въ самыхъ крупныхъ статьяхъ государственныхъ расходовъ для Россіи невозможны. Однако народное представительство едва ли согласится съ министромъ Коковцевымъ въ этомъ самомъ основномъ и самомъ важномъ исходномъ пунктѣ всѣхъ его финансовыхъ размышленій. Народное представительство прежде всего должно будетъ твердо настаивать именно на *сокращеніяхъ* нашего бюджета въ тѣхъ его статьяхъ, которыя старое правительство считаетъ неприкосновенными.

Прослѣдимъ, однако, дальнѣйшія размышленія министра финансовъ. Разъ усиленіе налоговъ неизбѣжно, то министръ,

„не можетъ не остановиться на вопросѣ, допустимо ли новое усиленіе обложенія безъ коренного переустройства нашей податной системы и не настало ли время для такого переустройства“. Отвѣтъ на этотъ вопросъ министръ считаетъ необходимымъ искать только „въ связи съ историческимъ прошлымъ нашего податного дѣла и въ соотвѣтствіи съ экономическими и культурными условіями переживаемаго времени“. Точка зрѣнія совершенно правильная, но министръ старается использовать ее только для оправданія своей основной позиціи: отстаивать по существу старый строй и духъ въ финансовой и податной политикѣ государства!

Въ Россіи издавна и значительно преобладаетъ косвенное обложеніе надъ прямымъ. „Но,—подчеркиваетъ министръ,—вездѣ и всюду косвенное обложеніе занимаетъ первое мѣсто и служитъ главнымъ устоемъ бюджета: во Франціи косвенные налоги и пошлины составляютъ 68,7% общей суммы государственныхъ доходовъ, а прямые налоги—25,6%; въ Англіи косвенные—60,6%, прямые—32,7%; въ Пруссіи—39,3% и 13,3%; въ Австріи—61,6% и 25,3%; въ Россіи для 1905 г.—54,2% и 10,0%, остальные же—35,8%, составляютъ доходъ отъ правительственныхъ регалій, казенныхъ имуществъ, капиталовъ и др.“

Доходами отъ прямыхъ налоговъ министръ не находитъ возможнымъ покрыть болѣе значительную часть расходовъ, такъ какъ „состоятельные классы (у насъ) не такъ многочисленны“. Между тѣмъ „косвенные налоги извлекаютъ средства со всей массы потребителей и, съ фискальной точки зрѣнія, имѣютъ несомнѣнное преимущество“. Стремленіе „освободить постепенно отъ прямого обложенія низшіе классы населенія и перенести его тяжесть на слои населенія высшаго и средняго достатка“ осуществимо лишь въ очень незначительной степени: „министръ финансовъ вынужденъ удостовѣрить, что внести и въ этотъ исторически сложившійся порядокъ вещей коренное измѣненіе нынѣ не представляется возможнымъ“.

Министръ упоминаетъ объ отмѣнѣ подушной подати и выкупныхъ платежей, но не упоминаетъ о той борьбѣ за

сохраненіе этихъ податей, особенно подушной, которая совершалась въ фактически правящихъ сферахъ, тоже считавшихъ „невозможнымъ“ „коренное измѣненіе исторически сложившагося порядка вещей“. Но нужда заставила кое-что измѣнить въ томъ порядкѣ, какой былъ удобенъ для господствующихъ классовъ и весьма неудобенъ для „податныхъ“ сословій. Новая еще болѣе острая государственная нужда „и нынѣ“ грозно стоитъ передъ финансовымъ хозяйствомъ Россіи и „во всей своей повелительной силѣ“ требуетъ гораздо болѣе радикальнаго измѣненія „исторически сложившаго порядка вещей“, чѣмъ то, какое допускаетъ министръ финансовъ Коковцевъ.

Напрасно министръ говоритъ не безъ внутренней ироніи о „планѣ, внушенномъ идеей абсолютной справедливости, до сихъ поръ нигдѣ не осуществленномъ“. Народное представительство, если оно будетъ защищать интересы народныхъ массъ, а не интересы состоятельныхъ классовъ, будетъ настаивать не на „абсолютной“ справедливости, а на „возможно большемъ“ переложеніи податной тяжести съ плечъ мало имущихъ массъ на плечи болѣе состоятельныхъ классовъ.

А министръ финансовъ Коковцевъ настолько мало думаетъ объ интересахъ неимущихъ массъ, что, напр., въ вопросѣ о подоходномъ налогѣ, заботясь о „достаточно высокомъ прожиточномъ минимумѣ“, чтобы не обижать состоятельныхъ классовъ, даже совершенно забылъ о „прожиточномъ минимумѣ“ для малоземельнаго крестьянства: оно отъ прямыхъ налоговъ на землю, на „фундированные доходы“, которые, однако, несомнѣнно, не достигаютъ даже недостаточно высокаго прожиточнаго минимума, по плану министра Коковцева, ни въ какомъ случаѣ не освобождается. Ни слова не говоритъ министръ и о прожиточномъ минимумѣ рабочаго класса, хотя этотъ классъ фундированными доходами не обладаетъ, и податная тяжесть для него коренится, главнымъ образомъ, въ косвенныхъ налогахъ.

Для крестьянства же министръ, повидимому, готовитъ даже увеличеніе поземельнаго налога, при чемъ преподноситъ утѣшеніе совсѣмъ ужъ удивительное по своей „спра-

ведливости“: „Отмѣна выкупныхъ платежей и преобразованіе мірскихъ сборовъ поставитъ крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ въ *равныя* условія въ отношеніи ихъ податныхъ обязанностей“. Какъ будто министръ не понимаетъ, что одинаковый подесятинный налогъ съ владѣльца пяти десятинъ и съ владѣльца пятисотъ или пяти тысячъ десятинъ представляетъ совершенно „неравныя условія“, и что если подоходный налогъ съ землевладѣльцевъ, если онъ еще будетъ проведенъ, будетъ сообразоваться съ прожиточнымъ минимумомъ и съ прогрессивностью ставокъ обложенія, то тѣмъ болѣе „фундированные доходы“ малоземельнаго крестьянства должны были бы облагаться съ примѣненіемъ тѣхъ же принциповъ.

Еще удивительнѣе соображенія министра финансовъ о „справедливости“ высокаго обложенія водки, дающей главную часть доходовъ отъ нашихъ косвенныхъ налоговъ. Министръ находитъ, что „въ отношеніи питейнаго дохода высокія ставки налога должны быть признаны даже до извѣстной степени желательными, такъ какъ такія ставки служатъ однимъ изъ факторовъ, дѣлающихъ вино менѣе доступнымъ населенію“.

Министръ заботится о нравственности бѣдныхъ слоевъ населенія, желаетъ предотвратить пьянство. Министръ почему-то забываетъ извѣстную всякому грамотному человѣку истину, что потребленіе вина (спирта) въ Россіи на душу населенія меньше, чѣмъ въ другихъ культурныхъ государствахъ, что потребленіе это возрастаетъ съ возрастаніемъ достатка населенія, что ненормальное неравномѣрное потребленіе вина въ Россіи объясняется такимъ же ненормальнымъ, недостаточнымъ питаніемъ бѣднѣйшихъ массъ населенія, и что повышеніемъ ставокъ налога на вино министръ финансовъ будетъ способствовать только дальнѣйшему разоренію этого ненормально питающагося, полуголоднаго населенія, но никакъ не сокращенію пьянства. Раздутая басня о томъ, что русскій крестьянинъ и рабочій чуть не поголовный пьяница, почему-то очень нравится нашимъ реакціонерамъ, и они играютъ на этой баснѣ даже подъ личиной отмѣнной добродѣтельности и заботливости о благѣ мужичка. Но мужичокъ никогда не оцѣнивалъ и не оцѣнитъ этой заботли-

вости, потому что она явно фальшива и совершенно нецѣлесообразна: „пьянство“, т.-е. неравномѣрное, хотя и скромное по абсолютнымъ размѣрамъ, потребленіе вина русскимъ населеніемъ есть продуктъ бѣдности, а не обратно. Если хотите, чтобы не было „пьянства“, старайтесь принимать мѣры, которыя повысили бы благосостояніе народныхъ массъ; тогда пить будутъ даже больше, но „пьянства“ не будетъ.

Наши бюрократы, по всей вѣроятности, даже отлично понимаютъ это, но они изыскиваютъ всякія зацѣпки для обоснованія ихъ политики, направленной гораздо больше на защиту имущихъ, чѣмъ неимущихъ классовъ; отсюда и ихъ стремленіе играть на стрункахъ прописной добродѣтели и финансовой заботливости о благѣ „мужичка“.

На вино министръ финансовъ готовъ даже и еще повысить налогъ, несмотря на то, что онъ чуть не въ пять разъ превышаетъ стоимость самаго вина (водки). А вотъ сахарную нормировку министръ даже защищаетъ, несмотря на то, что тутъ ужъ и добродѣтелью прикрыться нельзя; сахаръ, и по мнѣнію министра, продуктъ полезный, заслуживающій болѣе широкаго распространенія въ массахъ. Но министръ находитъ, что не стоитъ добиваться пониженія цѣнъ на сахаръ, тѣмъ болѣе, что, по его совершенно неубѣдительному расчету, и понизить-то цѣну на какихъ-нибудь 3 — 4 копейки никакъ невозможно. Пусть бы министръ повнимательнѣе просмотрѣлъ данныя о колебаніяхъ цѣнъ на сахаръ въ Россіи и особенно на стоимость производства сахара, прежде чѣмъ утверждать то, что онъ утверждаетъ. Но почему онъ такъ старался оградить высокія цѣны на сахаръ, понятно: сахарозаводчики—крупные землевладѣльцы, и всѣ выгоды отъ сахарной нормировки, т.-е. отъ прикрываемой государствомъ стачки, идутъ въ карманъ этихъ господъ-землевладѣльцевъ. И министръ финансовъ Коковцевъ не умѣетъ подыскать данныхъ даже противъ нормировки!

Таковъ общій духъ записки министра финансовъ, внесенной во вторую Думу. На деталяхъ ея мы не будемъ останавливаться. Кромѣ „записки“ министерства, внесены еще и отдѣльныя законодательныя предположенія относительно по-

вышенія различныхъ налоговъ. Вся суровость этихъ „предположеній“ по отношенію къ податнымъ массамъ населенія и вся заботливая мягкость ихъ по отношенію къ состоятельнымъ классамъ уже и изъ этой „записки“ для насъ очевидны. Тѣмъ болѣе странными кажутся намъ заключительныя слова „записки“ г. Коковцева о томъ, будто задача его скромныхъ предположеній направлена къ „облегченію податного бремени, лежащаго на неимущихъ классахъ“!

Едва ли Государственная Дума найдетъ въ предположеніяхъ министра Коковцева эту заботливость объ интересахъ неимущихъ классовъ.

Въ частности, весьма мало этой заботливости найдетъ Государственная Дума и въ предположеніяхъ Министерства Финансовъ о введеніи подоходнаго налога въ Россіи. На этихъ предположеніяхъ мы должны остановиться болѣе внимательно, такъ какъ подоходный налогъ и проекты его введенія являются лучшимъ испытаніемъ дѣйствительной заботливости финансоваго управленія объ интересахъ широкихъ массъ плательщиковъ.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ сейчасъ полнымъ текстомъ „предположеній“ Министерства Финансовъ о введеніи подоходнаго налога и принуждены довольствоваться только телеграфными сообщеніями объ этихъ предположеніяхъ, проникшими въ свое время въ печать.

Въ этихъ сообщеніяхъ указывалось на то, что Министерство Финансовъ закончило законопроектъ о введеніи государственнаго подоходнаго налога въ Россіи и что Совѣтъ Министровъ, уже разсмотрѣвъ этотъ законопроектъ и „не встрѣчая препятствій къ осуществленію предположеній министра финансовъ“, постановилъ „внести въ установленномъ порядкѣ на законодательное утвержденіе исправленное, согласно высказаннымъ Совѣтомъ сужденіямъ, представленіе о введеніи государственнаго подоходнаго налога. Положеніе это 26 января 1907 года Высочайше утверждено“.

Такимъ образомъ то, о чемъ лучшіе представители правящей бюрократіи, въ родѣ министра финансовъ Бунге, могли только мечтать, теперь подъ вліяніемъ Думы близко къ осу-

ществленію. Конечно, Дума не можетъ удовлетвориться однимъ принципомъ *подоходности* обложенія; она должна будетъ итти дальше въ защитѣ интересовъ бѣднѣйшей массы плательщиковъ, такъ долго подвергавшейся истощающей податной политикѣ бюрократическаго правительства, она должна будетъ настаивать и на принципѣ *прогрессивности* обложенія, единственно соотвѣтствующемъ интересамъ широкихъ массъ населенія. На почвѣ финансовой бюджетной и податной политики будетъ происходить особенно упорная борьба народнаго представительства со старымъ строемъ, такъ односторонне защищавшимъ интересы высшихъ имущихъ классовъ.

И если только наше народное представительство будетъ такимъ, какимъ оно должно быть, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить требованія, надежды и ожиданія широкихъ массъ народа, оно, несомнѣнно, будетъ настаивать на гораздо болѣе широкихъ и демократическихъ реформахъ въ области финансовой политики государства, чѣмъ тѣ, съ какими явится въ Думу старое правительство. Поэтому „представленіе о введеніи государственнаго подоходнаго налога", съ которымъ „войдетъ" въ Думу нынѣшнее министерство, представляетъ въ сущности весьма слабый положительный интересъ, особенно въ настоящее время. Это „представленіе", однако, имѣетъ значительный отрицательный интересъ, въ качествѣ документа для характеристики творчества отходящей въ область исторіи бюрократіи.

Мы еще не имѣемъ полнаго текста министерскаго законопроекта и замѣчаній на него Совѣта Министровъ. Но уже и то, о чемъ намъ сообщилъ телеграфъ, носитъ чрезвычайно характерныя черты, такъ отличавшія старую бюрократію. Остановимся здѣсь на одной изъ этихъ чертъ наиболѣе характерной: это необыкновенная забота объ интересахъ „землевладѣльцевъ", конечно, крупныхъ, объ интересахъ той земельной дворянской аристократіи, которая прямо или косвенно, закулисно всегда правила Россіей и всегда умѣла защищать свои имущественные интересы отъ посягательствъ зараженныхъ стремленіемъ къ „справедливости" представителей бюрократіи. Такъ, когда по плану Сперанскаго въ

1812 году былъ введенъ не только подоходный, но даже и *прогрессивно-подоходный* налогъ на землевладѣльцевъ, доходъ государства отъ этого налога съ каждымъ годомъ сталъ падать, и къ 1819 году эта попытка „справедливаго“ обложенія землевладѣльцевъ была отмѣнена, съ тѣмъ, чтобы больше не повторяться. Когда уже послѣ освобожденія крестьянъ въ 1862 году министръ финансовъ Рейтернъ внесъ „представленіе“, одобренное особой комиссіей объ отмѣнѣ подушной подати и о замѣнѣ ея общимъ поземельнымъ налогомъ, грозившимъ крупному землевладѣнію всего лишь $2^1/_2$ милл. рублей, высшее придворное дворянство энергично воспротивилось этому представленію, и отмѣна подушной подати, этого яркаго образчика крѣпостнической финансовой политики государства, была отложена на цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Такъ умѣло защищать свои интересы крупное дворянское землевладѣніе. Теперь, когда между обнищавшимъ крестьянствомъ и крупнымъ землевладѣніемъ завязывается уже правильная *политическая* борьба, крупное, особенно дворянское, землевладѣніе спѣшитъ открыто встать на защиту стараго политическаго строя и является въ настоящее время самымъ надежнымъ оплотомъ политической реакціи. И за это его не забываютъ тѣ, кого оно поддерживаетъ.

Между прочимъ, телеграфъ сообщалъ: „Совѣтъ Министровъ призналъ, что наиболѣе соотвѣтствующимъ по условіямъ русской жизни размѣромъ прожиточнаго минимума, освобождаемаго отъ обложенія, былъ бы доходъ въ 1000 руб. Установленіе такого минимума, по мнѣнію Совѣта, врядъ ли можетъ оказаться стѣснительнымъ для плательщиковъ и въ частности для сельскихъ хозяевъ. Въ отношеніи послѣднихъ признано полезнымъ поручить министру финансовъ *пересмотрѣть по соглашенію* съ главноуправляющимъ землеустройствомъ и земледѣліемъ проектируемый способъ учета доходовъ сельскаго хозяйства, дабы въ этомъ порядкѣ достигнуть, безъ нарушенія справедливости и уравнительности обложенія, *облегченія* предстоящей землевладѣльцамъ новой податной *тягости*“.

Почему такая забота спеціально о землевладѣльцахъ? Почему, напримѣръ, ни слова не сказано о томъ, что сулитъ законопроектъ министерства крестьянамъ? Освободитъ ли онъ хотя бы отъ прямыхъ налоговъ въ предѣлахъ „прожиточнаго минимума“ въ 1000 руб. дохода? Вѣдь дѣйствительная „справедливость“ требовала бы, чтобы плательщики, доходы которыхъ не превышаютъ „прожиточнаго минимума“, были совершенно свободны отъ обложенія, не только прямыми, но даже и косвенными налогами, если бы это было возможно. По этой „справедливости“ пришлось бы освободить отъ налоговъ огромныя массы крестьянства и рабочихъ. И, несомнѣнно, облегченіе налоговой тяготы именно этихъ— малоимущихъ, классовъ населенія будетъ основной задачей новаго законодательства. Старое же законодательство заботится о томъ, какъ бы „облегчить предстоящую землевладѣльцамъ податную тягость“.

Можно подумать, что до сихъ поръ землевладѣльцы были самымъ обиженнымъ въ податномъ отношеніи классомъ. Не прошло еще и 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они перестали быть „неподатнымъ“ сословіемъ и волей-неволей привлечены къ несенію податныхъ тягостей наравнѣ съ тѣмъ крестьянствомъ, которое даже послѣ освобожденія продолжало нести на себѣ позорную тягость подушной подати, а ужъ землевладѣльцы оказываются въ положеніи чуть ли не особо угрожаемаго въ смыслѣ податного угнетенія класса. Чѣмъ положеніе землевладѣльцевъ въ смыслѣ обложенія отличается отъ положенія другихъ группъ плательщиковъ въ невыгодную сторону? Развѣ поземельный государственный налогъ съ крупнаго землевладѣнія выше, чѣмъ съ мелкаго? Развѣ земскіе налоги ложатся на крупныхъ землевладѣльцевъ тяжелѣе, чѣмъ на мелкихъ? Развѣ платежи дворянскому банку выше, чѣмъ крестьянскому? Развѣ косвенные налоги чувствительнѣе для *землевладѣльцевъ*, чѣмъ для *земледѣльцевъ*?..

На всѣ эти вопросы едва ли можно дать такіе отвѣты, которые оправдывали бы спеціальную заботливость о землевладѣльцахъ, угрожаемыхъ „предстоящей новой податной тягостью“, и можно только поражаться той *открыто кассовой*

тенденціей, какая сквозитъ въ этомъ телеграфномъ офиціальномъ сообщеніи объ отношеніи Совѣта Министровъ къ угрожающей землевладѣльцамъ „новой податной тягости". Подчеркивать такую тенденцію въ настоящее время представляется особенно страннымъ, и только безнадежнымъ бюрократизмомъ творцовъ подобныхъ законопроектовъ можно объяснить ихъ полнѣйшую нечувствительность къ глубоко-демократическимъ требованіямъ и настроеніямъ переживаемаго момента, къ наболѣвшимъ надеждамъ и ожиданіямъ крестьянства, о податныхъ тягостяхъ котораго такъ не привыкъ думать старый сословно-бюрократическій строй. И не представителямъ этого строя облегчить податныя тягости широкихъ народныхъ массъ, о которыхъ — а не о землевладѣльцахъ — прежде всего и больше всего долженъ былъ бы помнить и говорить всякій сколько-нибудь жизнеспособный законопроектъ!..

Такимъ образомъ сущность финансовыхъ „предположеній" бюрократіи, съ которыми она обращалась во вторую Думу, съ которыми обратится, несомнѣнно, и въ третью Думу, остается все той же старой, характерной для нашего государственнаго и финансоваго хозяйства „до-конституціоннаго" періода. Въ „переходный", продолжающійся еще періодъ эта сущность, какъ мы видѣли, нисколько не измѣнилась, да и не могла, конечно, измѣниться, такъ какъ фактически государственная власть оставалась въ рукахъ представителей стараго строя.

Какой характеръ имѣютъ финансовыя „предположенія" бюрократическаго министерства, такой же характеръ имѣютъ и бюрократическія росписи переходнаго періода, которымъ, можетъ-быть, долго еще суждено быть „послѣдними".

Характеръ этихъ „послѣднихъ" росписей продолжаетъ оставаться окрашеннымъ, съ одной стороны, узко-сословными классовыми интересами, отражающими еще господство крѣпостническаго строя, съ другой стороны—тѣмъ бюрократическимъ безжизненнымъ формализмомъ, отсутствіемъ живого творчества, живой дѣловой мысли, которыя лишаютъ эти росписи всякой цѣны даже и съ точки зрѣнія обслуживаемыхъ

ими классовыхъ узко-сословныхъ интересовъ. Этими „послѣдними“ росписями не могутъ быть довольны ни дѣйствительные представители стараго крѣпостного строя, ни тѣмъ болѣе, конечно, представители молодой буржуазіи, ни, само собою разумѣется, представители интересовъ широкихъ трудовыхъ народныхъ массъ крестьянства и рабочихъ. „Послѣднія“ росписи не стоятъ въ соотвѣтствіи съ требованіями новыхъ условій роста и развитія производительныхъ силъ страны, онѣ только тормозятъ ихъ ростъ и задерживаютъ ихъ развитіе, онѣ противорѣчатъ, слѣдовательно, общегосударственнымъ интересамъ, а потому ни одного изъ живыхъ общественныхъ классовъ удовлетворять не могутъ. Исторія, дѣйствительно, предназначила этимъ росписямъ быть послѣдними росписями стараго строя, и чѣмъ скорѣе станутъ онѣ таковыми, тѣмъ лучше для страны, для государства!

ГЛАВА III.

Бюджетная политика.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Всѣ темныя отрицательныя черты современныхъ русскихъ государственныхъ росписей доходовъ и расходовъ, конечно, являются продуктомъ, наслѣдіемъ стараго государственнаго строя, имѣютъ свою, довольно продолжительную исторію. Полное и ясное пониманіе современнаго русскаго бюджета требуетъ знакомства съ его историческимъ прошлымъ. Задача настоящей главы и заключается въ краткомъ изложеніи хотя бы главнѣйшихъ данныхъ, характеризующихъ постепенное развитіе бюджетной политики государства.

Строго говоря, обязательное и систематическое, ежегодное составленіе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ началось въ Россіи только со времени учрежденія министерствъ по манифесту 2 сентября 1802 года.

Тогда же было положено начало систематическаго составленія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, начало правильнаго составленія бюджета. До 1862 года роспись составляла строгую государственную тайну, и не только не публиковалась во всеобщее свѣдѣніе, но не была доступна даже для высшей бюрократіи, такъ какъ обычно тайна эта была вѣдома только такъ называемому финансовому комитету.

Когда въ годы ученія наслѣдника Александра Николаевича нужно было сообщить ему свѣдѣнія о русскихъ финансахъ, то, въ виду сохраненія нашихъ государственныхъ росписей въ тайнѣ, тогдашній министръ финансовъ гр. Канкринъ

не рѣшился выдать ихъ безъ особаго высочайшаго разрѣшенія.

Публичность русскаго бюджета начинается только со времени изданія правилъ 1862 года, легшихъ въ основу дѣйствующихъ и до настоящаго времени бюджетныхъ правилъ.

Но если составленіе болѣе или менѣе правильныхъ и постоянныхъ бюджетныхъ росписей въ Россіи начинается только съ XIX столѣтія, то *попытки* къ составленію росписей начинаются у насъ очень давно, по меньшей мѣрѣ съ XVII столѣтія, а гр. Канкринъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (1845 г.) упоминаетъ даже о росписяхъ еще болѣе древнихъ, ставя Россію въ этомъ отношеніи даже впереди нѣкоторыхъ другихъ культурныхъ европейскихъ государствъ. Но, конечно, эти росписи носятъ совершенно примитивный характеръ и не даютъ того представленія о состояніи государственнаго хозяйства, какое является задачей современныхъ бюджетовъ. Это не были правильно сбалансированныя росписи доходовъ и расходовъ, а лишь приблизительные, не полные своды ихъ, притомъ въ запутанномъ изложеніи, обыкновенно по вѣдомствамъ отдѣльныхъ „приказовъ" безъ всякаго объединенія въ томъ или въ другомъ центральномъ учрежденіи.

Приказы собирали разные доходы, на счетъ которыхъ покрывали свои расходы, и излишки передавали въ другія вѣдомства и обратно. Финансовое хозяйство въ приказахъ велось не только примитивно, но и грубо-хищническимъ образомъ, при отсутствіи почти всякаго контроля надъ завѣдывавшими этими приказами боярами, такъ что когда при Петрѣ Великомъ, въ 1698 году, возникла мысль освободить горожанъ отъ „обидъ и налоговъ, и поборовъ, и взятокъ" со стороны „воеводъ и приказныхъ людей" путемъ организаціи сборовъ черезъ выборныхъ старостъ и т. п., то находились города, которые соглашались перейти къ такому строю даже при условіи повышенія прежняго оклада вдвое.

Чтобы въ конкретныхъ данныхъ представить себѣ характеръ и размѣры этихъ, такъ сказать, первобытныхъ рус-

скихъ бюджетовъ, приведемъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ бюджетовъ XVII и XVIII стол. [1]).

Бюджетъ 1680 года представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Приходъ.

1) Остатокъ отъ 1679 г.	366.359	руб.
2) Поступленія 1680 г.		
а) оклада	914.844	„
б) недоимки	434.056	„
в) неокладныхъ и „запросныхъ“, т.-е. чрезвычайныхъ.	181.767	„
г) изъ приказовъ (оборотныя поступленія).	542.097	„
Итого . .	2.439.123	руб.

Расходъ.

а) окладныя и неокладныя выдачи .	1.370.050	руб.
б) въ приказѣ (оборотные расходы) . .	661.998	„
Итого . .	2.031.048	руб.
Остатокъ на 1681 г.	407.075	„

Таковъ незамысловатый и скромный по своимъ размѣрамъ государственный бюджетъ того времени. Главныя статьи тогдашнихъ доходовъ составляли „сборы таможенные и кабацкіе“, достигавшіе 50—55% общаго бюджета; прямые налоги составляли до 25% бюджета; сюда относились: *стрѣлецкая подать, ямскія и полоняничныя деньги*, доходъ *съ торговыхъ бань и конскихъ площадей, данныя и оброчныя* и т. п.

Дополненіемъ къ прямымъ налогамъ обычно служили такъ назыв. „запросные“ сборы, т.-е. экстренные, чрезвычайные, которые составляли, однако, до 20% бюджета.

Въ расходной части бюджета на первомъ мѣстѣ и тогда стояли военныя потребности—553.844 руб.; затѣмъ—дворцовое хозяйство — 224.366 руб. Остальные расходы — незначи-

[1]) Бюджеты эти приводятся въ книгѣ П. Милюкова „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго“. Здѣсь — по книгѣ проф. В. Лебедева „Финансовое право“, 1893, т. I, выпускъ III.

тельны; напр., на содержаніе государственнаго управленія расходовалось (деньгами) всего 18.692 руб.

Приказы патріаршій и монастырскій въ роспись не включались.

Ростъ главнымъ образомъ военныхъ потребностей государства вызывалъ, однако, и ростъ бюджета. На сформированіе и содержаніе новыхъ полковъ при Петрѣ Великомъ и на постройку кораблей учреждались новые и новые сборы, распредѣлявшіеся самымъ примитивнымъ способомъ: „съ купечества — десятая деньга; съ дворцовыхъ, монастырскихъ, патріаршихъ, архіерейскихъ и церковныхъ дворовъ — по 25 коп. съ двора; съ помѣщиковъ и вотчинниковъ—по 20 коп. съ двора“ и т. д. Постройку кораблей рѣшено было разложить—въ засѣданіи Думы 20 октября 1696 года—на купечество (вмѣсто десятой деньги), на духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ—по кораблю съ „кумпанства“ въ 8—10 тысячъ дворовъ, при чемъ имѣющіе меньше ста дворовъ должны были просто платить въ казну по полтинѣ съ двора. Въ общемъ постройка кораблей (флота) обходилась землевладѣльцамъ духовнаго вѣдомства по $1^1/_4$ руб. со двора, свѣтскимъ—по 1 руб. Завѣдываніе этой повинностью возложено было въ 1700 году на адмиралтейскій приказъ. Сборы на флотъ очень скоро были уменьшены почти въ десять разъ.

На удовлетвореніе потребностей Оружейной палаты —заготовка оружія — были отведены тоже спеціальные источники: гербовая бумага, учрежденная въ 1699 г.; табачный откупъ, находившійся тогда въ содержаніи у маркиза Кармартена, и—въ 1701 г.—сборъ съ записи крѣпостныхъ актовъ.

Роспись 1701 года, уже болѣе деталированная, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Доходы.

1. Прямые окладные налоги:

1. Стрѣлецкія деньги	117.227	руб.	4%
2. Ямскія и полоняничныя	38.208	„	1,3 „
3. Ясакъ	118.650	„	4,0 „
4. Адмиралтейскій, драгунскій . .	310.152	„	10,5 „
Итого . . .	584 237	руб.	19,8%

II. Косвенные налоги:

5. Сборъ таможенный и кабацкій . 1.195.974 руб. 40,4%

III. Пошлины и монетное дѣло:

Пошлины	118.699	руб.	4,0%
Монета	791.728	„	26,8 „
IV. Оброчные сборы	130.183	„	4,4 „
V. Остальные.	134.944	„	4,6 „
Всего . . .	2.955.765	руб.	—

По сравненію съ 1680 годомъ огромный приростъ въ росписи 1701 года дали косвенные налоги—таможенный и „кабацкій"; также—монетное дѣло и пошлины.

Расходы:

1. Военные	1.964.852	руб.	78,3%
2. Дворцовые	110.406	„	4,4 „
3. Торговыя и монетныя операціи. .	88.607	„	3,5 „
4. Благотворит., пенсіи и церковь. .	62.366	„	2,5 „
5. Администрація	52.209	„	2,1 „
6. Сообщенія и почта.	50.039	„	2,0 „
7. Дипломатія	45.695	„	1,8 „
8. Постройки	44.228	„	1,8 „
9. Медицина.	27.241	„	1,1 „
10. Просвѣщеніе	3.616	„	0,1 „
11. Разные расходы и мастера . . .	58.596	„	2,3 „
Всего . . .	2.507.855	руб.	—

Эти цифры, конечно, еще не даютъ истиннаго представленія о той тяжести, какой ложилась на населеніе тогдашняя политика государства. Мы не можемъ учесть той, вѣроятно, гораздо болѣе значительной части этой тяжести, какая приходилась на долю всевозможныхъ натуральныхъ повинностей, какія несло населеніе по всѣмъ отраслямъ управленія. Но что тяжесть эта была велика, показываетъ уже

одинъ фактъ уменьшенія общаго количества населенія въ 1710 году по сравненію съ 1678 г., отмѣчаемый историками.

Въ общемъ и денежное положеніе государства при Петрѣ было неблестящимъ: хотя до 1710 года бюджеты выполнялись безъ дефицитовъ, но съ этого года начинаетъ появляться и дефицитъ.

Финансовыя затрудненія государства побудили Петра Великаго образовать (въ 1708 г.) постоянный совѣщательный органъ—„боярскую консилію", раздѣлившуюся на три комитета—финансовый, военный и дипломатическій. Впослѣдствіи образовавшійся въ 1711 году Сенатъ сосредоточилъ въ себѣ функціи финансоваго комитета, въ томъ числѣ и финансовую отчетность. Учрежденный съ 1722 г. при Сенатѣ генералъ-прокуроръ игралъ въ сущности и роль министра финансовъ.

Послѣ 1711 г. росписи нѣсколько лѣтъ совсѣмъ не составлялись. Только съ 1722 г. „камеръ-коллегія", т.-е. прообразъ Министерства Финансовъ, снова приступаетъ къ болѣе регулярному составленію бюджетовъ (1698 г.). За послѣдній годъ царствованія Петра Великаго, 1724 г., государственная роспись представляется въ слѣдующемъ, достаточно полномъ и характерномъ видѣ:

Доходы.

I. Косвенные налоги:

1. Таможенные сборы	1.011.689
2. Кабацкіе „	954.740
3. Съ клейменія винокур. кубовъ	14.431
4. Табачные и трубочные	42.513
5. Конскія пошлины съ продажи	40.861
6. Съ извознаго промысла (съ клейменія извозчичьихъ хомутовъ)	8.096
7. Съ мостовъ и перевозовъ	42.628
8. Привальные и отвальные (сборъ съ судоходства)	12.776
9. Съ вѣсчихъ товаровъ (за взвѣшиваніе на казенныхъ вѣсахъ)	887
Итого	2.128.622

II. Оброки и откупы государственныхъ имуществъ:

10.	Съ дворцовыхъ волостей	94.491
11.	„ рыбныхъ ловель	89.197
12.	„ оброчныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ .	26.615
13.	„ ледокола и водопоя	3.754
14.	„ продажи скотины и кожъ	3.906
15.	„ отписныхъ лавокъ, деревень и дворовъ .	1.504
16.	„ продажи винограда, чихиря и овощей .	313
	Итого . . .	219.780

III. Промысловые сборы:

17.	Съ торговыхъ бань	8.818
18.	„ разночинцевыхъ бань	25.141
19.	„ мельницъ.	73.882
20.	„ постоялыхъ дворовъ.	6.669
21.	„ лавокъ, полковъ и кузницъ	47.345
22.	„ найма извозчиковъ 10-й доли	29.927
23.	„ разныхъ промысловъ	4.982
24.	„ пріѣзжихъ въ Москву возовъ	58.018
	Итого . . .	254.782

IV. Пошлины:

25.	Съ дѣлъ	33.249
26.	„ письма крѣпостей	45.440
27.	Печатныя	21.818
28.	Гербовая бумага	17.135
29.	Съ неуказнаго платья и бородъ	2.149
30.	Канцелярскія мелочныя	30.274
	Итого . . .	150.065

V. Монополіи и регаліи:

31.	Съ соли	662.118
32.	„ денежныхъ дворовъ	216.808
33.	Почтовый доходъ	16.261
	Итого . . .	895.187

VI. Прямые сборы:

34. Съ татаръ, самоѣдовъ и лопарей — ясащныхъ	56.969
35. Съ казанскихъ татаръ вѣдомства Кудрявцева.	59.444
Итого . . .	116.413

Кромѣ того, отъ введенной въ 1724 году „подушной подати“ ожидалось. 4.614.638

VII. Сборы разныхъ учрежденій и областей, нераспредѣленные на рубрики:

36. Малороссійской коллегіи	133.300
37. Монастырскаго и патріаршихъ приказовъ (синодальн. вѣдом.).	83.218
38. Новозавоеванныхъ мѣстностей канцелярскіе, оброчные, контрибутные сборы	59.530
Итого . . .	276.048
Всего . . .	4.040.897
Вмѣстѣ съ подушной податью.	8.655.535

Такимъ образомъ болѣе половины бюджета покрывалось *подушной податью*, ложившейся исключительно на крестьянъ, и притомъ по самому несправедливому и тяжелому принципу *поголовнаго*, подушнаго, а не подоходнаго обложенія. Столь же тяжелымъ, несправедливымъ и падавшимъ почти исключительно на крестьянъ являлся и налогъ на соль, дававшій громадную сумму—болѣе 7% бюджета. Затѣмъ—„кабацкіе“ сборы, оброки и откупы государственныхъ имуществъ, значительная часть промысловыхъ сборовъ и т. п.—все это налоги и сборы, падавшіе почти исключительно на крестьянъ. До 1720 года даже крестьянскія бани облагались, какъ „промышленныя“ заведенія!

Если абсолютныя цифры бюджетовъ того времени не велики, то это, конечно, нисколько не говоритъ о незначи-

тельности налогового бремени, лежавшаго въ то время на населеніи, особенно на крестьянствѣ, хозяйство котораго было почти чисто натуральнымъ; деньги давались только съ большимъ трудомъ; кромѣ того, не надо забывать, что стоимость тогдашняго рубля, по сравненію съ нынѣшнимъ, была очень велика: въ концѣ XVII вѣка рубль равнялся 17 нынѣшнимъ рублямъ, въ XVIII в.—девяти. Въ переводѣ на нынѣшній рубль бюджетъ того времени составляли: за 1680 годъ—24.887.609 руб.; за 1701 годъ—50.247.905 руб. и за 1724 г.—76.739.040 рублей.

Расходы по бюджету 1724 года были таковы:

1.	Войска и артиллерія	3.140.888 руб.
2.	Флотъ	781.312 „
3.	Казенныя имущества	893.806 „
4.	Администрація	203.352 „
5.	Дипломатія	495.654 „
6.	Постройки	292.370 „
7.	Дворъ	186.227 „
8.	Духовенство и благотворительность	35.816 „
9.	Медицина	37.420 „
10.	Школы и академіи	27.327 „
11.	Разные расходы	149.025 „
	Итого	6.243.197 руб.

Какія потребности, главнымъ образомъ, поглощали государственныя средства, ясно видно и изъ этой сводной общей росписи. Что же касается внутренняго, организаціоннаго характера самихъ росписей, ихъ составленія, систематизаціи и т. п., то этотъ характеръ сразу выясняется изъ отдѣльныхъ подлинныхъ статей росписи, напр., 1724 г. Статья 3-я „окладныхъ дачъ“: „Придворнымъ и синодальнымъ уставщику и поддьяконамъ и пѣвчимъ и троицкому протодьякону, и обрѣтающемуся при домѣ Ея И. В. сержантамъ и дворовымъ и портнымъ и проч. чинамъ жалованья и кормовыхъ—3.357 руб.“. Статья 4-я: „Астраханскому епископу и домо-

вымъ его жалованья и на проѣзды до Астрахани и на церковныя потребы и ружникамъ и богадѣленнымъ нищимъ и престарѣлымъ солдатамъ жалованья-жъ и беззаконно рождающимся кормовыхъ и синодальнымъ поддьяконамъ и пѣвчимъ и дворовымъ всякаго чина людямъ и инквизитору—35.756 р.". Или, напр., статья 3-я на неокладные чрезвычайные расходы: „Въ иностранную коллегію на секретныя дачи и посланнымъ на комиссіи въ разныя мѣста жалованья и на проѣздъ, и вдовѣ Кантакузиной жалованья-жъ и на проѣздъ до отечества и мултянской земли попу въ награжденіе—47.735 руб.". Или „на удовольствіе грузинскаго принца и свиты его"; на „нѣкую секретную дачу"; или „въ дворцовую канцелярію для удовольствія пословъ и на покупку и отправленіе всякихъ припасовъ и птицъ и на всякіе путевые расходы и на починку качалокъ и одноколокъ и на содержаніе слона и съ привезенныхъ винъ и конфектовъ пошлинъ—13.031 руб.". И т. д., и т. д. Чего только не намѣшано въ кучу! „Роспись", очевидно, носила самый примитивный характеръ. Никакихъ опредѣленныхъ правилъ для составленія росписи не существовало. Послѣ Петра Великаго „росписи" почти совсѣмъ были заброшены, такъ что даже о состояніи бюджета того времени до Екатерины II имѣются лишь весьма скудныя свѣдѣнія. Извѣстно только, что это состояніе было плачевное; доходы поступали и возрастали туго, а расходы увеличивались быстро. Въ доходной части бюджета подушная подать занимала огромное мѣсто; напр., въ 1744 г. подушная подать, вмѣстѣ съ другими прямыми сборами, дала 10 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 7,3 милл. пошли на военныя и морскія силы; всѣ же остальные источники доходовъ дали только около 2 милл. руб.

Всматриваясь, однако, въ приведенныя выше данныя о росписяхъ, мы можемъ сказать, что характеръ и доходной и расходной части бюджетовъ того времени былъ—въ существенныхъ своихъ чертахъ—такой же, какъ и въ настоящее время; въ доходной части преобладали косвенные налоги, составлявшіе въ бюджетѣ, напр., 1680 г. 53,3% всего бюджета, въ 1701 г. болѣе 40%, въ 1724 году болѣе 50%. Въ

1724 г. Петромъ Великимъ введенъ самый несправедливый и самый тяжелый для массы плательщиковъ прямой налогъ— *подушная подать,* отмѣненная, какъ извѣстно, только при Бунге. Въ расходной части поглощающее положеніе занимали, конечно, военные расходы: въ 1701 г. они поглощали, напр., около 80% бюджета, 1724 г. не менѣе 60% и т. д.

Въ этомъ отношеніи роль военныхъ расходовъ имѣетъ для русскаго бюджета какое-то почти провиденціальное значеніе. Когда согласно „плану финансовъ", внесенному въ 1810 г. Сперанскимъ въ Государственный Совѣтъ, министръ финансовъ предположилъ прежде всего составить штаты всѣмъ военнымъ потребностямъ *по мирному положенію,* а потомъ уже *по военному*, чтобы отличить смѣту Военнаго Министерства въ обычное время отъ времени военнаго, департаментъ экономіи сдѣлалъ такое глубоко-характерное, чисто историческое возраженіе: „*Въ Россіи военное и мирное положеніе никогда съ точностью не было различаемо*, и потому въ основаніе образцовой смѣты можно принять военное положеніе, въ которомъ мы дѣйствительно находимся".

Понятно, что при такомъ привилегированномъ положеніи военнаго вѣдомства на другія, мирныя потребности у насъ всегда отпускались весьма скромныя средства. Въ бюджетѣ 1701 года „просвѣщеніе" отнесено къ „неокладнымъ" расходамъ, и на него было отпущено только 0,14% общаго бюджета.

Внѣшній характеръ бюджета, конечно, былъ крайне примитивный. О сколько-нибудь правильной и строгой классификаціи доходовъ и расходовъ въ то время едва ли можетъ быть рѣчь.

Въ 1769 г., по требованію Екатерины, уже составляется „окладная книга" для всего государства, свѣдѣнія для которой, какъ и для послѣдующихъ окладныхъ книгъ 1773—76 и 77 гг., собирались по однообразнымъ формамъ, правда, весьма неаккуратно и въ чрезвычайно безпорядочномъ, запутанномъ видѣ.

Только съ воцареніемъ Павла смѣты начинаютъ утверждаться высочайшей подписью. Первая смѣта—„генеральный годовой отчетъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ"—

на 1797 г. была подписана такъ: „Мною утверждена 20 декабря 1796 г. Павелъ“. Съ 1801 года формула высочайшей подписи пріобрѣтаетъ современный видъ — „Быть по сему“. Въ 1802 году учреждаются министерства, наступаетъ уже новый, можно сказать, современный періодъ въ исторіи нашего бюджета.

Какъ росъ и измѣнялся бюджетъ въ концѣ XVIII вѣка, показываетъ, напр., роспись 1762 г., лучше сказать, „перечневая вѣдомость“, составленная Сенатомъ по указу Петра III и нѣсколько измѣненная уже по вступленіи на престолъ Екатерины II.

Сводныя данныя этой вѣдомости таковы:

Доходы:

Подушная подать	5.688.199	руб.
Акциза съ питей и др	3.356.669	„
Новые налоги на вино.	1.524.688	„
Соляные сборы	2.206.035	„
Таможенные.	2.003.094	„
Сибирскіе доходы.	581.495	„
Итого . . .	15.350.181	руб.

Расходы:

Дворъ.	2.265.329	руб.
Войско.	9.903.912	„
Флотъ.	1.912.957	„
Коллегія иностранныхъ дѣлъ. . .	214.694	„
Академіи Наукъ и Художествъ . .	60.198	„
Центральное управленіе	219.453	„
Мѣстное управленіе	640.682	„
Итого . . .	16.027.513	руб.
Расходы за счетъ прежнихъ лѣтъ	2.104.940	„
Всего расходовъ	18.132.453	руб.

Т.-е. оказался дефицитъ свыше 2,7 милл. руб.—бѣдственное положеніе страны „по случаю отправленія великихъ суммъ въ заграничную армію“.

Недоимки, особенно, конечно, по подушной подати, составляли обыкновенное явленіе, несмотря на рѣшительныя мѣры къ ихъ взысканію.

Такое же обыкновенное явленіе въ бюджетахъ того времени представляли и дефициты, достигавшіе крупныхъ, по отношенію къ общей суммѣ бюджета, размѣровъ. Записка генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, представленная въ состоявшій при императрицѣ совѣтъ въ 1788 году, указываетъ, что „начиная съ 1785 г. ни въ одномъ году сполна доходы не вступали“, были недоборы въ 1 — $2^1/_2$ милл. руб., а на 1789 г. ожидалось еще больше, въ виду дороговизны хлѣба и военныхъ обстоятельствъ. Записка указывала также, что нѣкоторые губернаторы расходуютъ деньги не по назначенію и не сносясь съ государственнымъ казначеемъ. Кн. Вяземскій предлагалъ для покрытія дефицита сдѣлать внѣшній заемъ „не щадя процентовъ“.

Характеръ правительственныхъ мѣропріятій, плановъ и взглядовъ, клонившихся къ улучшенію финансоваго хозяйства страны, виденъ изъ записки того же кн. Вяземскаго, представленной имъ въ сотрудничествѣ съ гр. Шуваловымъ, Воронцовымъ и Безбородко въ 1783 году. Въ этомъ году тоже предвидѣлся дефицитъ свыше 2,2 милл. руб., и докладчики ищутъ „кратчайшихъ способовъ народу колико можно меньше отяготительныхъ“.

Мѣры, выдвигаемыя запиской, выставившей столь благожелательный къ народу принципъ, оказываются, однако, гораздо менѣе благожелательными [1]). „Обративъ вниманіе на повысившееся, благодаря мѣрамъ правительства, благосостояніе государственныхъ, экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ“, предлагается повысить оброкъ, чтобы уравнять положеніе государственныхъ крестьянъ *съ болѣе тяжелымъ* положеніемъ крестьянъ помѣщичьихъ, тѣмъ болѣе, что при

Проф. Лебедевъ—l. c., стр. 732.

„безмѣрной малости“ оброка казенные крестьяне „обращаются въ праздность и не брегутъ о земледѣліи“ и прочемъ своемъ хозяйствѣ. Основываясь на „правилѣ неоспоримомъ, что крайняя легкость податей столько же служитъ поводомъ къ лѣности, колико безмѣрная тягость отъемлетъ бодрость и охоту къ трудолюбію, и что соразмѣрная дань есть наилучшее побужденіе распространять и свой достатокъ“,—докладчики полагаютъ обложить всѣхъ казенныхъ крестьянъ оброкомъ вмѣсто прежнихъ 2 руб. — по 3 руб., далѣе повысить накладной сборъ на всѣ подушные сборы (несмотря на „тяжелое“ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ), увеличить сборъ съ купечества взамѣнъ поставки рекрутъ съ 350 до 500 руб.; увеличить цѣны гербовой бумаги; повысить кое-гдѣ цѣну соли; разрѣшить вновь продажу казенныхъ земель, пріостановленную указомъ 1778 года и т. д. Увеличеніе доходовъ отъ этихъ мѣръ ожидалось на 5.104.542 руб. „На случай же дальнѣйшихъ нуждъ докладчики не усматривали иныхъ средствъ, кромѣ: 1) возвышенія общаго подушнаго сбора, 2) удвоенія сбора съ купеческихъ капиталовъ и 3) сложенія на общество содержанія по губерніямъ судовъ дворянскихъ, магистратовъ и расправъ“.

Самое яркое крѣпостничество сказывается во всѣхъ этихъ проектахъ „мѣропріятій“ государства того времени. Въ то же время и чисто бюрократическія разглагольствованія о благѣ народа и т. п. Гр. Безбородко, напр., въ 1785 г. выступилъ даже противникомъ увеличенія налоговъ. Ростъ доходовъ, достигавшихъ уже 42 милл. руб., гр. Безбородко считалъ „плодомъ мудраго и кроткаго царствованія и постояннаго сохраненія принятыхъ однажды добрыхъ правилъ, доказанныхъ 24-лѣтними опытами, что умноженіе народа, распространеніе рукодѣлій, возращеніе торговли, при разныхъ со стороны престола монаршаго облегченіяхъ, пособіяхъ и одобреніяхъ, суть самыя къ тому лучшія средства“. Гр. Безбородко высказывался противъ повышенія налоговъ, находя, что за удовлетвореніемъ штатныхъ расходовъ по бюджету „остается еще знатное количество на чрезвычайныя издержки“, какъ нигдѣ въ Европѣ, и что „при подобномъ изобиліи го-

сударственномъ“ остается только „распорядить порядочный и точный во время сборъ доходовъ и доброе хозяйственное того употребленіе, не прибѣгая къ новымъ поборамъ, изъ коихъ многіе, приводя въ разстройство внутреннее состояніе обитателей, не могутъ быть не отвратительны сердцу государя человѣколюбиваго“.

Размышленія гр. Безбородко являются прекраснымъ прототипомъ бюрократически-либеральныхъ размышленій позднѣйшаго времени и заканчиваются, конечно, уступками требованіямъ крѣпостнической дѣйствительности: „временную помощь безъ тягости народной“ гр. Безбородко совѣтовалъ „заимствовать“ изъ ассигнаціоннаго банка, соблюдая, конечно, „мѣру и предѣлъ“ и притомъ „способствуя и другимъ народнымъ состояніямъ въ ихъ добрѣ и пользѣ“. Наконецъ, въ случаѣ крайности, гр. Безбородко допускалъ и нѣкоторыя изъ предлагавшихся генералъ-прокуроромъ повышеній налоговъ.

Нѣсколько новой чертой въ бюрократически-либеральныхъ воззрѣніяхъ гр. Безбородко является большая наклонность къ „позаимствованіямъ“, т.-е. къ внутреннимъ долгамъ и къ внѣшнимъ займамъ. Въ росписяхъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II уже появляется расходъ на платежи по долгамъ внутреннимъ и внѣшнимъ, и характеръ росписей дѣлается уже близкимъ къ характеру росписей XIX в. Напримѣръ, роспись 1797 года:

Приходовъ государственныхъ состоитъ.

Окладныхъ:

1. Съ купеческаго капитала. . . .	1.075.526	руб.	24	коп.
2. Съ мѣщанъ	1.314.529	„	—	„
3. Съ казаковъ, войсковыхъ обывателей, пользующихся правомъ винокуренія.	1.049.068	„	30	„
4. Съ крестьянъ подушныхъ, съ казенныхъ и помѣщичьихъ вообще	14.390.053	„	$45^3/_4$	„
5. Оброчныхъ съ казенныхъ всякаго рода крестьянъ	14.707.921	„	$95^1/_2$	„
6. Неокладныхъ, по 2 коп. съ рубля, съ подушнаго и оброчнаго сбора.	613.481	„	89	„

Окладныхъ, по временамъ перемѣняющихся:

7. Питейныхъ откупныхъ.	18.089.393	руб.	$58^1/_2$ к.
8. Съ оброчныхъ статей	753.806	„	$59^1/_4$ „

Неокладныхъ:

9. Таможенныхъ	5.978.289	руб.	$81^1/_4$ к.
10. Соляныхъ	841.947	„	81 „
11. Съ горныхъ заводовъ.	1.426.484	„	$52^1/_2$ „
12. Разнаго званія неокладныхъ сборовъ	3.432.691	„	$47^3/_4$ „
Всего. . .	63.673.194	руб.	$64^1/_2$ к.

(Кромѣ того, доходы, до мѣстъ принадлежащіе, не входящіе въ общую массу, какъ состоявшіе въ распоряженіи тѣхъ мѣстъ, составили 2.502.132 руб. 26 коп.).

Расходовъ полагается.

Штатныхъ:

1. На воинскій департаментъ, включая гвардію, полки, комиссаріатъ, артиллерію и провіантскую, также нерегулярныя войска.	20.000.000	руб.
2. На морской департаментъ, включая флотъ на Балтійскомъ, Черномъ и Каспійскомъ моряхъ	5.000.000	„
3. На гражданскій штатъ, разумѣя не только губерніи, но и Сенатъ, со всѣми присутственными мѣстами	6.000.000	„
4. Ея И. В. Государынѣ Императрицѣ . .	1.000.000	„
5. На удѣлы	1.000.000	„
6. Для Императорской Фамиліи	1.000.000	„
7. На иностранный департаментъ, съ миссіями и чрезвычайными издержками. .	1.000.000	„
8. На духовный штатъ вообще	1.000.000	„

9. Въ кабинетъ, вмѣсто соляного дохода и сверхъ того отпускаемыя, взамѣнъ издержекъ во время войны и на выкупъ облигацій	3.650.000	руб.
10. На Дворъ въ Придворную контору съ конюшенною, егермейстерскою и конторою строенія.	3.600.000	„
11. На училища, воспитательные дома, больницы и штатныя пенсіи.	1.221.762	„
Всего . . .	44.471.762	руб.
Затѣмъ остается . . .	19.201.432	„

Изъ сихъ остающихся надобно опредѣлить:

1. На пенсіи временныя, коихъ считается до	1.673.000	руб.
2. На строенія и водяныя комуникаціи до .	1.200.000	„
3. На платежъ иностранныхъ долговъ до .	6.000.000	„
4. На платежъ внутреннихъ долговъ до. .	3.000.000	„
5. На истребленіе банковыхъ ассигнацій до	3.000.000	„
Затѣмъ еще оставаться будетъ на диспозицію	4.328.432	„
Но пока всѣ войска, флоты и губерніи по новому расположенію и штатамъ утвердятся, до тѣхъ поръ всѣхъ оныхъ дѣйствительнымъ остаткомъ почитать невозможно, ибо по прежнему положенію долженствуютъ быть немалые расходы.		
Всего	63.673.194 р. $64^1/_2$ к.	

„Балансъ“ сведенъ аккуратно. Но что характеръ расходной смѣты являлся лишь самымъ приблизительнымъ, это видно уже по тѣмъ крайне круглымъ цифрамъ, въ какихъ выражены всѣ расходы, за исключеніемъ расходовъ „на училища“ и проч. Въ этой статьѣ потребовалась точность. Въ остальныхъ—приблизительность.

Въ расходной части этой росписи обращаютъ на себя вниманіе относительно громадные расходы на Дворъ—подъ раз-

личными наименованіями статей — и на платежи по долгамъ, которые впервые начались при Екатеринѣ II въ 1769 году, по случаю войны съ Турціей, а къ 1793 году достигли уже громадной суммы—52.712.608 руб. Въ періодъ 1797—1800 гг. было сдѣлано новыхъ долговъ на сумму 18.126.000 рублей. Правда, кредитъ Россіи въ то время былъ, сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ, благопріятнымъ; средній процентъ 4—5%, и комиссіонное вознагражденіе банкировъ—не болѣе, 5%, т.-е. займы реализовались по 95 за 100 [1]). Но начавшіяся „позаимствованія“ изъ „ассигнаціоннаго банка“ и „кредитныя операціи“ внѣшняго характера съ этихъ поръ уже какъ нельзя лучше привились къ русскому бюджету, сдѣлались, какъ мы видѣли, его самой характерной чертой и, до извѣстной степени, самымъ больнымъ его мѣстомъ.

Съ 1802 года, со времени учрежденія министерства, русскій бюджетъ вступаетъ въ новый, современный періодъ, правда, новый больше съ внѣшней, формальной стороны, имѣвшей, впрочемъ, и нѣкоторое внутреннее значеніе, въ смыслѣ упорядоченія бюджетнаго дѣла. Общій характеръ, духъ бюджетной политики оставался, однако, по существу тѣмъ же.

Начало новаго періода въ исторіи русскаго бюджета тѣсно связано съ именемъ Сперанскаго, который въ 1810 г. внесъ въ только что учрежденный Государственный Совѣтъ свой знаменитый „Планъ финансовъ“, заключавшій въ себѣ цѣлый рядъ указаній и относительно бюджета, его составленія, классификаціи расходныхъ и доходныхъ его статей и его значенія, въ качествѣ законодательнаго акта, обязательнаго къ исполненію, съ точнымъ соотвѣтствіемъ отдѣльныхъ статей, для чего „Планъ“ требовалъ, чтобы каждый мѣсяцъ всѣ министры вносили въ Комитетъ Министровъ свѣдѣнія о состояніи своихъ кредитовъ и смѣту суммъ, какія могутъ потребоваться въ теченіе ближайшаго мѣсяца. „Наказомъ“ министру финансовъ 25 іюня 1811 года были уста-

---

[1]) *Проф. Мигулинъ.* „Русскій государственный кредитъ“.

новлены уже вполнѣ опредѣленныя правила для составленія росписи [1]).

Нѣмецкій обозрѣватель бюджетной политики Россіи V. Wittschewsky [2]) говоритъ о „Планѣ финансовъ“ Сперанскаго:

„Путемъ повышенія доходовъ и уменьшенія расходовъ онъ старался привести русскій бюджетъ въ равновѣсіе, стремясь въ то же время путемъ установленія точныхъ и строгихъ правилъ устранить совершенно безсистемное составленіе бюджетовъ. Несмотря на упорное сопротивленіе тѣхъ, которые были заинтересованы въ этой безсистемности бюджета, „Планъ“ Сперанскаго былъ утвержденъ 2 февраля 1810 года, и русская бюджетная система получила тѣ направляющія основы, которыя сохранили въ ней свое господство въ теченіе ближайшаго полустолѣтія“.

А что русскій бюджетъ и тогда уже нуждался въ болѣе строгой систематизаціи и въ болѣе строгомъ и бережливомъ выполненіи, показываетъ уже хотя бы то обстоятельство, что за время съ 1803 по 1810 г. дефицитъ нашъ возросъ до 143 милл. руб., при чемъ въ 1810 г. расходы—278 милл. рублей — были почти въ два раза больше обыкновенныхъ доходовъ—135 милл. Расходы на военное вѣдомство поглощали половину бюджета. Для покрытія дефицита совершались позаимствованія изъ государственныхъ кассъ и другихъ внутреннихъ источниковъ. Одинъ ассигнаціонный банкъ далъ за этотъ семилѣтній періодъ 291 милл. руб.

Ассигнаціонный банкъ былъ учрежденъ (въ 1769 г.) спеціально въ цѣляхъ внутренняго кредита государства. Банку было предоставлено право выпускать свои билеты—ассигнаціи, размѣнныя на мѣдную монету и обязательныя къ пріему по всѣмъ казеннымъ платежамъ. Правительство же дѣлало „позаимствованія“ у этого банка. При Екатеринѣ II было позаимствовано изъ ассигнаціоннаго банка около 157 милл. рублей; да внѣшнихъ займовъ было заключено на 52,7 милл. руб., изъ которыхъ, къ концу царствованія осталось непогашенныхъ 35,4 милл. руб. Кромѣ того, производились, осо-

[1]) Министерство финансовъ 1802—1902. Часть первая.

[2]) Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik, стр. 587, 27 B.

бенно при преемникахъ Екатерины, позаимствованія также и изъ другихъ казенныхъ вкладныхъ банковъ, достигающія въ періодъ 1801—1822 гг. громадной суммы — 324 милл. руб. Выпускъ ассигнацій при Павлѣ I достигъ уже 213 милл. руб. (а внѣшнихъ займовъ—до 53,5 милл. руб.). При Александрѣ I, благодаря войнѣ съ Наполеономъ, выпускъ ассигнацій достигъ 836 милл., при чемъ цѣна ихъ упала до 20 коп. сер. за рубль, а процентные займы съ 1809 по 1822 гг., вмѣстѣ съ позаимствованіями изъ вкладныхъ банковъ, составили 678,5 милл. руб. Кредитъ нашъ при Александрѣ I сильно упалъ; займы шли исключительно на войны—на непроизводительныя цѣли.

Попытки министра финансовъ графа Д. А. Гурьева (1810—1823 гг.), нашего второго министра финансовъ, послѣ графа А. И. Васильева [1]) (1802—1807),—попытки графа Гурьева упорядочить наши финансы имѣли очень мало успѣха. Для веденія войны нужны были громадныя средства, а доходы попрежнему поступали туго; недоимки росли; кассовая наличность, конечно, была недостаточна для удовлетворенія возраставшихъ въ военное время потребностей; запасовъ тоже не было. До какой степени казна нуждалась тогда въ средствахъ, можно судить, напр., по слѣдующему донесенію главнокомандующаго арміями Барклай-де-Толли въ 1813 году.

„По всеобщимъ правиламъ войны,—писалъ Барклай-де-Толли,—недостатокъ въ арміяхъ денегъ и несвоевременное удовлетвореніе всякаго рода нуждъ армейскихъ нерѣдко измѣняетъ самые благопріятные виды въ военныхъ операціяхъ. До какой степени простирается у насъ недостатокъ, судить можно по тому, что уже около полутора мѣсяца исходитъ майской трети, а не выслано еще на генварскую треть цѣлыхъ двухъ частей исчисленной суммы. Отъ того большая часть войскъ не получила донынѣ нужнаго и не сполна удовольствована Всемилостивѣйше пожалованнымъ полугодовымъ жалованьемъ;

---

[1]) Съ 1807 по 1810 г. „управлялъ“ министерствомъ Ф. А. Голубцовъ.

пріостановлена выдача офицерамъ денежныхъ раціоновъ; казачьимъ полкамъ нисколько не заплачено на вьючныхъ лошадей фуражныхъ денегъ; останавливаются самые необходимые расходы по гошпитальной части, и теперь, когда *арміи угрожается голодомъ*, ежели бы можно избѣжать онаго посредствомъ покупки жизненныхъ припасовъ, не на что дѣлать сихъ покупокъ".

Затрудненіе въ доставкѣ денегъ какъ въ центральное казначейство, такъ и оттуда на мѣста, особенно въ дѣйствующую армію, только усиливали тяжелое положеніе казны. Значительныя суммы сборовъ, иногда до 30—35 милл. руб., поступали громоздкой мѣдной монетой; доставка этой монеты по плохимъ воднымъ и особенно сухопутнымъ сообщеніямъ караванами тянулась иногда многими мѣсяцами, стоила большихъ средствъ и потерь, и ставила казначейство въ весьма затруднительное положеніе.

Бюджеты въ началѣ XIX ст. заключались всегда съ дефицитами, особенно, начиная съ 1807 года, съ наступленіемъ періода войнъ со Швеціей и Франціей.

Цифры государственныхъ доходовъ и расходовъ этого времени представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Обыкнов. доходы.	Расходы.	Дефицитъ.
1806	106 милл. р.	122 милл. р.	16 милл. р.
1807	115 „ „	159 „ „	44 „ „
1808	123 „ „	248 „ „	125 „ „
1809	134 „ „	278 „ „	144 „ „
1810	178 „ „	274 „ „	101 „ „
1811	233 „ „	272 „ „	39 „ „
1812	236 „ „	342 „ „	106 „ „
1813	270 „ „	432 „ „	153 „ „
1814	297 „ „	457 „ „	160 „ „
1815	323 „ „	391 „ „	68 „ „

Дефициты эти, какъ мы видѣли, покрывались путемъ займовъ, позаимствованій и выпуска ассигнацій.

Вплоть до вступленія въ Министерство Финансовъ графа Е. Фр. Канкрина (1823—1844 гг.) положеніе русскаго бюд-

жета оставалось довольно плачевнымъ. Канкрину удалось, главнымъ образомъ, путемъ бережливости, уравновѣсить бюджетъ, по крайней мѣрѣ, въ первое десятилѣтіе его управленія Министерствомъ Финансовъ. Бюджетъ 1827 г. оказался на 65 милл. р. меньше бюджета 1823 г.

Небольшіе дефициты, наблюдавшіеся въ 1823, 1834, 1835, 1841 и въ 1842 гг. покрывались внѣшними займами у Ротшильда.

Что платежныя силы податного населенія и въ этотъ періодъ были крайне напряжены, показываетъ уже тотъ фактъ, что, напр., въ 1826—1828 гг. пришлось „простить" около 80 милл. руб. недоимокъ, несмотря на бюджетные дефициты. А недоимки были громадны: въ 1829 г. онѣ достигли 178 милл. руб., а въ 1834—201 милл. руб.

Неурожаи и другія бѣдствія тоже были не рѣдкостью. Въ 1832 г. пришлось даже разрѣшить безпошлинный ввозъ хлѣбовъ. Крупные „недороды" повторились въ 1834, 1839, 1841, 1844 и 1845 гг.

Чтобы выйти изъ такихъ финансовыхъ затрудненій,—говоритъ V. Wittschewsky,—не оставалось иного средства, какъ все туже и туже завинчивать податной прессъ или обременять государство внѣшними займами одинъ за другимъ.

А между тѣмъ бюджетная политика Министерства Финансовъ продолжала оставаться весьма несовершенной, даже въ отношеніи правильности и точности составленія бюджета. Отдѣлъ „чрезвычайныхъ расходовъ и доходовъ" отсутствовалъ; эти доходы и расходы, совсѣмъ не проходили черезъ бюджетъ. Напр., огромные военные расходы въ теченіе 1826—1846 гг., въ суммѣ до 650 милл. руб., были произведены помимо бюджета изъ особаго военнаго фонда, которому было предоставлено право выпускать процентныя бумаги, производить займы и т. п. „Впослѣдствіи,—говоритъ Wittschewsky, — расходы на военное вѣдомство были раздѣлены на два разряда—по мирному и по военному положенію, при чемъ для послѣдняго была установлена совершенно особая смѣта, независимо отъ бюджета, чтобы эту смѣту возможно менѣе сдѣлать доступной для любопытныхъ".

Финансовое управленіе вынуждено было стремиться къ возможно большей бережливости. На докладѣ министра финансовъ въ августѣ 1831 г. государь, сдѣлалъ отмѣтку о томъ, чтобы всѣ вѣдомства, *кромѣ военнаго*, не превышали смѣтъ предыдущаго года. Это требованіе государя было подтверждено и въ слѣдующемъ году, но все это оказывалось безрезультатнымъ уже по одному тому, что самый главный виновникъ роста расходовъ — военное вѣдомство — своихъ смѣтъ не сокращало, а, напротивъ, увеличивало.

Однако бережливость и талантливость графа Канкрина внесла все-таки въ бюджетъ того времени замѣтныя улучшенія. Хотя займы и позаимствованія продолжались и въ министерство Канкрина, даже достигли общей суммы за этотъ періодъ 321 милл. руб., но условія кредита были болѣе благопріятны, чѣмъ до Канкрина, затѣмъ до 30% новыхъ займовъ было употреблено на погашеніе старыхъ долговъ и около 41 милл. р. на содержаніе Николаевской желѣзной дороги.

Особенно важнымъ средствомъ по улучшенію финансоваго хозяйства Россіи при Канкринѣ является, однако, реформа денежнаго обращенія: отъ неразмѣннаго бумажнаго обращенія Россія перешла къ металлическому. Офиціально была установлена *серебряная* валюта, фактически же обращалось и золото, въ отношеніи къ серебру какъ $1:15^1/_2$. Ассигнаціи были замѣнены кредитными билетами, размѣнными на серебро—въ отношеніи 350 за 100 (595 милл. руб. ассигнаціями было замѣнено 170 милл. руб. серебра). Реформа денежнаго обращенія началась еще при графѣ Гурьевѣ, который употребилъ 250 милл. руб. изъ сдѣланныхъ при немъ займовъ на погашеніе ассигнацій, сумма которыхъ поэтому и понизилась до 595 милл. руб. Въ 1837—1839 гг. Министерствомъ Финансовъ, совмѣстно съ департаментами государственной экономіи и законовъ, былъ выработанъ подробный планъ реформы, которая и закончилась къ 1844 году. Реформа существенно способствовала улучшенію нашего кредита,—даже дала возможность часть внѣшнихъ займовъ произвести въ *русской валютѣ*, между тѣмъ какъ впослѣдствіи, и послѣ реформы денежнаго обращенія въ 1897 г., всѣ наши займы выпуска-

лись только въ иностранной валютѣ. И при преемникѣ гр. Канкрина графѣ Ф. П. Вронченко (1845—1852) нашъ кредитъ оставался все еще въ удовлетворительномъ состояніи. При общей суммѣ займовъ въ періодъ 1844—1852 гг. въ 347,7 милл. руб. до 20% было употреблено на погашеніе старыхъ долговъ и до 20% пошло на производительныя цѣли—на постройку желѣзныхъ дорогъ. Остальные, однако, 60% пошли почти исключительно на военныя цѣли.

При проведеніи денежной реформы въ управленіе графа Канкрина былъ допущенъ тотъ крупный недостатокъ, который, впрочемъ, едва ли могъ быть устраненъ и въ послѣдущее время и который является неустраненнымъ въ сущности и по настоящее время. Эмиссіонная операція попрежнему осталась въ тѣсной связи съ государственнымъ казначействомъ, а не была предоставлена *независимому* отъ Министерства Финансовъ эмиссіонному банку.

Поэтому всякій разъ, когда правительство чувствовало нужду въ деньгахъ, оно начинало снова и снова выпускать кредитные билеты, не сообразуясь съ результатами металлическаго фонда, служащаго для покрытія выпускаемыхъ бумажныхъ денегъ. Съ 1853 года для покрытія военныхъ расходовъ и начался усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ. Къ 1855 г. количество ихъ достигло 509 милл. руб., а къ 1857 г.—735 милл. руб., при размѣнномъ фондѣ въ 141 милл. руб. Курсъ бумажныхъ денегъ сталъ сильно падать; металлическій запасъ быстро сокращался, а въ 1858 г. пришлось прекратить размѣнъ кредитныхъ билетовъ. Бумажныя деньги фактически снова превращаются въ неразмѣнныя и оставались таковыми въ сущности до новой денежной реформы—въ 1897 году.

Дефицитъ въ 1853 г. составлялъ 52 милл. руб., а въ 1854 г.—126 милл. руб. Для покрытія почти непрерывныхъ дефицитовъ приходилось, конечно, прибѣгать къ единственному источнику—къ займамъ. Въ періодъ 1853—1861 гг. было заключено займовъ на сумму 636,9 милл. руб. да банковыхъ долговъ на 387,3 милл. руб. да увеличеніе долга отъ начисленія 15% лажа составляло 39,8 милл. руб.

Къ концу царствованія Николая I общая сумма государственныхъ долговъ достигала 1.198 милл. руб. серебр. — на 820 милл. руб. больше, чѣмъ въ годъ смерти Александра I. Платежи по государственнымъ долгамъ въ 1854 г. превышали 50 милл. руб. въ годъ.

Попытки оздоровленія русскаго бюджета, предпринятыя, какъ мы видѣли, еще непосредственно послѣ Отечественной войны 1812 г. при министрѣ финансовъ гр. Гурьевѣ, не имѣли особеннаго успѣха. Бюджетъ 1812 г. достигъ крупной суммы—почти 303 милл. руб. Главнѣйшія статьи дохода попрежнему составляли: подушная подать до ста милл. руб.; питейные сборы болѣе 65 милл.; соляной акцизъ — около 25 милл. руб. и т. д. Расходы на дворъ около 13 милл. руб.; военное вѣдомство около 170 милл. руб. и т. д. Недоимки по податямъ и другимъ сборамъ составляли болѣе 35 милл. руб.; дѣйствительныя поступленія оказывались меньше смѣтныхъ предположеній.

Финансовое положеніе государства держалось до такой степени въ тайнѣ, что, напримѣръ, смѣты на 1813 и 1814 гг. повелѣно было внести даже не въ Государственный Совѣтъ, а въ секретный комитетъ финансовъ. Въ 1814 году по расчету министра финансовъ ожидался дефицитъ свыше 200 милл. рублей. Для пополненія этого дефицита пришлось прибѣгнуть къ „чрезвычайнымъ суммамъ", главнымъ образомъ, внутренняго (около 130 милл. руб.), отчасти и внѣшняго происхожденія („субсидія отъ Англіи" 46,5 милл. руб.).

Сороковые и пятидесятые годы были особенно тяжелы для Россіи, потребовали огромнаго напряженія ея финансовыхъ силъ. Восточныя войны, польское возстаніе, венгерская компанія и приготовленія къ крымской войнѣ, цѣлый рядъ неурожаевъ и чума, наконецъ, начало постройки желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна Николаевская потребовала за 1844—1851 гг. около 94 милл. руб., все это довело финансовое напряженіе Россіи до послѣдней крайности, и Александръ II, сейчасъ послѣ прекращенія крымской войны, принялъ цѣлый рядъ мѣръ къ улучшенію именно этой стороны государственной политики. Будущій министръ финансовъ Рей-

тернъ былъ командированъ въ 1856 г. въ Пруссію и Соединенные Штаты для изученія постановки государственныхъ кассъ. Извѣстный впослѣдствіи реформаторъ въ области податной политики Татариновъ отправился для изученія бюджетныхъ системъ, отчетности и финансовой организаціи въ Западной Европѣ. Результатомъ поѣздки Татаринова явилась записка, которая легла въ основу доклада генералъ-контролера по вопросу о реформѣ нашей бюджетной системы.

Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ недостатковъ въ организаціи финансоваго управленія того времени было *отсутствіе единства кассы.* Всякое вѣдомство само получало свои доходы, само же производило и свои расходы, имѣя свою особую кассу, независимую отъ какой-либо центральной кассы. Понятно, что контроль надъ движеніемъ суммъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ и кассамъ при этомъ былъ затрудненъ; распредѣленіе государственныхъ средствъ было неравномѣрнымъ: въ однихъ вѣдомствахъ могъ ощущаться крайній недостатокъ въ средствахъ, тогда какъ въ другихъ, въ то же самое время, могъ быть излишекъ.

Эти неудобства отсутствія единства кассы, т.-е. сосредоточенія всѣхъ государственныхъ доходовъ въ центральной кассѣ Министерства Финансовъ и распредѣленіе оттуда же всѣхъ расходовъ, сознавались и у насъ давно. Въ 1852 г. Николай I, наконецъ, поручилъ преемнику графа Вронченко П. Ф. Броку (1853—1858) выработать предположенія о томъ, нельзя ли и въ Россіи вести кассовую систему Франціи, считавшуюся еще въ началѣ XIX ст. образцомъ строгой централизаціи кассъ. Но наступившая крымская кампанія задержала реформу кассъ. Окончательная разработка этой реформы, въ связи съ общей реформой финансоваго управленія, была осуществлена уже при слѣдующемъ министрѣ финансовъ А. М. Княжевичѣ (1858—1862), а осуществлена только при его преемникѣ М. Х. Рейтернѣ (1862—1878).

Въ основу реформы, какъ мы уже сказали, легъ докладъ генералъ-контролера, составленный Татариновымъ.

Была учреждена особая высшая комиссія для обсужденія этого доклада контролера, которая въ февралѣ 1861 г. за-

кончила работу по составленію правилъ о бюджетѣ. Эти правила были разсмотрѣны въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, и 22 мая 1862 года новыя правила о составленіи, разсмотрѣніи, утвержденіи и исполненіи государственной росписи были Высочайше утверждены, и послѣдовалъ именной указъ Правительствующему Сенату о приведеніи этихъ правилъ въ дѣйствіе.

Эти „правила", за незначительными измѣненіями, остаются дѣйствующими въ нашей бюджетной системѣ до настоящаго времени, регулируя и опредѣляя ея внѣшній, формальный характеръ. Но и эти, чисто формальныя „правила", имѣли въ исторіи нашего бюджета болѣе или менѣе существенное значеніе. Достаточно сказать, что до 1862 г. наши смѣты, хотя и утверждались Высочайшей властью, но не были безусловно обязательны къ исполненію, т.-е. не были въ сущности тѣмъ закономъ, какимъ долженъ быть бюджетъ. Отчеты объ исполненіи росписи не обнародовывались, а потому сколько-нибудь точныя бюджетныя данныя объ этой дореформенной эпохѣ могутъ быть почерпнуты только изъ позднѣйшихъ работъ государственнаго контроля. Заключеніе смѣтъ не было ограничено опредѣленнымъ временемъ, и вѣдомства могли производить расходы одновременно по смѣтамъ разныхъ годовъ. Въ роспись далеко не всегда входили всѣ средства и потребности различныхъ вѣдомствъ, а потому роспись не давала полной картины финансоваго хозяйства государства. Спеціализація назначеній почти отсутствовала, и смѣты составлялись небрежно, то выше, то ниже дѣйствительной потребности. Замѣна однѣхъ суммъ и назначеній другими производилась совершенно произвольно. Не всѣ капиталы и средства, находившіеся въ распоряженіи министерствъ, были даже извѣстны. Единство бюджета было далеко не законченнымъ, и только постепенно, уже послѣ „правилъ" 1862 г. эта цѣль была болѣе опредѣленно достигнута, хотя и не до конца; все же въ роспись были включены не только отдѣльные виды доходовъ и расходовъ, но и цѣлыя смѣты, раньше въ роспись не включавшіяся: съ 1875 г. включенъ въ государственную роспись земскій

сборъ, съ 1885 г.—выкупная операція; съ 1887 г.—прибыли государственнаго банка и обороты по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Съ 1876 г. включенъ въ общеимперскій бюджетъ бюджетъ Царства Польскаго, съ 1884 г.—бюджетъ гражданскаго управленія Закавказскаго края. И только бюджетъ Великаго Княжества Финляндскаго остается самостоятельнымъ, составляется, утверждается, исполняется и контролируется по дѣйствующимъ тамъ мѣстнымъ правиламъ.

Въ 1867 г. начинаютъ выходить систематическіе отчеты государственнаго контроля по исполненію государственныхъ росписей. Всѣ указанные выше внѣшніе недостатки въ бюджетной системѣ были болѣе или менѣе устранены съ введеніемъ и осуществленіемъ „правилъ" 1862 года, и нашъ бюджетъ, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней, формальной стороны, получилъ видъ законченнаго цѣлаго.

Эта внѣшняя, формальная законченность и опредѣленность нашего бюджета являлась, однако, только лучшимъ продуктомъ бюрократическаго творчества, и тамъ, гдѣ строгое соблюденіе общихъ правилъ по составленію, утвержденію и выполненію бюджета представлялось неудобнымъ съ точки зрѣнія бюрократическаго финансоваго управленія, тамъ эти правила не соблюдались: „Сверхсмѣтные кредиты, требующіе, по военнымъ и политическимъ обстоятельствамъ особой быстроты и тайны, испрашиваются непосредственными всеподданнѣйшими докладами генералъ-адмирала и министровъ военнаго, иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ. Отъ испрошенія въ законодательномъ порядкѣ изъемлются также сверхсмѣтные кредиты по Высочайшему Двору и на единовременныя выдачи разнымъ лицамъ по указаніямъ Его Величества" [1]).

Далѣе, въ систему у насъ вошло внесеніе въ роспись болѣе или менѣе крупныхъ суммъ,—въ милліонахъ рублей,—„на непредусмотрѣнные расходы"; и эти суммы расходуются тоже по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра финансовъ.

---

[1]) *Проф. Лебедевъ.* „Финансовое право". Стр. 763.

Не входятъ въ роспись и даже въ отчетъ государственнаго контроля спеціальныя средства по Св. Синоду, по Императорскому Человѣколюбивому Обществу, по учрежденіямъ Императрицы Маріи, — достигающіе десятковъ милліоновъ рублей. По военному вѣдомству имѣется отдѣльная финансовая смѣта на перевооруженіе арміи. Всѣ остатки, оказывающіеся при исполненіи смѣты военнаго вѣдомства, остаются въ полномъ распоряженіи военнаго министра, на непредвидѣнные расходы по перевооруженію. Извѣстная часть остатковъ отчисляется въ особый „резервный фондъ", размѣръ и отчетность по которому остаются малоизвѣстными.

Наконецъ, соблюдая формальную правильность росписей и не находя другихъ путей для выхода изъ затруднительнаго финансоваго положенія, обычно переживаемаго Россіей, нашъ бюрократическій бюджетъ замаскировываетъ истинное положеніе финансовъ страны необыкновеннымъ развитіемъ отдѣла „чрезвычайныхъ" доходовъ и расходовъ, которые по существу выражаютъ не что иное, какъ ростъ задолженности государства.

Поскольку формальное упорядоченіе нашего бюджета, конечно, имѣющее и само по себѣ существенное значеніе, составляетъ заслугу нашего стараго государственнаго строя и управленія, постольку измѣненіе и улучшеніе внутренняго характера и содержанія нашего бюджета должно будетъ составить нелегкую задачу нарождающагося новаго народопредставительнаго строя.

М. Х. Рейтернъ, вступилъ въ управленіе Министерствомъ Финансовъ (въ январѣ 1862 г.) при новыхъ надеждахъ, связанныхъ съ реформой всего дѣла. Объединеніе кассъ дало въ вѣдѣніе министерства, между прочимъ, около 55 милл. руб. запасныхъ капиталовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ; бюджетъ 1863 г. былъ сведенъ съ увеличеніемъ доходовъ на 42,7 милл. руб., расходовъ — на 37,8 милл. руб. Но дефициты до 1868 года все же не оставляли нашихъ росписей и при Рейтернѣ, и только съ 1868 по 1876 гг. дефициты исчезли, и бюджетъ сводился даже съ нѣкоторымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами.

Рейтернъ настойчиво проводилъ политику возможно большаго сокращенія расходовъ, но и его усилія въ этомъ отношеніи неизмѣнно наталкивались на неустранимое въ русскихъ бюджетахъ препятствіе—на Военное и Морское Министерства. Когда — еще до Рейтерна — въ 1860 году для сбалансированія бюджета нужно было сократить расходы на 12 милл. руб., и финансовый комитетъ „счелъ своимъ священнымъ долгомъ" представить объ этомъ императору, указавъ, что таковое сокращеніе можно бы было отнести на счетъ Военнаго Министерства, государь отвѣтилъ, что относительно сокращенія смѣты военнаго вѣдомства уже сдѣлано все, что можно было безъ того, чтобы не нарушить, не поколебать всей организаціи военнаго дѣла. Въ 1863 г. Рейтернъ тоже указалъ государю на необходимость сокращенія смѣты военнаго вѣдомства, но государь сдѣлалъ помѣтку въ томъ смыслѣ, что „наше положеніе, дѣйствительно, печальное... финансовый комитетъ долженъ взвѣсить, какія мѣры необходимы для устраненія такого положенія", но „уменьшеніе расходовъ военнаго вѣдомства, конечно, весьма желательно, къ сожалѣнію, однако, едва ли есть какая-либо возможность къ существенному уменьшенію этихъ расходовъ".

Неудивительно, что, несмотря на „самую строгую бережливость", и дефициты долгое время не исчезали изъ росписей при Рейтернѣ и „чрезвычайные" кредиты возрастали неизмѣнно.

Улучшеніе финансоваго положенія сказалось только во второй половинѣ управленія Рейтерна, несомнѣнно, благодаря тому общему подъему производительныхъ силъ страны, который связанъ съ „великими реформами" этого періода.

Тѣмъ чувствительнѣе было новое ухудшеніе финансоваго положенія государства, начавшееся съ 1876 года, въ связи съ русско-турецкой войной, которая уничтожила почти всѣ благопріятные результаты, достигнутые Рейтерномъ.

Эти результаты получились въ значительной степени благодаря, между прочимъ, и усиленію желѣзнодорожнаго строительства, являвшагося одной изъ заботъ Рейтерна. Выпускъ гарантированныхъ казной желѣзнодорожныхъ зай-

мовъ, производившихся частными желѣзнодорожными обществами, достигъ въ періодъ 1862—1878 гг. свыше 620 милліоновъ руб., при чемъ реализація этихъ займовъ производилась на мало выгодныхъ условіяхъ, въ виду конкуренціи частныхъ обществъ, что заставило казну перейти къ выпуску государственныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ, выручка отъ которыхъ, однако, передавалась въ распоряженіе частныхъ обществъ.

Параллельно съ желѣзнодорожными займами шла реализація *выкупныхъ* займовъ для осуществленія реформы 19 февраля 1861 года. Выкупные займы, однако, не реализовались на открытомъ рынкѣ, а просто были переданы въ видѣ разнаго типа облигацій владѣльцамъ выкупныхъ займовъ.

Всего при Рейтернѣ было выпущено займовъ на сумму до 2.934 милл. руб., изъ нихъ — до 664 милл. руб. по выкупной операціи и до 578 милл. руб. желѣзнодорожныхъ, гарантированныхъ. Значительная часть займовъ была употреблена на производительныя цѣли и, кромѣ того, до 765 милл. р. было погашено прежнихъ долговъ. Къ 1877 г., не считая гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ долговъ, государственный долгъ Россіи составлялъ до 2.950 милл. руб., противъ 1.264 милл. руб. въ 1862 г.; система кредита поглощала $26,_8$% государственныхъ доходовъ, противъ $12,_3$% въ 1862 г., но зато до 70% всего долга, включая гарантированный, имѣло уже спеціальное обезпеченіе въ выкупныхъ платежахъ крестьянъ и въ доходахъ желѣзныхъ дорогъ. Выпускъ кредитныхъ билетовъ доходилъ до 735 милліоновъ руб., при размѣнномъ фондѣ въ 180 милл. руб. (*Проф. Мигулинъ* l. c., стр. 46—47).

Но это улучшеніе финансовъ Россіи, достигнутое въ періодъ управленія М. Х. Рейтерна, было разрушено русско-турецкой войной, денежныя затраты на которую превысили 1 милліардъ рублей. Курсъ рубля, поднявшійся къ 1874 г. до 87 коп., сначала упалъ до 80 коп., потомъ — въ 1877 г.— до $67,_4$ коп., а въ 1879 г.— даже до $63,_2$ коп. Внѣшніе займы, особенно въ виду враждебнаго настроенія Англіи и Франціи, сдѣлались почти совершенно невозможными, и главнымъ

источникомъ средствъ для веденія войны поневолѣ явился выпускъ кредитныхъ билетовъ, часть которыхъ путемъ займовъ въ 1878—1879 гг. на 600 милл. руб. была погашена, а другая часть — на 417 милл. руб. — осталась въ обращеніи.

Задача возстановленія нарушеннаго равновѣсія русскаго бюджета выпала въ первую очередь на Н. Х. Бунге, который вступилъ въ управленіе Министерствомъ Финансовъ въ маѣ 1881 г. и оставилъ министерство 1 января 1887 г. Управленіе предшественниковъ Бунге С. А. Грейга (1878—1880) и А. А. Абазы (1880—1881) не имѣло въ этомъ отношеніи почти никакого замѣтнаго значенія.

Вступленіе въ министерство Н. Х. Бунге было связано съ измѣненіемъ курса общей политики государства — съ вступленіемъ на престолъ Александра III. Правда, область финансоваго управленія являлась той областью, которая всего менѣе могла быть упорядочена той политикой чисто внѣшняго „порядка", какая утвердилась тогда въ другихъ областяхъ государственнаго управленія. Финансовое положеніе страны, чувствительно подорванное русско-турецкой войной, всего болѣе требовало положительной творческой политики, отсутствіе которой, при все возраставшихъ потребностяхъ государства, грозило отсутствіемъ средствъ и для удовлетворенія этихъ потребностей. Консервативная и даже реакціонная политика въ области общаго управленія должна была поэтому мириться съ болѣе или менѣе прогрессивной политикой въ области финансоваго управленія, каковой и была политика Н. Х. Бунге.

Бунге не ограничился однимъ стремленіемъ къ внѣшнему урегулированію и упорядоченію финансоваго управленія, къ чисто-механическому согласованію расходовъ государства съ его доходами, но поставилъ своей задачей и внутреннее оздоровленіе нашей бюджетной и податной политики, главнѣйшимъ средствомъ къ которому должно было являться болѣе равномѣрное, справедливое и цѣлесообразное распредѣленіе обложенія населенія въ цѣляхъ подъема производительныхъ силъ страны.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи, конечно, должна была являться отмѣна подушной подати, несмотря на то, что она давала казнѣ въ то время около 70 милл. руб. Хотя передъ Министерствомъ Финансовъ и стояла задача чѣмъ-либо замѣнить эту подать, и, конечно, она была замѣнена фактически усиленіемъ косвенныхъ налоговъ, но неравномѣрная и чисто крѣпостническая система обложенія была уничтожена, и въ этомъ заключалось громадное не только финансовое, но и соціальное значеніе отмѣны подушной подати. Началась эта отмѣна Высочайшимъ указомъ 1882 г., распредѣлявшимъ реформу на 8 лѣтъ, а закончилась — для европейской Россіи даже немного раньше, къ 1 января 1887 г.

Другимъ важнѣйшимъ шагомъ Н. Х. Бунге было урегулированіе выкупныхъ платежей и пониженіе ихъ, мѣра, тоже облегчавшая до извѣстной степени если не общую сумму лежавшихъ на крестьянствѣ налоговъ, то хотя бы характеръ этой налоговой тяжести. Въ то же время политика Бунге была направлена и къ повышенію обложенія болѣе состоятельныхъ классовъ, о чемъ мы скажемъ подробнѣе въ главѣ о развитіи податной политики Россіи. Въ то же время, какъ мы уже сказали, сильно возрастали и косвенные налоги, вся тяжесть которыхъ, конечно, падала на тѣ же малоимущіе, трудовые классы населенія.

Такимъ образомъ въ самомъ существѣ своемъ, въ своемъ внутреннемъ содержаніи и прогрессивная политика Н. Х. Бунге имѣла своеобразный смыслъ и характеръ, связывающій ее, хотя и косвеннымъ образомъ, съ той общей государственной политикой, которая окрашивала царствованіе Александра III. Существованіе реакціонной общей политики на ряду съ прогрессивной политикой въ области финансоваго управленія находитъ себѣ объясненіе въ политической необходимости, можетъ-быть даже неизбѣжности внести хотя бы нѣкоторое, по существу даже до извѣстной степени фиктивное, облегченіе въ положеніи широкихъ массъ крестьянства, на броженіи котораго въ силу нужды и экономическаго истощенія создавались политическія теченія, направленныя противъ стараго строя. Борьба съ этими политическими

теченіями окрашивала реакціонную политику послѣ Александра II, а однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ, положительныхъ средствъ для этой борьбы, конечно, являлось успокоеніе и облегченіе крестьянства. Прогрессивная финансовая политика принимаетъ съ этой точки зрѣнія окраску своего рода государственной демагогіи, но—поскольку она вносила дѣйствительное облегченіе въ положеніе „податныхъ" классовъ — она является все же положительной, прогрессивной. Конечно, пока старый политическій строй, а вмѣстѣ съ нимъ и прежняя общая внутренняя политика государства оставались неизмѣнными, прогрессивная политика въ области финансоваго управленія тоже являлась внутренне неустойчивой и до извѣстной степени фиктивной. Основное, органическое зло народной жизни оставалось неустраненнымъ, ростъ производительныхъ силъ страны совершенно не гарантированнымъ, и рано или поздно передъ государствомъ должна была снова встать грозная и роковая задача — „успокоенія" экономически истощающихся производительныхъ, трудовыхъ классовъ населенія, особенно крестьянства. Но на время государство какъ будто достигло поставленной цѣли; крестьянство какъ будто удовлетворилось прогрессивной финансовой политикой, отмѣной подушной подати, облегченіемъ выкупныхъ платежей и привлеченіемъ къ обложенію болѣе состоятельныхъ классовъ, и для послѣдовательно реакціонной общей политики государства создалась, хотя бы тоже только на время, болѣе или менѣе благопріятная почва. Это могло продолжаться до тѣхъ поръ, пока незаконченность, непослѣдовательность и фиктивность прогрессивной финансовой политики государства не сказались и въ дѣйствительной жизни, въ ростѣ экономическаго истощенія трудового населенія, главнымъ образомъ, крестьянства, и въ сознаніи тѣхъ широкихъ массъ, которыя фактически почти исключительно выносятъ на себѣ всю тяжесть финансовой политики государства. А когда этотъ органическій дефектъ финансовой политики государства, тѣснѣйшимъ образомъ связанный съ основнымъ дефектомъ его общей политики, съ крѣпостническимъ его характеромъ, сказался и въ жизни и въ сознаніи широкихъ

массъ,—роковая задача государства снова встала передъ нимъ. И такъ какъ самое надежное положительное средство для рѣшенія этой задачи — прогрессивная финансовая политика—уже оказалось испытаннымъ и сознаннымъ населеніемъ, то разрѣшеніе задачи на этотъ разъ оказалось гораздо болѣе труднымъ: безъ устраненія органическаго дефекта государственной жизни, т.-е. безъ достаточнаго измѣненія всего стараго политическаго строя, разрѣшеніе задачи становится невозможнымъ. Единственно еще возможнымъ палліативнымъ путемъ, можетъ-быть, являлся бы развѣ путь достаточно прогрессивной политики не только въ области финансоваго управленія, но и въ области общегосударственнаго управленія, т.-е. путь дѣйствительной прогрессивной эволюціи, если этотъ путь не подстерегается уже другимъ историческимъ путемъ, прямо противоположнымъ.

Но возвратимся къ финансовой политикѣ Н. Х. Бунге. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Бунге къ росписи 1883 года онъ формулировалъ основные пункты своей программы такимъ образомъ: „Внимательное изученіе слабыхъ сторонъ нашего экономическаго положенія указываетъ намъ на то, что необходимо обезпечить ростъ обрабатывающей промышленности путемъ достаточнаго ей покровительства; стремиться къ удешевленію кредита путемъ болѣе правильной организаціи кредитныхъ учрежденій на основаніяхъ, указываемыхъ опытомъ; повысить доходы желѣзныхъ дорогъ въ интересахъ государства и народа, усиливъ контроль надъ желѣзными дорогами; урегулировать денежное обращеніе путемъ соотвѣтственныхъ постепенныхъ мѣропріятій; реорганизовать податное дѣло на основахъ болѣе строгой справедливости и въ соотвѣтствіи съ ростомъ народнаго благосостоянія, не возлагая на плательщиковъ непосильнаго бремени; установить необходимое для финансоваго хозяйства равновѣсіе между доходами и расходами государства путемъ ограниченія чрезвычайныхъ кредитовъ и строгой бережливости во всѣхъ отрасляхъ управленія“.

Но задача, поставленная Бунге, оказалась весьма трудно осуществимой. Хотя въ отдѣльные годы равновѣсіе въ бюд-

жетѣ достигалось, но и дефициты попрежнему не покидали нашихъ росписей: въ обыкновенной части бюджета дефициты достигали въ 1884 г. 23,4 милл. руб., въ 1885 г.—44,7 милліона рублей и въ 1886 г.—51,3 милл. руб. И чрезвычайные расходы тоже оставались весьма значительными,—около 100 милл. руб. ежегодно. Для покрытія такихъ дефицитовъ приходилось прибѣгать къ займамъ, которыхъ въ періодъ 1881 — 1887 гг. было заключено почти на 700 милл. руб. Государственный долгъ въ концѣ министерства Бунге (1886 г.) достигалъ 4.418.056.967 руб., вмѣсто 2.949.568.909 руб. въ 1876 г., передъ русско-турецкой войной. Платежи по государственному долгу въ 1886 г. составляли почти 300 милліоновъ рублей, что по отношенію къ общей величинѣ бюджета (785.658.090 руб.) составляло 38,14%—величина, какой не было въ русскомъ бюджетѣ ни до ни послѣ Бунге. Процентное отношеніе суммы платежей по государственному долгу къ общей суммѣ бюджета представляетъ весьма важное обстоятельство съ точки зрѣнія общей кредитоспособности государства. Неудивительно поэтому, что преемники Бунге Вышнеградскій и особенно Витте старались хотя бы искусственнымъ путемъ — путемъ увеличенія общей суммы бюджета, расширеніемъ сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и винной монополіей — понизить этотъ процентъ расходовъ на оплату государственнаго долга.

Съ внѣшней, формальной стороны финансовая политика Бунге, такимъ образомъ, не увѣнчалась успѣхомъ, что дало въ руки враговъ ея весьма сильное орудіе. Съ 1887 года Бунге вынужденъ былъ уйти на другой, хотя внѣшне и высокій постъ—предсѣдателя Комитета Министровъ, гдѣ онъ оставался до своей смерти.

Внутреннее положительное содержаніе политики Бунге, стоявшее по существу, въ противорѣчіи съ общей государственной политикой, не встрѣтило оцѣнки и признанія. Конечно, и политика преемника Бунге, въ конечныхъ своихъ результатахъ, была столь же мало успѣшной или фиктивно успѣшной, сопровождалась еще болѣе быстрымъ ростомъ задолженности государства и, что наиболѣе существенно, еще

большимъ истощеніемъ производительныхъ силъ страны. Но внѣшне нашъ бюджетъ получилъ болѣе блестящій видъ, — и старый политическій строй удовлетворился этимъ.

Между тѣмъ въ дѣйствительности положеніе финансовъ при Бунге было даже болѣе удовлетворительно, чѣмъ при его преемникахъ. Хотя дефицитъ за шесть лѣтъ (1881—1886 гг.) составилъ около 205 милл. руб., но въ тотъ же періодъ было погашено старыхъ долговъ на 254 милл. руб.; кромѣ того, государственному банку было передано 176 милліоновъ рублей, а къ 1887 г. оказалась свободная наличность въ 90 милл. руб.

Н. Х. Бунге привелъ въ порядокъ всѣ счета и далъ направленіе нашей дальнѣйшей финансовой политикѣ: выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну и упорядоченіе желѣзнодорожнаго хозяйства; учрежденіе крестьянскаго, но вслѣдъ за нимъ и дворянскаго банка, дѣятельность и значеніе котораго на первыхъ порахъ казались положительными; учрежденіе государственныхъ сберегательныхъ кассъ; возможное упорядоченіе налоговой системы и т. д.

Но въ виду внѣшняго неуспѣха финансовой политики Бунге условія кредита при немъ были мало благопріятными. А такъ какъ кредитъ оставался главнѣйшимъ источникомъ и средствомъ равновѣсія нашего бюджета, то неудивительно, что преемники Бунге обратили особенное вниманіе именно на эту сторону финансоваго управленія; неудивительно также, что ростъ „кредитныхъ операцій“, ростъ задолженности государства при преемникахъ Бунге составилъ одну изъ наиболѣе существенныхъ и характерныхъ чертъ въ бюджетной политикѣ Россіи, на ряду съ ростомъ обложенія въ податной политикѣ.

Главное вниманіе преемника Бунге И. А. Вышнеградскаго (1887—1892) было обращено на систему государственнаго кредита. Вышнеградскій произвелъ грандіозныя конверсіонныя операціи: на 1.868.052.012 руб. старыхъ займовъ было выкуплено и замѣнено новыми займами на сумму 2.145.135.062 руб., но уже не $4^1/_2$ — $5^1/_2$%, а 4%-ми. Выручка отъ новыхъ займовъ составила собственно 1.870.542.490 руб.

(т.-е. 90% номинальной суммы новаго долга). Изъ этой выручки 97% пошло на выкупъ старыхъ займовъ, а на 50 милліоновъ рублей было произведено погашенія долга государственному банку.

Въ результатѣ этихъ конверсій государственный долгъ увеличился на 11% (206 милл. руб.), но зато получилось ежегодное сбереженіе въ бюджетѣ на 21,7 милл. руб. Самое же важное послѣдствіе конверсіи — пониженіе процента по государственнымъ долгамъ, поднявшее кредитъ государства. Конечно, это положительное слѣдствіе имѣло и свою темную сторону: оно расчистило путь для нашихъ „кредитныхъ операцій“ въ широкихъ размѣрахъ.

При Вышнеградскомъ былъ выпущенъ и знаменитый „выигрышный“ заемъ (1889 г.) дворянскаго банка на номинальную сумму въ 80 милл. руб., но по курсу въ общемъ, въ 212½ руб. (вмѣсто 100 руб.), т.-е. вмѣсто 80 милл. руб. было выручено 170 милл. руб. Получился совершенно свободный излишекъ въ 56½ милл. руб., на счетъ котораго дворянскій банкъ и могъ оказывать кредитъ своимъ заемщикамъ изъ процента ниже рыночнаго. Надежды на „выигрышъ“ привлекли довѣрчивую публику, главнымъ образомъ, мелкія сбереженія; цѣны на выигрышные билеты „дворянскаго займа“, конечно, быстро повысились; сторублевые билеты банкъ продалъ болѣе чѣмъ по 200 рублей; „выигрыши“ если кому достались и достанутся, то только немногимъ „счастливцамъ“, масса же мелкихъ сбереженій пошли на облегченіе положенія дворянъ заемщиковъ дворянскаго банка.

„Съ міра по ниткѣ — голому рубашка“.

На легковѣрныхъ инстинктахъ малоимущей денежной публики, падкой на „лотереи“, правительство собрало значительный капиталъ для облегченія платежей дворянъ-заемщиковъ.

Дворянскій банкъ и по существу и по этимъ болѣе льготнымъ условіямъ кредита служилъ исключительно для поддержки дворянскаго землевладѣнія. Онъ давалъ возможность дворянамъ-землевладѣльцамъ до послѣдней крайности

воздерживаться отъ продажи своей земли, и цѣны на землю только росли, такъ какъ спросъ на нее, особенно со стороны нищавшаго крестьянства, былъ великъ, а предложеніе даже и искусственно понижалось. Спросъ со стороны крестьянъ, въ свою очередь, искусственно же повышался, благодаря „льготамъ“ крестьянскаго банка крестьянамъ, покупавшимъ при его помощи землю: эти льготы были по высокому проценту и, кромѣ того, создавали высокія цѣны на землю, но вся эта тяжесть раскладывалась на долгіе годы, и нуждающееся крестьянство шло на „льготы“. Сущность политики крестьянскаго и дворянскаго банковъ сводилась, такимъ образомъ, къ одному — къ покровительству дворянскому землевладѣнію, и эта сущность, конечно, находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ сущностью общегосударственной политики того времени.

Въ концѣ министерства Вышнеградскаго (1892) общая сумма нашего государственнаго долга составляла 4.905.410.255 руб., противъ 4.418 милл. руб. въ концѣ министерства Бунге. Но платежи по долгу составляли только 274.883.788 руб., противъ 299,7 милл. руб. въ 1886 г. По отношенію къ общей суммѣ бюджета 1892 г. (976.332.309 руб.) платежи по государственному долгу составляли 28,26%, а въ 1886 году они достигали 38,14% бюджета.

Итогъ дѣятельности Вышнеградскаго сводится, такимъ образомъ, къ нѣкоторому улучшенію положенія нашего государственнаго кредита. Но государственный долгъ и при Вышнеградскомъ возросъ все же болѣе, чѣмъ на 400 м. р., и, что еще важнѣе, обложеніе населенія было существенно повышено. Въ обыкновенномъ бюджетѣ начали появляться превышенія доходовъ надъ расходами, достигшія въ 1888 г. болѣе 50 милл. руб. Результаты росписей начали казаться „блестящими“. Но голодъ 1891 года разрушилъ эту иллюзію: истощеніе производительныхъ и платежныхъ средствъ населенія, особенно земледѣльческаго, было налицо. Аграрный кризисъ и вопросъ снова всталъ во всей своей силѣ и остротѣ. Финансовая политика даже и искусныхъ министровъ стараго строя оказывалась внутренне несостоятельной.

Внутренне несостоятельнымъ оказался, конечно, и самый „блестящій“ періодъ въ исторіи русскаго бюрократическаго бюджета,—періодъ С. Ю. Витте (30 августа 1892 г.—16 августа 1903 г.).

Въ основныхъ своихъ чертахъ бюджетная политика Витте сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ: государственная касса должна стараться удовлетворять предъявляемыя къ ней со стороны различныхъ отраслей государственнаго управленія требованія, чтобы не тормозить прогрессивное развитіе хозяйственной жизни страны; поднятіе производительныхъ силъ страны должно господствовать надъ соображеніями податного характера, такъ какъ оно поднимаетъ и платежныя силы населенія; не надо поэтому останавливаться и передъ крупными жертвами въ смыслѣ усиленія обложенія населенія; государственные доходы должны быть разсчитаны не только на удовлетвореніе текущихъ потребностей государства, но должны давать и извѣстные излишки, которые могли бы, въ случаѣ надобности, итти на удовлетвореніе чрезвычайныхъ потребностей, и, кромѣ того, еще должны оставаться свободные излишки на непредвидѣнныя надобности; если при такой бюджетной политикѣ населеніе и обременяется платежами, то не нужно забывать, что такіе свободные остатки являются какъ бы страховой преміей на непредвидѣнныя надобности народа, которыя обременяли бы и затрудняли бы населеніе въ гораздо большей степени, если бы государство не располагало запасными свободными средствами для удовлетворенія такихъ непредвидѣнныхъ надобностей.

Такова была въ основныхъ чертахъ финансовая политика Витте, и онъ „блестяще“ выполнилъ ее. Огромныя средства затрачивались на поднятіе промышленности, торговли и путей сообщенія; новые и новые налоги; многомилліонные бюджетные излишки; ростъ „свободной наличности“ государственнаго казначейства и употребленіе этой свободной наличности на чрезвычайные расходы; быстрый ростъ бюджета; введеніе винной монополіи; благопріятный торговый балансъ; удачныя конверсіи государственныхъ займовъ; реформа де-

нежнаго обращенія—введеніе золотой валюты; видимый ростъ благосостоянія городовъ, благодаря покровительству обрабатывающей промышленности, хотя бы и за счетъ промышленности добывающей, т.-е., главнымъ образомъ, за счетъ земледѣлія, за счетъ земледѣльческаго крестьянства. Все это крупными штрихами отмѣчено на страницахъ „самаго блестящаго" періода въ исторіи русскаго финансоваго управленія.

С. Ю. Витте не останавливался ни передъ какими препятствіями ни передъ какими трудностями. „Задача не легка [1]), — писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1898 году; — и центральныя учрежденія, и мѣстные, представители самоуправленія, всѣ они хотѣли бы возможно болѣе облегчить бремя податного обложенія и въ то же время требуютъ возможно болѣе широкаго удовлетворенія ихъ потребностей, непрерывно возрастающихъ; всѣ они считаютъ государственную казну какимъ-то неизсякаемымъ источникомъ, даже весьма мало принимаютъ во вниманіе степень продуктивности своихъ расходовъ, которой эти расходы могли бы оправдываться, въ надеждѣ на будущія выгоды отъ ихъ продуктивности. Конечно, эти домогательства находятъ себѣ оправданіе въ общемъ благѣ государства и въ общемъ характерѣ нашей культуры—молодой и необыкновенно быстро развивающейся. Но потребности, такимъ образомъ, почти безграничны, средства же къ ихъ удовлетворенію, напротивъ, ограничены. Отсюда вытекаетъ необходимость для государства строго согласовать размѣры отдѣльныхъ своихъ потребностей, чтобы не выходить изъ предѣловъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ".

Высочайшая отмѣтка на этомъ докладѣ рекомендовала всѣмъ вѣдомствамъ возможно болѣе строгую бережливость. Но что „бережливость" давалась съ очень большимъ трудомъ, показываетъ хотя бы слѣдующая таблица роста и исполненія нашихъ бюджетовъ въ періодъ, начиная съ Бунге и кончая Витте (въ милліонахъ рублей):

[1]) Заимствовано изъ Jahrbucher für Nationalöconomie und Statistik, 1904, April.

Годы.	Обыкновенный бюджетъ по росписи.		Чрезвычайный бюджетъ по росписи.		Результаты.		Итогъ.
	Доходы.	Расходы.	Доходы.	Расходы.	Об. бюд.	Чр. бюд.	
1882	707,3	709,1	28,0	79,3	+ 3,2	— 51,3	— 48,1
1883	701,1	723,7	70,9	80,4	— 10,5	— 9,3	— 20,2
1884	706,3	727,9	223,6	87,9	— 16,5	+136,8	+119,9
1885	764,5	806,6	71,6	106,5	— 39,0	— 34,8	— 73,8
1886	770,5	832,4	177,5	112,6	— 59,6	+ 66,0	+ 6,4
1887	829,7	835,8	144,5	95,1	— 9,5	+ 49,7	+ 46,2
1888	898,5	840,4	55,3	86,8	+ 60,4	— 26,3	+ 34,1
1889	927,0	857,9	62,9	105,6	+ 86,5	— 38,7	+ 47,8
1890	943,7	877,8	103,7	188,7	+ 73,0	— 73,1	— 0,1
1891	891,6	875,3	37,2	240,3	+ 20,4	—201,4	—181,0
1892	970,2	910,7	198,7	214,8	+ 65,6	— 10,8	+ 54,8
1893	1045,7	947,0	174,4	113,6	+107,9	+ 71,3	+179,2
1894	1153,8	991,2	78,9	163,9	+172,1	— 79,9	+ 92,2
1895	1255,8	1137,8	162,3	383,0	+138,3	—215,6	— 77,3
1896	1368,7	1229,0	43,5	255,3	+198,9	—209,0	— 10,1
1897	1416,7	1299,6	42,6	194,9	+129,7	—151,8	— 22,1
1898	1584,8	1358,3	87,8	413,9	+237,9	—320,3	— 82,4
1899	1673,3	1463,6	183,8	321,5	+217,7	—133,6	+ 84,1
1900	1704,1	1555,4	32,6	333,8	+208,7	—297,2	— 88,5
1901	1799,5	1664,9	163,9	209,4	+169,9	— 25,0	+144,9
1902	1905,4	1802,1	202,1	365,0	+123,0	—152,1	— 29,1
1903	1897,0	1880,4	2,5	191,2	+ 16,6	—188,7	—172,1
1904	1980,0	1966,5	2,7	212,2	+ 13,6	—209,5	—195,8

Эти цифры показываютъ, что „блестящія“ данныя по обыкновенному нашему бюджету ежегодно омрачались далеко не блестящими данными по чрезвычайному бюджету, сопровождались при этомъ непрерывнымъ ростомъ послѣдняго, что уже само по себѣ указывало на ненормальность нашего бюджета, на искусственность даже его внѣшняго „блеска“. Призрачность этого внѣшняго блеска сказывается, однако, даже и при явной искусственности бюджета: ростъ истинныхъ дефицитовъ въ концѣ „блестящаго“ періода нашей финансовой исторіи принимаетъ угрожающіе размѣры, грозящіе, особенно при такихъ условіяхъ, какъ неблагопріятная война, почти финансовымъ банкротствомъ.

Еще серьезнѣе и печальнѣе внутренній характеръ „блестящихъ“ росписей русскаго бюджета. Если предшественникъ Вышнеградскаго и Витте Н. Х. Бунге основной цѣлью своей бюджетной политики старался ставить соотвѣтствіе бюджета платежнымъ силамъ населенія и подъемъ экономическаго благосостоянія этого населенія, то преемники его поставили цѣль совершенно обратную: прежде всего внѣшній блескъ бюджета. Простѣйшимъ, чисто внѣшнимъ средствомъ для достиженія этой цѣли являлись, конечно, государственные займы, къ которымъ русскій бюджетъ всегда, не только въ „блестящій“ періодъ, прибѣгалъ если не охотно, то въ силу неизбѣжной необходимости,—благо охотники давать деньги до самаго послѣдняго времени всегда находились. Жить не по средствамъ, на чужія деньги являлось какъ бы общимъ правиломъ для старой крѣпостной Россіи, и ея государственный бюджетъ не уклонялся отъ этого правила. Но помимо „легкаго“ добыванія средствъ на поддержаніе огромныхъ государственныхъ потребностей и претензій,—легкаго съ виду, но обременявшаго страну все большими и большими расходами на платежи по долгамъ,—представители „блестящаго“ періода въ исторіи нашего бюджета, конечно, должны были обращаться и къ средствамъ болѣе тяжелымъ, къ средствамъ внутренняго характера. Бюджетные „остатки“ при Вышнеградскомъ и Витте, помимо займовъ, объяснялись еще и крайнимъ напряженіемъ платежныхъ силъ массы

населенія; финансовая „политика“ этихъ министровъ сводилась, главнымъ образомъ, къ все возраставшему повышенію налоговъ, притомъ не столько прямыхъ, сколько косвенныхъ, лежащихъ на предметахъ массоваго потребленія, т.-е. на бѣднѣйшихъ массахъ населенія.

Не только повышались существовавшіе уже налоги, но и вводились новые, или предпринимались такія грандіозныя операціи, какъ введеніе винной монополіи, „успѣхъ“ которой, не мало рекламировавшійся министерствомъ, объяснялся тоже весьма просто: цѣна на „казенную“ водку все повышалась, то-есть повышался одинъ изъ важнѣйшихъ косвенныхъ налоговъ въ нашемъ бюджетѣ.

Нельзя не обратить вниманія еще на одну внѣшнюю черту нашего бюджета въ наиболѣе „блестящій“ періодъ, при Витте,—это небывалый ростъ бюджета: за десять лѣтъ этого періода нашъ бюджетъ удвоился! Вмѣсто одного милліарда онъ сталъ равняться двумъ милліардамъ! Этотъ импонирующій ростъ бюджета имѣетъ еще и то „политическое“ значеніе въ области финансоваго управленія, что процентное отношеніе нѣкоторыхъ существенныхъ частей бюджета, напр., платежей по государственнымъ долгамъ, расходовъ на военное дѣло и т. п., значительно *понижается* по сравненію со всѣмъ бюджетомъ: если, напр., эти двѣ крупнѣйшія *отрицательныя* статьи бюджета раньше составляли, скажемъ, 60 проц. всего бюджета, то при увеличеніи бюджета вдвое онѣ уже будутъ составлять только 30 проц. бюджета, т.-е. съ виду это отношеніе будетъ болѣе благопріятнымъ. На самомъ дѣлѣ такое быстрое увеличеніе нашего бюджета носитъ тоже фиктивный характеръ: это увеличеніе объясняется введеніемъ въ бюджетъ огромныхъ доходовъ—и не менѣе огромныхъ же расходовъ—по винной монополіи и по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, протяженіе которыхъ путемъ выкупа и постройки при Витте сдѣлалось весьма значительнымъ. Новымъ доходамъ соотвѣтствовали такіе же новые расходы, и дѣйствительнаго роста бюджета, соотвѣтствующаго росту государственныхъ потребностей, этотъ внѣшній ростъ могъ совсѣмъ даже и не доказывать! А между тѣмъ

отъ этого внѣшняго роста бюджета блескъ „блестящаго“ періода только усиливался!

Мы остановились на *ростѣ* нашего бюджета, чтобы показать, что даже и съ точки зрѣнія внѣшней оцѣнки бюджета этотъ ростъ представлялъ явленіе далеко не нормальное, явно искусственное и сопряженное съ обремененіемъ будущихъ поколѣній платежнаго населенія огромными платежами по государственнымъ долгамъ. Не менѣе ненормальнымъ былъ и внутренній характеръ русскаго бюджета, обнаруживающійся, главнымъ образомъ, по его расходной части, т. е. по назначенію государственныхъ расходовъ, по ихъ положительному или отрицательному значенію для производительныхъ классовъ населенія, а также по той *податной политикѣ*, которая тѣсно связана съ внутреннимъ характеромъ бюджета.

Однако съ внѣшней стороны въ бюджетной политикѣ при Витте не только господствовалъ „блескъ“, но и были введены извѣстныя формальныя улучшенія, имѣвшія значеніе въ смыслѣ упорядоченія бюджета. Къ числу важнѣйшихъ внѣшнихъ, формальныхъ мѣръ къ улучшенію бюджета слѣдуетъ отнести въ особенности болѣе точную классификацію доходовъ и расходовъ, введенную, правда, еще 14 іюня 1891 года, и болѣе строгое раздѣленіе обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ, установленное правилами (мнѣніями Государственнаго Совѣта) 1894, 1897 и 1900 гг. На основаніи этихъ узаконеній *къ чрезвычайнымъ доходамъ* принадлежатъ: вклады въ государственный банкъ на вѣчное время; значительныя единовременныя поступленія отъ спеціальныхъ капиталовъ, или отъ продажи крупной государственной собственности; суммы, возвращаемыя частными желѣзнодорожными обществами изъ облигаціонныхъ ихъ средствъ въ погашеніе выданныхъ изъ государственнаго казначейства ссудъ; наконецъ поступленія отъ займовъ и другихъ кредитныхъ операцій. *Къ чрезвычайнымъ расходамъ* относятся: расходы по сооруженію новыхъ желѣзныхъ дорогъ; расходы на изготовленіе и пріобрѣтеніе подвижного состава и желѣзнодорожныхъ принадлежностей для частныхъ желѣзныхъ дорогъ, за счетъ ихъ облигаціонныхъ капиталовъ, и

для тѣхъ казенныхъ дорогъ, которыя еще находятся въ постройкѣ; издержки, вызываемыя войною и военными экспедиціями; расходы на борьбу съ народными бѣдствіями—неурожаями, эпидеміями и т. п.; расходы по досрочной уплатѣ капитала по государственнымъ займамъ внѣ текущаго, условіями займа опредѣленнаго, погашенія ихъ; расходы по уплатѣ капитализированной стоимости пріобрѣтаемой въ казну отъ частныхъ лицъ или учрежденій крупной собственности или другихъ источниковъ дохода (напр., права пропинаціи).

Такое, болѣе точное опредѣленіе составныхъ элементовъ чрезвычайныхъ доходовъ, а еще, конечно, важнѣе—чрезвычайныхъ расходовъ устранило до извѣстной степени ту путаницу и тотъ произволъ, который господствовалъ въ нашихъ росписяхъ до тѣхъ поръ и который позволялъ скрывать дефициты по обыкновенному бюджету путемъ произвольнаго перенесенія отдѣльныхъ обыкновенныхъ расходовъ въ чрезвычайный бюджетъ. Особенно важно это болѣе строгое раздѣленіе для упорядоченія расходовъ на военныя надобности: раньше, напр., и расходы на перевооруженіе арміи и флота относились иногда къ отдѣлу чрезвычайнаго бюджета; теперь они должны относиться къ обыкновеннымъ расходамъ.

Конечно, можетъ представляться спорнымъ, насколько правильнымъ и цѣлесообразнымъ является отнесеніе отдѣльныхъ статей доходовъ и расходовъ въ группу обыкновенныхъ или чрезвычайныхъ, напр., отнесеніе контрибуціи съ Турціи и съ Китая въ группу „обыкновенныхъ“ доходовъ и расходовъ по постройкѣ и оборудованію желѣзныхъ дорогъ—къ „чрезвычайнымъ“ расходамъ. Но во всякомъ случаѣ большая опредѣленность группировки является мѣрой положительной. Въ общемъ въ политикѣ Витте преобладаю стремленіе сузить объемъ чрезвычайныхъ расходовъ, отнести болѣе или менѣе значительную часть ихъ на обыкновенный бюджетъ съ тѣмъ, чтобы покрывать ихъ на счетъ болѣе усиленнаго обложенія населенія, а не на счетъ роста государственной задолженности; этотъ ростъ подрывалъ бы кре-

дитъ государства, а это противорѣчило общему духу политики „блестящаго“ періода!

Понятно, что такіе мотивы, несмотря на всю ихъ тонкость, оказались и должны были оказаться неустойчивыми. Въ общемъ политика „блестящаго“ періода являлась не столько блестящей, сколько истощающей, и неудержимый ростъ чрезвычайнаго бюджета и фактическихъ дефицитовъ былъ совершенно логическимъ и неизбѣжнымъ ея слѣдствіемъ. Цифры, приведенныя выше въ таблицѣ роста и исполненія нашихъ бюджетовъ за 1882—1904 гг., достаточно наглядно убѣждаютъ насъ въ этомъ.

На практикѣ оказалось, что стремленіе ограничить отдѣлъ чрезвычайныхъ расходовъ свелось только къ благимъ пожеланіямъ: этотъ отдѣлъ не только оказался чрезвычайно крупнымъ по своимъ размѣрамъ, согласно росписямъ, но и выполнялся съ значительными позаимствованіями изъ отдѣла обыкновенныхъ доходовъ! За время съ 1892 по 1902 г. чрезвычайный бюджетъ далъ дефицитъ въ 1372 милл. руб.; напротивъ, обыкновенный бюджетъ далъ „излишковъ“ 1646,7 милл. руб. Вотъ на счетъ этихъ-то „излишковъ“ обыкновеннаго бюджета и былъ пополненъ огромный дефицитъ бюджета чрезвычайнаго. Фактическій размѣръ чрезвычайнаго бюджета оказался, такимъ образомъ, за десять лѣтъ управленія Витте на 1372 милл. руб. больше, чѣмъ значилось въ росписяхъ. Тонкія соображенія на практикѣ оказались неосуществимыми.

Источникомъ, изъ котораго нашъ чрезвычайный кредитъ черпалъ свои силы, являлись, конечно, главнымъ образомъ, займы. Кредитныя операціи при Витте достигли особенно крупныхъ размѣровъ, хотя не всѣ онѣ пошли на удовлетвореніе чрезвычайныхъ расходовъ, не всѣ легли долговымъ бременемъ на государство. Общая сумма кредитныхъ операцій при Витте достигла 4601 милл. руб., но изъ нихъ 2828 милл. руб. пошло на конверсіи, выкупъ, срочное погашеніе и обмѣнъ старыхъ займовъ; 879 милл. руб. представляли долги выкупленныхъ въ казну желѣзныхъ дорогъ, и только 895 милл. руб. составляли собственно самостоятель-

ные займы. Въ общемъ государственный долгъ въ концѣ министерства Витте (1903 г.) составлялъ 6.679.144.571 руб., противъ 4.905.410.255 руб. въ концѣ министерства Вышнеградскаго (1892 г). Платежи по займамъ составляли 308.433.631 руб. противъ 274.883.788 руб. въ 1892 г. По отношенію къ бюджету платежи равнялись 16,18% противъ 28,26% въ 1892 г. (въ виду быстраго, но фиктивнаго роста бюджета).

Но если мы даже оставимъ отдѣлъ чрезвычайныхъ расходовъ и обратимся только къ обыкновенному бюджету, то мы увидимъ въ немъ тотъ же быстрый ростъ и абсолютный и относительный, т.-е. считая на душу населенія, увидимъ, слѣдовательно, что бюджетъ возрасталъ сильнѣе, чѣмъ возрастало населеніе. Если бы мы имѣли данныя и о возрастаніи благосостоянія населенія, народнаго богатства, то эти данныя, несомнѣнно, и еще болѣе рѣзко подтвердили бы намъ несоотвѣтствіе роста бюджета съ ростомъ платежныхъ силъ населенія.

Вотъ данныя о ростѣ бюджета и населенія въ періоды 1892—1901 гг.

Годы.	Обыкновенные доходы.			Ростъ въ %%.		Всего доходовъ на душу (руб.)
	Всего.	Казен. ж. дор. и вин. моноп.	Безъ каз. дор. и моноп.	Доходовъ.	Населен.	
	Милліоны рублей.					
1892	964,7	74,4	890,3	—	—	8,2
1893	1031,5	85,1	946,3	6,29	1,3	8,7
1894	1145,3	116,0	1029,4	15,62	2,8	9,5
1895	1244,4	205,5	1038,8	16,69	4,2	10,1
1896	1368,7	321,0	1047,7	17,68	5,8	10,9
1897	1416,4	330,3	1086,1	21,99	7,3	11,2
1898	1584,8	450,4	1134,5	27,44	8,8	11,6
1899	1673,3	458,3	1215,0	36,48	10,4	12,9
1900	1704,1	479,6	1224,5	37,55	11,8	12,9
1901	1799,5	542,0	1257,4	41,24	13,3	13,5

Общее увеличеніе доходовъ за 1892—1901 гг. составляетъ, такимъ образомъ, 834,8 милл. руб. На счетъ какихъ источниковъ составилось это увеличеніе? Понятно, главнымъ образомъ, на счетъ косвенныхъ налоговъ. А именно: 1) *прямые налоги* дали увеличеніе на 39,6 милл. руб., т.-е. на 43,32%; 2) *косвенные*—на 219,7 милл. руб., 47,07%, изъ нихъ спиртные напитки—43,8 милл. руб., табакъ—16,2 милл. руб., сахаръ—44,1 милл. руб., керосинъ—15,7 милл. руб., спички—2,8 милл. руб., таможенный доходъ—97,1 милл. руб.; 3) *пошлины* — 28,1 милл. руб., т.-е. 42,25%; 4) *регаліи*—186,0 милл. руб., т.-е. 497,70%; конечно, это увеличеніе объясняется введеніемъ винной монополіи, на долю которой падаетъ увеличеніе на 152,5 милл. руб.; почта и телеграфъ дали увеличеніе на 18,6 милл. руб.; 5) *государственныя имущества* — на 37,9 милл. руб. (202%); 6) *казенныя желѣзныя дороги*—на 304,2 милл. руб. (408,88%); 7) *выкупные платежи* — на 12,9 милл. руб., т.-е. только на 16,71%.

Что касается расходной части обыкновеннаго бюджета, т.-е. удовлетворенія отдѣльныхъ главнѣйшихъ потребностей государства, то болѣе правильное представленіе объ этомъ мы получимъ тогда, если сгруппируемъ однородные расходы отдѣльныхъ вѣдомствъ на ту или другую потребность, а не будемъ разсматривать только бюджетъ отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Производя такую группировку, мы получаемъ слѣдующія данныя (милл. руб.):

	1892 г.	1901 г.
Религіозныя потребности	11,8	16,8
Войско	232,0	317,6
Флотъ	47,0	86,6
Промышленность и торговля	0,8	4,5
Госуд. имущ. и сельское хозяйство	10,6	15,1
Народное образованіе	34,7	65,1
Пути сообщенія	17,0	32,1

(Въ частности по отношенію къ расходамъ на народное образованіе необходимо отмѣтить слѣдующія данныя: въ

1900. г. въ Россіи числилось всѣхъ вообще народныхъ школъ 84.500; содержаніе ихъ стоило 50 милл. р. въ годъ; изъ этой суммы на долю казны падало только 20,7%; на долю земства — 23%; на долю городовъ и сельскихъ обществъ — 30,7%; остальное — на плату за право ученія и на случайные источники.)

Но разсмотрѣніе одной только „обыкновенной" части русскаго бюджета еще не даетъ о немъ даже приблизительно вѣрнаго представленія. Начиная съ 1888 года нашъ обыкновенный бюджетъ носитъ даже поразительно „блестящій" характеръ, какъ показываетъ вышеприведенная таблица (стр. 133) роста и исполненія нашихъ бюджетовъ: ежегодные огромные „излишки" обыкновенныхъ доходовъ, превышенія ихъ надъ обыкновенными расходами производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто финансовое и экономическое положеніе страны находится въ самомъ блестящемъ положеніи.

Но обратитесь къ чрезвычайному бюджету, и вы увидите, что за 1882—1891 гг. онъ далъ въ общемъ дефицитъ въ 182,4 милл. руб., а за 1892—1901 гг.— огромный дефицитъ въ 1371,9 милл. руб. При этомъ, по большей части, чѣмъ болѣе блестящую картину даетъ годъ въ обыкновенномъ бюджетѣ, тѣмъ больше и дефицитъ въ чрезвычайномъ: напр., въ 1898 г. обыкновенный бюджетъ далъ +237,9 милл. руб., а чрезвычайный—320,3 милл. руб.

Главная статья чрезвычайныхъ „доходовъ", конечно, займы: изъ 1.144,6 милл. руб. чрезвычайныхъ доходовъ за 1892—1901 гг. болѣе 90% составляютъ займы.

Напротивъ, изъ чрезвычайныхъ расходовъ за тотъ же періодъ, въ общей суммѣ 2.585,6 милл. руб., только 33% было употреблено на погашеніе долговъ. Именно, главнѣйшія статьи чрезвычайныхъ расходовъ за 1892—1901 гг. таковы:

На погашеніе долговъ.	809,4	милл. руб.
„ желѣзныя дороги	1230,8	„ „
„ сооруженіе портовъ.	25,5	„ „
„ военныя потребности	300,8	„ „
„ борьбу съ голодомъ.	224,3	„ „

Въ частности, чрезвычайные расходы на желѣзныя дороги въ періодъ 1892—1901 гг. составляются изъ слѣдующихъ суммъ:

Сибирская жел.-дор. постройка	326,8	милл.	руб.
Другія жел.-дор. постройки	254,4	„	„
Оборудованіе жел. дорогъ	240,2	„	„
Улучшеніе подвижного состава. . . .	97,0	„	„
Ссуды желѣзнодорожнымъ обществ. .	253,3	„	„
(Изъ нихъ *Восточно-Китайской 253,1 м. р.*)			
Приплаты по выкупу жел. дорогъ . .	56,3	„	„
Разные расходы.	2,9	„	„
Итого. . .	1230,8	милл.	руб.

Кромѣ того, начиная съ 1895 г. нѣкоторые желѣзнодорожные расходы были отнесены вмѣсто чрезвычайнаго бюджета въ обыкновенный, главнымъ образомъ, на оборудованіе и на повышеніе провозоспособности,—всего 274,2 милл. руб.

Если мы обратимъ вниманіе на абсолютную величину чрезвычайнаго бюджета и сравнимъ эту величину съ величиной всего бюджета, то увидимъ, что съ 1892—1903 гг. чрезвычайный бюджетъ ежегодно достигалъ около 10% всего бюджета, но въ отдѣльные годы поднимался даже до 25,2%, т.-е. болѣе четверти бюджета падало на его чрезвычайный отдѣлъ.

Таково было внутреннее содержаніе бюджетной политики въ самый „блестящій“ періодъ нашего финансоваго управленія.

Самой характерной и самой роковой чертой въ исторіи русскихъ финансовъ вообще, а въ послѣднія два десятилѣтія въ особенности, является ростъ задолженности государства.

Приведемъ (по проф. Мигулину) таблицу роста этой задолженности, начиная съ того момента, когда Россія впервые прибѣгла къ кредиту, т.-е. съ 1769 года. Эта таблица такова:

Эпохи.	Сумма долга въ руб. нын. валютой.	Оплата его интереса.	Въ %	Расходъ по системѣ кредита.	Государств. доходы эпохи.	% платежей по кредиту къ государ. доходу.
Въ концѣ царств. Екатерины II	35.401.956	1.677.473	4.74	1.963.956	68.597.459	2.86
Въ концѣ царств. Павла I.	53.527.956	2.676.398	5.00	3.130.790	77.000.000	4.01
Въ концѣ министерства Гурьева (1823) . . .	213.622.715	11.749.331	5.50	18.363.307	125.775.367	4.01
Въ концѣ министерства Канкрина (1843) . . .	462.269.415	23.303.251	5.04	27.045.435	188.332.021	14.76
Въ концѣ министерства Вронченко (1852) . .	732.244.854	36.237.037	4.95	46.265.823	224.911.120	15.80
Въ 1861 г.	1.264.349.346	56.118.063	4.44	68.170.605	429.188.243	15.80
Въ 1876 г.	2.949.568.909	141.111.307	4.78	164.966.992	613.765.307	26.88
Въ концѣ министерства Бунге (1886)	4.418.056.967	214.359.500	4.85	299.756.037	785.658.090	38.14
Въ концѣ министерства Вышнеградскаго (1892)	4.905.410.255	214.603.888	4.37	274.883.788	976.332.307	28.26
Въ концѣ министерства Витте (1903)	6.679.144.571	265.980.687	3.98	308.433.631	2.031.800.814	16.18
Въ концѣ 1906 г.	8.579.193.288	359.701.143	4.19	390.314.258	2.027.858.779	19.25

Въ эти цифры, кромѣ того, не входятъ долги по желѣзнодорожнымъ займамъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, гарантированные правительствомъ. Къ концу 1903 г. такихъ неногашенныхъ долговъ оставалось 1.141.786.585 руб., такъ что общій размѣръ государственнаго долга въ концѣ министерства Витте составлялъ 7.820.930.956 руб.

По сравненію съ другими государствами (за 1905 г. бремя нашего долга представляется въ такомъ видѣ:

	Сумма долга.	Расходъ по системѣ кредита.	Сумма государ. доходовъ.	%-е отношеніе расхода по долгу къ госуд. доход.
Франція . .	11.310 м. р.	359 милл. р.	1.358 м. р.	30,96
Россія. . .	8.594 „ „	390 „ „	2.028 „ „	19,34
Англія. . .	7.554 „ „	255 „ „	1.356 „ „	18,81
Австро-Венг.	5.498 „ „	243 „ „	1.118 „ „	21,71
Италія. . .	4.676 „ „	215 „ „	712 „ „	30,19
Пруссія . .	3.344 „ „	136 „ „	1.288 „ „	10,78
Японія. . .	2.230 „ „	112 „ „	375 „ „	30,00
С. Штаты .	1.734 „ „	47 „ „	1.355 „ „	3,47
Германія. .	1.691 „ „	53 „ „	1.025 „ „	5,17

Наиболѣе характерной и общей всѣмъ государствамъ внѣшней чертой въ развитіи ихъ бюджетовъ является непрерывный ихъ ростъ, обычно превышающій приростъ населенія въ соотвѣтствующіе періоды времени. Особенно рѣзко проявляется эта черта въ послѣднія десятилѣтія, несомнѣнно, въ связи съ развитіемъ милитаризма. Слѣдующія общія, правда, нѣсколько схематичныя, сравнительныя данныя ясно обнаруживаютъ указанную характерную черту въ развитіи бюджетовъ главнѣйшихъ государствъ [1]). Доходы этихъ государствъ возрастали слѣдующимъ образомъ (въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ):

---

[1]) Эта и слѣдующая таблица взяты изъ „Основныхъ началъ финансовой науки“ И. Янжула.

	1750 г.	1830 г.	1860 г.	1881 г.	1889 г.	Увеличеніе.
Франція. . . .	14	41	83	121	121	въ 8,5 раза
Великобританія.	9	55	73	83	88	„ 9,8 „
Австрія	4	18	45	75	74,8	„18,6 „
Германія. . . .	1,6	16	32	90	88,8	„ 55 „
Россія.	7	23	56	80	154,7	„ 22 „

Если въ этой таблицѣ исключить Германію, огромный ростъ бюджета которой, по сравненію съ 1750 г., представляетъ величину, мало сравнимую съ остальными государствами, такъ какъ образованіе Германской „имперіи“ вмѣсто отдѣльныхъ германскихъ государствъ 1871 г. внесло значительныя измѣненія и въ характеръ германскаго бюджета, то окажется, что внѣшній *ростъ бюджета особенно сильнымъ является въ Россіи*. Эта картина сдѣлалась бы еще болѣе яркой, если бы мы сравнили бюджеты, напр., послѣдняго—1906 года, въ которомъ такъ сильно и неблагопріятно отразились финансовыя затрудненія, крайнее напряженіе нашего бюджета, благодаря русско-японской войнѣ.

Что ростъ бюджетовъ обусловливался въ значительнѣйшей степени именно милитаризмомъ, вліявшимъ, главнымъ образомъ, и на ростъ задолженности государствъ,—показываютъ слѣдующія характерныя данныя (въ процентахъ), относящіяся къ 1887 году:

Расходы.

	Россія.	Англія.	Франція.	Италія.	Австрія.	Пруссія
На Военное и Морское Министерства . . .	25,44	19,27	17,5	15,78	12,31	12,76.
На уплату долговъ . .	29,54	16,94	23,74	26,62	18,0	11,0
На народное просвѣщеніе	3,8	5,95	6,63	4,72	5,96	10,14

Въ Австріи и Пруссіи цифра расходовъ на военное дѣло и на государственные долги сравнительно меньше потому, что не приняты во вниманіе Венгрія и имперскій бюджетъ въ Германіи.

И здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ Россія, въ которой уже издавна большая половина бюджета поглощалась расходами на военное дѣло и на уплату государственныхъ долговъ, происхожденіе которыхъ особенно въ Россіи самымъ тѣснымъ образомъ связано съ войнами, и только въ самое послѣднее время — съ постройкой желѣзнодорожныхъ линій, далеко не всегда выгодныхъ и весьма часто имѣющихъ больше стратегическое, чѣмъ экономическое значеніе.

Что ростъ бюджетовъ далеко обошелъ приростъ населенія, это показываютъ, напр., такія данныя: въ Россіи къ концу царствованія Петра Великаго, и то благодаря лишь необыкновенно суровымъ мѣрамъ взысканія налоговъ и податей, государственные доходы едва достигали 10 милл. руб. при 14 милл. населенія; въ 1902 г. государственные доходы Россіи достигли 1,947 милл. руб. при 130 милл. населенія, т.-е. населеніе не возросло и въ 10 разъ, а бюджетъ возросъ почти въ двѣсти разъ. Въ Англіи, по сравненію съ 1685 г., населеніе возросло въ восемь разъ, а бюджетъ болѣе чѣмъ въ восемьдесятъ разъ и т. д.

Но всѣ эти данныя представляютъ, повторяемъ, только *внѣшнюю* характерную черту въ историческомъ развитіи бюджетовъ европейскихъ культурныхъ государствъ. Для пониманія же истинныхъ свойствъ и истиннаго характера развитія бюджетовъ необходимо внимательное изученіе *внутреннихъ* ихъ чертъ и свойствъ. Внѣшній ростъ бюджета самъ по себѣ еще ровно ничего не показываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ростъ бюджета будетъ итти по меньшей мѣрѣ параллельно съ ростомъ богатства страны, съ поднятіемъ экономическаго и культурнаго уровня массы трудовыхъ, производительныхъ классовъ и слоевъ населенія; если государственные доходы будутъ тратиться на тѣ же расходы, которые будутъ поднимать ростъ производительныхъ силъ страны, будутъ, такъ сказать, превращаться въ общенаціональный капиталъ, обѣщающій въ будущемъ достаточные проценты для трудовыхъ массъ страны; если, словомъ, ростъ бюджета не будетъ связанъ съ истощеніемъ производительныхъ силъ страны, а, напротивъ, будетъ способствовать ихъ

росту и подъему, то въ такомъ увеличеніи бюджета ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть ничего ненормальнаго, нежелательнаго. Напротивъ, нормальный ростъ государственныхъ потребностей и культурныхъ потребностей населенія неизбѣжно связанъ съ ростомъ бюджета. Это одинаковымъ образомъ относится какъ къ оборотной, такъ сказать, части бюджета, къ текущимъ расходамъ, такъ и къ основной части, куда мы можемъ отнести государственные долги. Займы на дѣйствительно производительные государственные расходы являются экономически выгодными для государства, способствующими только росту производительныхъ силъ страны. Поэтому, напр., сравнивать цифры государственной задолженности такихъ странъ, какъ Англія и даже Франція, съ задолженностью такой страны, какъ Россія, сравнивать эти цифры только по абсолютной величинѣ, — совершенно невозможно, безцѣльно. Хотя по абсолютной величинѣ задолженность этихъ государствъ въ настоящее время почти одинакова, по Леруа-Болье, государственный долгъ Англіи достигаетъ 20 милліардовъ франковъ, долгъ Россіи—20 съ половиной милліардовъ, а долгъ Франціи—30 милліардовъ франковъ, но это сходство задолженности по абсолютной величинѣ рѣшительно еще не говоритъ о сходствѣ по внутреннему характеру и значенію этой задолженности.

Значеніе этой задолженности только въ томъ случаѣ было бы одинаково, если бы намъ удалось доказать, что во всѣхъ этихъ трехъ государствахъ задолженность образовалась отъ одной и той же причины, напр., отъ чрезвычайныхъ расходовъ на войны, или что займы пошли на однѣ и тѣ же цѣли, на одни и тѣ же производительные или непроизводительные расходы. Внутренній характеръ этой задолженности, легкость или тяжесть ея для производительныхъ массъ населенія государства тоже могли бы считаться одинаковыми только въ томъ случаѣ, если бы состояніе народнаго богатства, состояніе производительныхъ силъ сравниваемыхъ государствъ могло быть признано одинаковымъ.

Въ дѣйствительности этого, конечно, нѣтъ, чѣмъ и объясняется, напр., то обстоятельство, что государственный

кредитъ Англіи и Франціи находится въ прекрасномъ состояніи, между тѣмъ, какъ кредитъ Россіи переживаетъ довольно критическія минуты. Правда, и внѣшній характеръ государственнаго кредита этихъ трехъ странъ существенно различенъ: между тѣмъ, какъ государственные займы Англіи и Франціи размѣщены, главнымъ образомъ, внутри страны, займы Россіи по меньшей мѣрѣ на $^2/_3$ внѣшніе, что говоритъ какъ о бѣдности Россіи свободными капиталами, о слабости ея народнаго богатства, такъ и о данническихъ ея отношеніяхъ къ другимъ, болѣе богатымъ государствамъ: платежи по государственнымъ займамъ Россіи, достигающіе теперь почти 400 милл. руб. въ годъ, уплываютъ, главнымъ образомъ, за границу, а не остаются въ пользованіи русскаго населенія, не идутъ на увеличеніе русскаго народнаго богатства.

Такимъ образомъ одно внѣшнее изученіе и сравненіе бюджетовъ еще ничего не говоритъ объ ихъ дѣйствительныхъ, внутреннихъ свойствахъ, объ ихъ дѣйствительномъ значеніи въ экономической жизни страны. „Если бы финансовое положеніе государства, — говоритъ V. Wittschewsky въ Jahrb. f. Nationalökonomie und Statistik,— оцѣнивать по размѣрамъ его бюджета, какъ это весьма часто и дѣлается, то Россія могла бы побить міровой рекордъ какъ по абсолютнымъ размѣрамъ своего бюджета, такъ даже и по размѣрамъ бюджетныхъ ежегодныхъ остатковъ, наблюдаемыхъ въ послѣднія 15—20 лѣтъ“. Такъ, начиная съ Вышнеградскаго (1888 годъ), бюджетные „остатки“ у насъ составляли милліоновъ рублей:

Годы.	Милл. руб.	Годы.	Милл. руб.
1888	60,4	1896	199,0
1889	86,5	1897	129,7
1890	73,0	1898	237,9
1891	20,4	1899	217,7
1892	65,7	1900	208,7
1893	107,9	—	—
1894	172,1	1901	169,9
1895	128,2	1902	123,0

Чѣмъ не блестящая картина? Разъ ежегодно поступленія доходовъ по государственной росписи такъ сильно превышаютъ смѣтныя назначенія; разъ получаются такіе огромные остатки, то, очевидно, населеніе благоденствуетъ, народное богатство растетъ!..

Что касается абсолютныхъ величинъ русскаго бюджета, то онѣ въ настоящее время превышаютъ величины бюджетовъ самыхъ богатыхъ государствъ, т.-е. опять Россія, казалось бы, должна бы являться самымъ богатымъ государствомъ въ мірѣ. Однако всѣмъ извѣстно, что это далеко не такъ. Даже „бюджетные остатки", столь блестяще подтверждаемые приведенными выше цифрами, очень сильно теряютъ въ своей убѣдительности, если мы примемъ во вниманіе одно обстоятельство: до 1888 г. наши росписи почти ежегодно заключались болѣе или менѣе крупными дефицитами, а послѣ 1904 г. эти дефициты приняли прямо угрожающій характеръ; такъ наша „послѣдняя роспись", составленная старымъ бюрократическимъ порядкомъ, роспись на 1906 г., сведена въ сущности съ дефицитомъ, достигающимъ фактически болѣе милліарда рублей. Новому государственному строю Россіи, русскому народному представительству достанется очень тяжелая, трудно разрѣшимая финансовая задача—приведеніе государственнаго бюджета въ соотвѣтствіе съ истиннымъ платежнымъ положеніемъ страны, съ истиннымъ ея экономическимъ состояніемъ.

ГЛАВА IV.

Податная политика Россіи.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Податная политика Россіи вырабатывалась, главнымъ образомъ, въ теченіе XIX столѣтія, когда быстрый ростъ государственныхъ потребностей и переходъ страны отъ прежняго натуральнаго крѣпостного хозяйства къ денежному создалъ неизбѣжность широкаго развитія налоговъ и податей, какъ средства къ пополненію государственной казны. Предыдущее столѣтіе оставило въ этомъ отношеніи только одинъ глубокій слѣдъ, обнаруживавшій свое дѣйствіе въ русской податной политикѣ почти до самаго послѣдняго времени, въ сущности до 1885 года, когда, наконецъ, была окончательно отмѣнена *подушная подать*, введенная въ Россіи Петромъ Великимъ, по указу 1722 года, въ самой тѣсной связи съ ростомъ военныхъ потребностей государства, т.-е. для созданія арміи по европейскому образцу.

Обычно начало болѣе или менѣе опредѣленной и планомѣрной податной политики въ Россіи и связываютъ съ именемъ Петра Великаго.

Само собою разумѣется, однако, что зачатки податной системы, тѣ или другіе пріемы государства для извлеченія денежныхъ средствъ изъ населенія, для удовлетворенія тѣхъ или другихъ государственныхъ потребностей были всегда, начиная отъ варяжскихъ князей, продолжая чрезъ суровую „систему“ татарскихъ хановъ и кончая московскимъ періодомъ, когда и податное дѣло приняло своеобразныя и болѣе

или менѣе самобытныя формы. Въ московскій періодъ существовалъ и поземельный налогъ, существовалъ даже налогъ на капиталъ и на рабочую силу; облагалось также право на торговлю, считавшуюся какъ бы царской регаліей. Но если можно говорить о податной „системѣ“ въ московскій періодъ, то развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что система эта заключалась въ грубой строгости взысканій, но не въ планомѣрномъ, цѣлесообразномъ измѣненіи высоты обложенія и его распредѣленія. Штеръ (Stä'hr), разработавшій матеріалъ податной комиссіи 1856 года, даже утверждалъ, что русская податная система въ концѣ XVII столѣтія заключала въ себѣ всѣ условія и элементы для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія, притомъ на чисто національной почвѣ, являясь нисколько не ниже податныхъ системъ, господствовавшихъ въ другихъ культурныхъ государствахъ того времени.

Но „тамъ царила *старая* Русь“, по замѣчанію Дм. Толстого, и отъ этой „старой Руси“ новый періодъ русской исторіи не получилъ въ отношеніи податной системы ничего настолько цѣльнаго и цѣннаго, что могло бы лечь въ основу дальнѣйшаго развитія.

Правда, и при Петрѣ Великомъ остались основы прежней системы обложенія, т.-е. поземельный налогъ и налогъ на табакъ. Но какъ только энергія Петра Великаго направилась и въ сторону финансовыхъ мѣропріятій государства, такъ прежнія основы податной системы оказались недостаточными, и геній Петра Великаго нашелъ новую „систему“, систему еще болѣе жестокую, но зато и болѣе удовлетворявшую потребность государства въ деньгахъ, прежде всего для созданія постоянной арміи по европейскому образцу. Послѣдовалъ указъ Петра Великаго, которымъ повелѣвалось переписать въ деревняхъ всѣ души мужского пола отъ сѣдыхъ стариковъ до грудныхъ младенцевъ, съ цѣлью возложить на эти души содержаніе полковъ. За „утайку“ душъ полагались строгія кары, вплоть до смертной казни. Переписи подлежали какъ тѣ, у кого было какое-либо количество земли, такъ и тѣ, которые являлись простыми рабочими и дворовыми людьми; не исключались и лица духовнаго и

дворянскаго званій, если они не занимали никакой должности, а также всякіе „гулящіе“ люди и бѣглецы изъ другихъ государствъ. Всѣ эти категоріи лицъ, подлежавшихъ переписи, должны были приписываться къ какой-либо общинѣ и не оставлять ея безъ особаго на то разрѣшенія.

На основаніи первой переписи - ревизіи, продолжавшейся около трехъ лѣтъ, были распредѣлены полки. На каждаго пѣхотинца считалось 36 душъ, на каждаго кавалериста — 50 душъ; содержаніе перваго исчислялось въ 28 руб. 70 коп.; содержаніе второго—въ 40 руб. 50 коп.

На каждую мужскую душу, по указу 1722 г., была положена подать въ 80 коп., впослѣдствіи уменьшившаяся до 74 коп. Общее число мужскихъ душъ по первой ревизіи оказалось равнымъ 5 милл. Содержаніе гвардіи и артиллеріи было возложено на особыя категоріи душъ.

Такъ была введена подушная подать, легшая въ основу прямого обложенія на цѣлыхъ почти полтораста лѣтъ. По существу подушная подать являлась типичнымъ *личнымъ* налогомъ, хотя нѣкоторые и пытались отнести ее къ категоріи поимущественныхъ налоговъ, указывая на то, что подушная подать ложилась только на лицъ, такъ или иначе занятыхъ или въ земледѣліи, или въ ремеслахъ, или въ торговлѣ. Это былъ,—говорятъ сторонники такого взгляда,—налогъ на рабочую силу, притомъ въ связи съ приложеніемъ этой силы или къ землѣ, или къ тѣмъ или другимъ производствамъ. Конечно, такой взглядъ не выдерживаетъ критики, хотя бы уже по одному тому, что подушной податью облагалось *все* мужское населеніе, отъ престарѣлыхъ старцевъ до грудныхъ младенцевъ, очевидно, рабочей силы не представлявшихъ.

Подушная подать являлась чисто личнымъ налогомъ, созданнымъ притомъ оригинальнымъ деспотическимъ геніемъ Петра Великаго. Для Петра Великаго все населеніе государства представлялось контингентомъ индивидуумовъ, единственной жизненной цѣлью которыхъ являлось служеніе государству.

Всѣ подданные въ глазахъ Петра Великаго дѣлились на двѣ категоріи: одни несли свою службу государству непосредственно, лично; другіе—путемъ доставленія государству матеріальныхъ средствъ. Тотъ, кто не несъ личной службы государству, подлежалъ обложенію податью или налогомъ; а кто несъ личную службу государству, тотъ отъ податей и налоговъ освобождался. Отсюда два основныхъ класса населенія: классъ служилый и классъ податной.

Хозяйственно-продуктивные классы населенія—крестьяне и рабочіе—являлись податными классами; болѣе образованные классы, не занятые матеріальнымъ производительнымъ трудомъ, образовали служилое сословіе, обязанное нести личную службу государству. Если лицо податного сословія переходило на личную службу государству, оно освобождалось отъ налоговъ и податей, оно переставало принадлежать къ податному сословію. Если лицо неподатного сословія уклонялось отъ личной службы государству, оно, въ качествѣ штрафа, подвергалось обложенію податью или налогомъ. Наконецъ, если лицо податного сословія уклонялось отъ платежа податей, оно наказывалось рекрутчиной, т.-е. принудительной личной службой государству.

Такова была, въ чистомъ видѣ, сущность соціальной и государственной идеи Петра Великаго. Несмотря на грубую схематичность этой идеи, въ ней все же былъ извѣстный элементъ государственной справедливости.

Конечно, на практикѣ этотъ элементъ справедливости очень скоро исчезъ, какъ того и требовалъ весь укладъ крѣпостного строя. Обязанность личной службы государству для привилегированныхъ классовъ была сначала ограничена 25 годами, а въ 1762 году и совсѣмъ отмѣнена. Высшіе классы такимъ образомъ оказались совершенно свободными отъ обложенія и отъ какой-либо службы, повинности въ пользу государства, а вся тяжесть обложенія пала на трудовые податные классы населенія. Попытки къ измѣненію такого положенія, конечно, ни къ чему не приводили. Когда Павелъ въ 1792 году вздумалъ облегчить податное бремя низшихъ классовъ населенія и уничтожить полную

свободу высшихъ классовъ отъ обложенія и съ этой цѣлью возложилъ на дворянство содержаніе судебныхъ учрежденій, въ суммѣ около $1^1/_2$ милл. руб. въ годъ, то изъ этого обложенія дворянства не вышло ничего, кромѣ увеличенія подушной подати крестьянъ, такъ какъ дворяне, конечно, и возложенные на нихъ $1^1/_2$ милл. руб. переложили на своихъ крестьянъ.

Подушная подать, по идеѣ Петра Великаго, должна была явиться основнымъ и даже единственнымъ видомъ обложенія населенія, такъ какъ одновременно съ ея введеніемъ всѣ остальные виды обложенія, существовавшіе до тѣхъ поръ, были отмѣнены.

Размѣры подушной подати по отношенію къ отдѣльнымъ категоріямъ плательщиковъ были не одинаковы. Городское населеніе платило болѣе высокій окладъ подушной подати, чѣмъ сельское; въ свою очередь, крестьяне помѣщичьи и государственные платили тоже не одинаково: на государственныхъ крестьянъ былъ возложенъ дополнительный налогъ „на содержаніе гусарскихъ полковъ въ Украйнѣ", соотвѣтствовавшій приблизительно тому оброку въ пользу помѣщиковъ, какой лежалъ на помѣщичьихъ крестьянахъ. Впослѣдствіи этотъ дополнительный налогъ съ государственныхъ крестьянъ превратился въ спеціальный оброкъ въ пользу казны.

Что касается способовъ обезпеченія поступленія подушной подати, вообще налоговъ, то вначалѣ круговой поруки общины не существовало; каждый домохозяинъ отвѣчалъ передъ помѣщикомъ, конечно, а не передъ закономъ, за числящіяся за нимъ ревизскія души, юридическая же отвѣтственность за поступленіе податей въ казну лежала исключительно на помѣщикѣ, который, въ свою очередь, былъ вполнѣ автономенъ и въ раскладкѣ податей между своими крестьянами. Однако и въ интересахъ казны и въ интересахъ помѣщиковъ введеніе круговой поруки являлось вполнѣ желательнымъ и, дѣйствительно, весьма скоро, въ 1739 году, оно состоялось, хотя юридическая отвѣтственность помѣщика при этомъ все же осталась.

Подушная подать просуществовала почти безъ всякихъ измѣненій вплоть до 80 годовъ XIX стол., несмотря на то, что трудность ея для населенія была очевидна и для государства. Постоянныя утайки душъ, бѣгства въ лѣса, въ Польшу и т. п., необходимость крупныхъ понудительныхъ и репрессивныхъ мѣръ взысканія, особенно въ годы народныхъ бѣдствій и неурожаевъ,—все это весьма ясно говорило о крайнемъ несовершенствѣ господствовавшей тогда податной системы. И Петръ Великій лично вполнѣ сознавалъ это несовершенство. У него даже назрѣвала мысль о введеніи господствовавшей раньше откупной системы, конечно, въ измѣненномъ видѣ; но смерть помѣшала ему привести эту мысль въ исполненіе. Правда, мысль Петра Великаго о введеніи откупной системы едва ли представляла дѣйствительное средство къ улучшенію податной системы.

Введенные впослѣдствіи откупы, не въ измѣненіе, а только въ дополненіе податной системы, представляли, какъ извѣстно, ничуть не менѣе сильное средство эксплуатаціи платежнаго населенія, чѣмъ подушная подать. Пока вся система народнаго и государственнаго хозяйства, а съ ней и весь строй соціальный и политическій, оставались старые, крѣпостные, единоличныя творческія силы самыхъ талантливыхъ руководителей государственной политики, конечно, ничего существеннаго и въ области податной системы сдѣлать не могли.

Эта система невольно, естественно оставалась ярко-крѣпостнической, эксплуататорской, по отношенію къ трудовымъ классамъ населенія, и въ то же время крайне грубой, неподвижной, лишенной проблесковъ дѣйствительнаго государственнаго творчества, наконецъ, неудовлетворяющей тѣмъ потребностямъ государства, ради которыхъ она существовала. Правда, и потребности эти были въ сущности весьма несложны, грубы, безъ проблесковъ государственнаго творчества: 60—75% бюджета уходили исключительно на военныя потребности, на положительныя же, культурныя потребности государства, какъ мы видѣли, тратилось крайне мало. Главнѣйшая забота государства, главнѣйшая его творческая идея

и задача заключалась въ созданіи регулярной сильной арміи по европейскому образцу.

Для осуществленія этой задачи, конечно, требовались огромныя денежныя средства, извлекать которыя, не измѣняя въ самомъ корнѣ основъ народнаго и государственнаго хозяйства, было весьма трудно. Отсюда—несоотвѣтствіе крѣпостнической податной системы, несмотря на всю ея строгость и трудность даже механическимъ задачамъ государства. Такія жалкія попытки творческой государственной мысли въ области податного дѣла, какъ введеніе при Петрѣ налога на бороды и т. п., мало чего прибавляли къ основному источнику денежныхъ доходовъ государства—къ подушной подати. И государство всегда испытывало недостатокъ въ деньгахъ, всегда должно было сокращать размѣръ своихъ требованій.

Въ этомъ заключалась давнишняя, вѣковая драма Россіи: потребности и претензіи государства не соотвѣтствовали характеру народнаго хозяйства, соціальному и политическому строю государства, а слѣдовательно, и дѣйствительнымъ платежнымъ силамъ населенія.

Исключительно въ погонѣ за денежными средствами для казны и развивалась творческая мысль государства въ области податного дѣла. Радикальная, но чрезвычайно простая по существу, идея Петра Великаго,—основать всю податную систему на однообразномъ прямомъ налогѣ, на подушной подати, конечно, не могла удовлетворять все росшія потребности государства. Необходимо было изыскивать новые и новые источники доходовъ; такимъ источникомъ должно было явиться обложеніе предметовъ потребленія. Система косвенныхъ налоговъ напрашивалась сама собою, и къ началу XIX столѣтія мы уже видимъ постепенное и все болѣе и болѣе сильное вытѣсненіе прямыхъ налоговъ съ ихъ прежней роли—основного источника государственныхъ доходовъ. На сцену все рѣшительнѣе выступаютъ налоги на спиртные напитки, на соль, таможенные доходы и т. д. Въ царствованіе Александра I источники государственныхъ доходовъ представляются въ слѣдующемъ видѣ (милліоны рублей ассигнаціями):

	1805 г.	1815 г.	1825 г.
Подушная подать, оброкъ и т. п. . .	44,8	132,8	120,8
Отъ спиртныхъ напитковъ	26,2	100,0	117,4
Соляной налогъ	6,9	16,2	21,7
Пошлины	11,9	26,2	54,3
Остальные доходы	17,3	47,7	82,8
Всего . . .	107,1	322,9	397,0

Такимъ образомъ въ первой четверти XIX ст. прямые налоги—подушная подать, оброки и т. п., все же преобладали, являлись наиболѣе крупнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Прямые налоги являлись наиболѣе универсальной формой обложенія, такъ какъ они захватывали все сельскохозяйственное населеніе, а также и значительную часть городского—мѣщанъ, ремесленниковъ и т. п. Размѣры поступленій отъ этихъ налоговъ стояли въ зависимости прежде всего отъ числа податныхъ душъ по ревизіи. Такъ какъ ревизіи всегда были связаны съ крупными затрудненіями, то онѣ производились не достаточно часто, и степень тяжести подушной подати была, слѣдовательно, не одинакова въ различные періоды времени: непосредственно послѣ ревизій она усиливалась, затѣмъ постепенно, по мѣрѣ роста населенія, уменьшалась до слѣдующей ревизіи. Взиманіе оброковъ фактически тоже стояло въ связи съ подушной податью, такъ какъ оброкъ исчислялся по числу ревизскихъ душъ, а не по количеству и качеству земли, фактически находившейся въ пользованіи крестьянъ. Правда, существовалъ даже примитивный кадастръ земель: всѣ онѣ по губерніямъ были раздѣлены на четыре категоріи, по качествамъ почвы и по другимъ условіямъ труда и доходности; но на практикѣ этимъ кадастромъ руководились очень мало, а пользовались болѣе упрощенной мѣркой—числомъ ревизскихъ душъ.

Въ связи съ круговой порукой, гарантировавшей поступленіе подушной подати и оброковъ, стояло и введеніе паспортной системы, этого формальнаго выраженія полнѣйшаго прикрѣпленія личности къ землѣ и къ общинѣ. Произволъ, взяточничество и развращенность администраціи только усу-

губляли это прикрѣпленіе и порабощеніе личности, отражавшееся и въ паспортной системѣ.

Но несправедливость, неравномѣрность, произвольность и жестокость дѣйствовавшей подушной системы обложенія не исчерпывались подушной податью и оброками, вообще денежными поступленіями въ казну. Не менѣе, если не болѣе тяжелый видъ обложенія представляли мѣстные налоги—различныя денежныя и натуральныя повинности населенія на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, такъ называемыя *земскія повинности*. Для завѣдыванія этими повинностями не было въ сущности никакихъ ни мѣстныхъ ни центральныхъ учрежденій. Распредѣленіе, взиманіе и употребленіе этихъ повинностей цѣликомъ находились въ вѣдѣніи губернскаго управленія, фактически, слѣдовательно, въ вѣдѣніи полиціи. Центральное управленіе весьма часто даже не знало, какія именно земскія повинности лежатъ на населеніи въ отдѣльныхъ губерніяхъ, какъ онѣ распредѣляются, какъ повышаются и насколько онѣ тяжелы для населенія. („Исторія Министерства Финансовъ", т. I, стр. 75). Въ 1823 году земскія повинности по 40 губерніямъ и 2 областямъ исчислялись въ 14 милл. руб. На ревизскую душу повинности эти ложились крайне неравномѣрно въ различныхъ губерніяхъ: въ Петербургской онѣ доходили даже до 7 руб. на душу, въ Тверской—падали до 5 коп. Въ указѣ отъ 12 февраля 1802 г. Александръ I отмѣчалъ всю тяжесть земскихъ повинностей въ виду полнѣйшей неопредѣленности ихъ размѣровъ и неравномѣрности ихъ распредѣленія. Но, тѣмъ не менѣе, и въ податной комиссіи 50-хъ годовъ земскія повинности все еще признавались „полнѣйшей terra incognita податной системы".

Конечно, въ сознаніи всего этого не было недостатка ни у государей ни у ихъ совѣтчиковъ, руководившихъ политикой, напр., у Сперанскаго. Въ упомянутомъ выше „Финансовомъ планѣ" Сперанскій вполнѣ опредѣленно развивалъ мысль о необходимости уничтоженія подушной подати, вѣрнѣе—замѣны ея подоходнымъ земельнымъ налогомъ. Сперанскій даже указывалъ на то, что фактически уже и тогда общины руководились не подушнымъ, а подоходнымъ прин-

ципомъ и что для осуществленія этой мысли оставалось, такимъ образомъ, лишь воспользоваться тѣмъ, что уже было выработано самой жизнью. Но всѣмъ благимъ намѣреніямъ того времени не суждено было съ бумаги переходить въ дѣйствительную жизнь,—даже независимо отъ тѣхъ чисто личныхъ препятствій, какія создавались для такихъ реформаторовъ, какъ Сперанскій, попавшій, въ концѣ-концовъ, въ ссылку. Общій строй государственной и народной жизни былъ сильнѣе воли отдѣльныхъ личностей и часто заставлялъ даже самихъ реформаторовъ вступать на такой путь, который прямо противорѣчилъ ихъ принципамъ и идеаламъ. Самъ Сперанскій, напр., вынужденъ былъ для устраненія денежныхъ затрудненій государства, благодаря войнамъ 1805—1809 гг., рекомендовать въ качествѣ единственнаго выхода—усиленіе существовавшихъ тогда нормъ обложенія. И, дѣйствительно, съ 1810 года эти нормы постоянно повышались, такъ что подушная подать поднялась до 3 руб. 30 коп. ассигнаціями съ ревизской души для сельскаго населенія и до 8 р. 30 к.—для городского населенія. Оброкъ къ 20-мъ годамъ дошелъ до $7^1/_2$—10 руб. съ души въ различныхъ губерніяхъ. Общій размѣръ прямыхъ налоговъ, какъ мы видѣли, съ 45 милл. руб. въ 1805 году дошелъ до 121 милл. въ 1825 г. Это непомѣрно быстрое увеличеніе обложенія населенія не ускользало отъ вниманія Александра I, который, однако, въ указѣ Сенату отъ 12 декабря 1819 года могъ только „съ душевной болью“ констатировать неизбѣжность такого увеличенія въ виду не менѣе быстраго роста государственныхъ потребностей.

Въ числѣ прямыхъ налоговъ были не только подушная подать и оброки, но и налогъ съ капитала. Купцы вначалѣ, какъ и крестьяне, платили подушную подать; но при Екатеринѣ, по манифесту 1775 года, они были освобождены отъ подушной подати и, согласно городовому положенію 1785 г., были раздѣлены на три гильдіи, должны были добровольно объявлять размѣры своихъ капиталовъ и платить 1% съ объявленныхъ капиталовъ. Такой порядокъ на практикѣ, однако, оказался неудобнымъ, и съ 1824 года былъ введенъ—по

французскому образцу—промысловый налогъ, право на торговлю покупалось въ видѣ соотвѣтственныхъ торговыхъ патентовъ.

Кромѣ обложенія торговаго капитала, были также попытки привлечь къ обложенію и крупное дворянское землевладѣніе. Согласно проекту Сперанскаго (1810 г.) помѣщики должны были уплачивать по 50 коп. за каждую ревизскую душу, находившуюся въ ихъ владѣніи. Но уже черезъ годъ это обложеніе было отмѣнено, такъ какъ на практикѣ оно являлось не обложеніемъ помѣщиковъ, а дополнительнымъ обложеніемъ крестьянъ. Послѣ этого была даже попытка, по манифесту 11 февраля 1812 года, ввести настоящій *прогрессивно - подоходный налогъ*. Каждый дворянинъ долженъ былъ на вѣру, по совѣсти объявлять въ дворянское собраніе размѣръ своего чистаго дохода, не подлежавшій никакой дальнѣйшей провѣркѣ, и отъ этого чистаго дохода взималось отъ 1 до 10%, смотря по его размѣрамъ; доходы менѣе 500 руб. вовсе не подлежали обложенію. Въ первый годъ (1813) отъ такого прогрессивно-подоходнаго налога поступило въ казну около 5 милл. руб.; но уже въ слѣдующіе годы эти поступленія уменьшились до 2 милл. руб., и правительство сочло за лучшее совсѣмъ отказаться отъ привлеченія благороднаго дворянства къ обложенію, выразивъ надежду (указъ 12 декабря 1819 года), что этимъ путемъ „благосостояніе и довольство будутъ возрастать". Конечно, дворянство было очень довольно такой льготой. Добровольной готовности раздѣлять бремя государственныхъ налоговъ у высшихъ классовъ не было ни тогда ни впослѣдствіи, что въ связи съ крайней немногочисленностью имущихъ классовъ въ дореформенной Россіи являлось, между прочимъ, одной изъ причинъ, парализовавшихъ серьезныя попытки къ реформѣ податного строя. Въ 1827 году министръ финансовъ Канкринъ исчислялъ населеніе, подлежавшее подушной подати, въ 18,6 милл. душъ (мужчинъ). Изъ этого числа податныхъ душъ только 1,1 милл. было занято въ торговлѣ и ремеслахъ, т.-е. только $^1/_{16}$ часть, около 6%; купцовъ, по сравненію съ ремесленниками, было только

около 3%, а по отношенію къ общему числу податныхъ душъ—такое ничтожное количество, что обложеніе торговаго капитала во всякомъ случаѣ не могло играть никакой роли въ смыслѣ измѣненія общаго характера податной системы. Канкринъ еще въ 1823 году въ запискѣ, представленной императору, развивалъ ту мысль, что для поднятія общаго благосостоянія государства необходимо возможно болѣе быстрое и сильное развитіе городовъ и внутренней торговли, почему и принималъ всякія мѣры для поощренія переселенія крестьянъ изъ деревень въ города. Но самому же Канкрину приходилось убѣждаться въ томъ, что всѣ его „мѣры" совершенно недѣйствительны, совершенно безсильны противъ общаго строя народной и государственной жизни.

Такова же была участь идей и плановъ другого талантливаго министра финансовъ Рейтерна (1862—1878 гг.), который точно такъ же сознавалъ все несовершенство дѣйствовавшей податной системы, все несоотвѣтствіе ея новымъ—по формѣ—условіямъ народной жизни, наступившимъ послѣ освобожденія крестьянъ, и подушная подать, несмотря на усилія министровъ, несмотря на критику печати и спеціалистовъ, несмотря на продолжавшуюся необходимость выколачивать ее путемъ грубыхъ репрессивныхъ мѣръ, продолжала оставаться въ податной системѣ Россіи еще 20 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Развитіе косвенныхъ налоговъ являлось единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ для измѣненія устарѣвшей податной системы, основанной на преобладаніи прямого, но крайне несправедливаго обложенія. Развитіе косвеннаго обложенія, однако, требовало соотвѣтственнаго расширенія потребленія тѣхъ продуктовъ, которые обычно являются объектомъ косвеннаго обложенія. Но это расширеніе совершалось лишь очень медленно. Для преобладающей массы потребителей такіе продукты, какъ сахаръ, керосинъ, табакъ и т. п., являлись предметами роскоши, а не предметами болѣе или менѣе постояннаго, нормальнаго потребленія. Ростъ городского населенія, за счетъ котораго обычно наиболѣе быстро растетъ потребленіе этихъ продуктовъ, совершался тоже лишь

очень медленно. Всѣ эти общія экономическія условія, стоявшія въ тѣсной связи съ общими же соціальными и политическими условіями, и дѣлали совершенно безплодными усилія измѣнить господствовавшую податную систему.

Можно бы было пойти по другому пути, по пути уравненія, урегулированія того обложенія, какое фактически лежало въ основѣ дѣйствовавшей податной системы, т.-е. обложенія земли, вылившагося въ крѣпостнически мертвую форму подушной подати. Фактически, однако, какъ уже отмѣчено выше, подушная подать распредѣлялась общинами между плательщиками соотвѣтственно количеству и качеству земли, находившейся въ ихъ пользованіи. Земля, находившаяся во владѣніи помѣщиковъ послѣ освобожденія крестьянъ, долгое время попрежнему не подвергалась обложенію вовсе. Путемъ правильнаго привлеченія къ обложенію помѣщичьей земли и путемъ урегулированія обложенія общинной земли и можно бы было достигнуть существеннаго улучшенія въ дѣйствовавшей податной системѣ, хотя бы въ основѣ ея и продолжало оставаться прямое обложеніе земли. Введеніе дѣйствительно прогрессивнаго подоходнаго обложенія земли могло бы явиться выходомъ изъ ненормальнаго положенія тогдашней податной системы. И мы видѣли, что мысль объ этомъ не была чужда руководителямъ финансовой политики. Послѣ Сперанскаго съ мыслью объ урегулированіи земельнаго обложенія выступилъ и Канкринъ. Подушная подать и оброки, по мысли Канкрина, должны были превратиться въ поземельный налогъ, для чего Канкринъ считалъ необходимымъ прежде всего произвести правильный кадастръ или хотя бы количественное измѣреніе и опредѣленіе различныхъ по качеству категорій земель. Государственный Совѣтъ даже одобрилъ мысль Канкрина и... учредилъ землемѣрно-таксаторскую школу при Лѣсномъ Институтѣ. Но на этой школѣ дѣло и закончилось. Узко-эгоистическіе классовые интересы помѣстнаго землевладѣнія, фактически руководившаго общей политикой государства; отсутствіе культурныхъ силъ изъ другихъ классовъ; полнѣйшая некультурность сельскаго населенія, обусловливавшая невозможность создать для него другія формы

внутренняго управленія, кромѣ традиціонной крѣпостной общины, вѣдавшей прежде всего и дѣло обложенія, въ которое она невольно вносила всю свою некультурность и весь свой старый крѣпостной духъ,—всѣ эти общія соціально-политическія условія являлись причиной того, что и попытки урегулировать земельное обложеніе оставались совершенно мертвыми, хотя и благими намѣреніями.

Весь болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ царствованія Николая I и Александра II (1825—1881 гг.) ознаменовался въ области податной политики господствомъ такихъ благихъ намѣреній и невозможностью осуществить ихъ. Правительство сознавало неудовлетворительность податной системы, но въ то же время не только не могло измѣнить ее, но и вынуждено было увеличивать существовавшія нормы обложенія, чтобы имѣть средства къ удовлетворенію возраставшихъ потребностей государства. Подушная подать не уменьшалась. Въ 1867 году она составляла 1 р. 15 к.—2 р. 61 к. *серебромъ*, что по сравненію съ размѣромъ ея въ 20-хъ годахъ, когда она опредѣлялась въ ассигнаціяхъ, представляетъ даже увеличеніе. Взиманіе подушной подати, перешедшее послѣ освобожденія крестьянъ цѣликомъ въ руки общины, т.-е. и въ руки полиціи, замѣнившей отчасти прежнюю попечительную и отвѣтственную въ области сбора налоговъ и податей роль помѣщика, сдѣлалось еще болѣе строгимъ и тяжелымъ для массоваго плательщика - крестьянина. Община не останавливалась передъ самыми драконовскими мѣрами понужденія плательщиковъ, вплоть до тѣлесныхъ наказаній и административной ссылки на поселеніе. Положеніе болѣе слабыхъ экономически „ревизскихъ душъ“ съ переходомъ дѣла обложенія въ исключительныя руки общинъ сдѣлалось, пожалуй, даже болѣе тяжелымъ, чѣмъ оно было при крѣпостномъ правѣ.

Выходъ изъ такого тяжелаго положенія и плательщиковъ и государства заключался, конечно, только въ энергичномъ пробужденіи производительныхъ силъ народа и въ устраненіи всѣхъ тѣхъ соціально-политическихъ препятствій, которыя мѣшали этому пробужденію. Такой выходъ, конечно, не могъ и никогда не можетъ быть созданъ вдругъ какими бы

то ни было „мѣропріятіями“ и усиліями государства, онъ могъ и можетъ *создаваться* только постепенно, путемъ естественнаго, эволюціоннаго развитія производительныхъ силъ. Неправильная политика государства, конечно, задерживаетъ, тормозитъ этотъ процессъ; правильная содѣйствуетъ ему. Но и тормозы и содѣйствіе государства играютъ подчиненную, второстепенную роль. Государство въ своей политикѣ само неизбѣжно болѣе или менѣе подчиняется общему состоянію производительныхъ силъ страны, подчиняется и направленію въ развитіи этихъ силъ, зависящему отъ естественныхъ, внутреннихъ, присущихъ самому процессу причинъ. Съ этой точки зрѣнія и рѣзкія обвиненія по адресу государства и преувеличенныя надежды на него всегда являются мало основательными. Критика отрицательныхъ сторонъ политики государства и обоснованіе надеждъ, возлагаемыхъ на государство, должны быть связаны прежде всего съ объективнымъ анализомъ состоянія производительныхъ силъ страны. Только путемъ этого анализа можетъ быть установленъ и *прогнозъ* тѣхъ дальнѣйшихъ измѣненій, которыя должны совершаться и которымъ должно содѣйствовать государство въ развитіи производительныхъ силъ, а, слѣдовательно, и въ самой политикѣ государства.

Такое строго объективное, научное, эволюціонное направленіе мысли не было чуждо и руководителямъ экономической, а тѣмъ самымъ и общей, политики Россіи. Вотъ, напримѣръ, какую мысль развивалъ министръ финансовъ, гр. Канкринъ, въ запискѣ, поданной имъ государю въ 1827 году, „О постепенномъ улучшеніи крѣпостного состоянія крестьянъ безъ вреда для помѣщиковъ и безъ потрясенія внутренняго спокойствія“. Канкринъ писалъ въ этой запискѣ: „Изъ всего хода исторіи народовъ Европы заключить должно, что крѣпостное состояніе до извѣстнаго времени было необходимо по печальному несовершенству человѣческихъ дѣлъ. Но также изъ опытовъ видно, что сіе положеніе заключаетъ въ себѣ наклонность къ злоупотребленію власти, и что излишнія повинности, истребляя капиталъ крестьянскій, приводятъ сей классъ и съ онымъ самихъ владѣльцевъ въ бѣд-

ность. Наконецъ открывается, что съ извѣстной эпохи положеніе сіе непремѣнно должно перемѣниться, не бывъ болѣе свойственно новымъ отношеніямъ народной жизни и образу мыслей повелѣвающихъ и повинующихся... Основываясь на такихъ опытахъ, какъ ни быть отдаленнымъ отъ страсти къ новостямъ и отъ необдуманныхъ затѣй односторонняго вольномыслія, однако нельзя не примѣтить, что крѣпостное состояніе не можетъ и у насъ существовать навсегда, что время кризиса, хотя еще не настало, но приближается, и что для избѣжанія какихъ-либо потрясеній правительство заранѣе должно взять мѣры"... Мѣры эти, по мнѣнію Канкрина, должны были быть очень постепенны, но должны были привести къ полному освобожденію крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землей.

Замѣчательно, что эти строго эволюціонныя, прогрессивныя и истинно государственныя идеи были высказаны въ эпоху крутой политической реакціи. Но политическая реакція, какъ мы уже высказывали, можетъ и даже должна уживаться съ прогрессивной экономической политикой, если только для такой политики въ эпоху реакціи находятся соотвѣтственные, талантливые исполнители. Реакціонная общая политика точно такъ же требуетъ денегъ и денегъ, какъ политика прогрессивная. Развитіе производительныхъ силъ страны есть первое и неизбѣжное условіе самого существованія государства, а представить себѣ такую реакціонную общую политику, которая сознательно ставила бы на карту самое существованіе государства ради торжества реакціи, едва ли возможно. Правда, съ другой стороны, едва ли возможно ожидать дѣйствительнаго успѣха прогрессивной экономической политики при господствѣ реакціонной общей политики государства. Въ этомъ заключается роковое условіе, дѣлающее невозможнымъ не только постоянное, но даже и продолжительное господство общей реакціонной политики государства. Такая политика задерживаетъ развитіе производительныхъ силъ страны, задерживаетъ, слѣдовательно, и ростъ, развитіе самого государства. Жизнеспособная страна всегда одолѣетъ реакціонныя стремленія государственной власти, всегда заставитъ эту

власть подчиниться велѣніямъ жизни, интересамъ народа, страны въ цѣломъ. Конечно, этотъ процессъ борьбы жизненныхъ силъ страны съ тормозящими ея развитіе условіями можетъ быть очень длительнымъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ, но конечный результатъ процесса долженъ быть благопріятнымъ для живыхъ силъ страны.

Такой процессъ переживала и переживаетъ, конечно, и Россія. Мы уже очертили послѣднія новѣйшія стадіи этого процесса, тѣсно связанныя съ судьбой русскаго народнаго представительства. Эти стадіи носятъ уже болѣе яркій характеръ, такъ какъ онѣ являются заключительными стадіями процесса, предвѣщающими близкій конецъ его, близкую побѣду живыхъ силъ страны надъ унаслѣдованными отъ стараго, крѣпостного строя тормозами развитію ея производительныхъ силъ.

Болѣе раннія стадіи процесса, рѣшительное начало котораго мы можемъ отнести къ эпохѣ освободительныхъ реформъ, носили, конечно, менѣе яркій характеръ, указывавшій, однако, уже на общее направленіе процесса. Это общее направленіе говорило о будущемъ торжествѣ живыхъ силъ страны, несмотря на то, что первыя стадіи процесса неизбѣжно носили присущій старому строю бюрократическій характеръ.

Въ 1859 году была образована податная комиссія, задачу которой составляло приспособленіе податной системы къ новымъ соціально-политическимъ условіямъ, наступавшимъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ. Эта комиссія продолжала свою работу въ теченіе почти двухъ десятилѣтій, т.-е. приняла въ сущности характеръ постояннаго государственнаго органа, вѣдавшаго податное дѣло, въ которомъ она дѣйствительно и произвела всѣ тѣ измѣненія, которыя болѣе или менѣе соотвѣтствовали новымъ условіямъ и дѣйствіе которыхъ продолжается въ русской податной системѣ до настоящаго времени.

Наиболѣе важнымъ изъ этихъ измѣненій было, конечно, уничтоженіе подушной подати. Въ 1862 году комиссія внесла предложеніе замѣнить подушную подать обложеніемъ недви-

жимой собственности какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Это обложеніе должно было дать тогда около $44^1/_2$ милл. р., что въ общемъ составляло облегченіе для бывшихъ податныхъ душъ на сумму всего около $2^1/_2$ милл. руб. Именно на эту сумму должно было повыситься обложеніе недвижимой собственности помѣщиковъ и другихъ, неподатныхъ классовъ населенія. Но именно въ этомъ, явно весьма скромномъ повышеніи обложенія имущихъ, неподатныхъ классовъ и заключался опасный подводный камень для предположеній податной комиссіи. Привилегированные классы рѣшительно воспротивились проекту комиссіи, и министръ финансовъ Рейтернъ долженъ былъ уступить узко-классовымъ домогательствамъ высшаго, придворнаго дворянства. Вмѣсто полной отмѣны подушной подати, въ 1869 году былъ принятъ комиссіей другой, совершенно палліативный проектъ, сущность котораго сводилась только къ нѣкоторому уравненію, урегулированію подушной подати, путемъ болѣе равномѣрнаго ея распредѣленія между тѣми же податными ревизскими душами. Привилегированные классы попрежнему остались неподатными. Чуть не половина земельной собственности оставалась свободной отъ обложенія. Интересно отмѣтить при этомъ, что большая часть земскихъ собраній, въ которыхъ не только морально, но иногда и количественно преобладало помѣстное дворянство, высказалась противъ этого палліативнаго проекта комиссіи. Тѣмъ не менѣе, голосъ крупно-землевладѣльческаго, придворнаго дворянства имѣлъ болѣе рѣшающее значеніе, и обложеніе привилегированныхъ классовъ не могло тогда осуществиться. Податная система осталась, такимъ образомъ, тогда безъ коренныхъ измѣненій. Только подушная подать, лежавшая на городскомъ населеніи, на мѣщанахъ, была отмѣнена и замѣнена обложеніемъ городской недвижимой собственности. Комиссіи, по отношенію къ подушной подати, пришлось ограничиться въ сущности одной академической критикой, при чемъ комиссія указывала не только отрицательныя черты и свойства подушной подати, но и положительныя: „удобство“ ея для правительства, „привычность“ для населенія и т. п. Конечно, общій приговоръ

комиссіи былъ рѣшительно не въ пользу подушной подати, но приговоръ этотъ, какъ мы видѣли, не имѣлъ тогда практическихъ результатовъ.

Только потрясеніе, нанесенное государству русско-турецкой войной, снова выдвинуло на первую очередь въ податной политикѣ вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати и о замѣнѣ ея болѣе цѣлесообразнымъ обложеніемъ. Указъ 23 марта 1879 года уже декретировалъ замѣну подушной подати другими, болѣе соотвѣтствующими интересамъ массы плательщиковъ источниками и видами обложенія. Однако и теперь потребовалось еще нѣсколько лѣтъ для того, чтобы указъ 1879 года получилъ дѣйствительное осуществленіе. Только законы 1882, 1883 и 1885 окончательно уничтожили подушную подать для всѣхъ категорій крестьянъ Европейской Россіи. Въ Сибири подушная подать, главнымъ образомъ, благодаря отсутствію соотвѣтственныхъ органовъ самоуправленія, оставалась до самаго послѣдняго времени, и только въ 1898 году и здѣсь подушная подать была замѣнена обложеніемъ земли и вообще недвижимой собственности.

Отмѣна подушной подати, конечно, создала на первыхъ порахъ извѣстныя затрудненія для фиска. Съ 1882 по 1887 гг. казна не дополучала, благодаря отмѣнѣ подушной подати, около 38 милл. руб. ежегодно; съ 1887 года, когда была отмѣнена подушная подать и съ государственныхъ крестьянъ, этотъ недоборъ достигъ 57 милл. руб. Къ тому же, по указу 23 ноября 1880 г., былъ отмѣненъ соляной акцизъ, наконецъ, въ 1883 году, по случаю коронаціи Александра III, пришлось списать около 28 милл. руб. недоимокъ, которыя, впрочемъ, все равно считались безнадежными.

Всѣ эти недоборы, какъ мы отмѣчали выше, поставили въ довольно затруднительное положеніе выдающагося по широтѣ мысли министра финансовъ Н. Х. Бунге, съ именемъ котораго и связана отмѣна подушной подати въ Россіи, вызвали на политику Бунге рядъ нападокъ со стороны тѣхъ слоевъ общества, которые были недовольны податными реформами Бунге, и въ 1887 году Бунге смѣнилъ Вышнеградскій.

Значеніе отмѣны подушной подати самимъ министромъ Бунге, въ представленіи Государственному Совѣту въ мартѣ 1882 года, характеризовалось слѣдующимъ образомъ:

„Къ непомѣрному обремененію нѣкоторыхъ плательщиковъ подушною податью присоединяются разорительныя послѣдствія обычнаго у насъ порядка примѣненія круговой поруки, долженствующей обезпечить исправное поступленіе налоговъ съ сельскихъ обществъ. Естественно, что подати, обременительныя для плательщиковъ, уплачиваются неисправно, и что на цѣлыхъ обществахъ накопляются болѣе или менѣе крупныя недоимки. Хотя Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ приняты мѣры къ ограниченію случаевъ продажи крестьянскаго скота для пополненія недоимокъ, но этими мѣрами не можетъ быть вполнѣ устранено употребленіе волостнымъ и сельскимъ начальствомъ обычныхъ пріемовъ взысканія недоимокъ посредствомъ огульной продажи крестьянскаго имущества за безцѣнокъ. Такимъ образомъ къ отягощенію налогомъ присоединяется разореніе плательщиковъ способомъ взысканія недоимокъ.

„При отсутствіи у насъ правильно устроеннаго податнаго управленія, иначе и быть не можетъ: налогъ раскладывается не по достатку, и недоимка взыскивается съ перваго встрѣчнаго односельца.

„Очевидно, что такая податная система, съ одной стороны, требуетъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ паспортною системою для того, чтобы плательщикъ не могъ укрыться отъ платежа, а съ другой стороны, вызываетъ стремленіе къ самовольной отлучкѣ для пріисканія лучшихъ заработковъ. Но самовольная отлучка нерѣдко оканчивается заключеніемъ человѣка, не имѣющаго никакой другой вины за собой, въ тюрьму, наравнѣ съ людьми, совершившими болѣе или менѣе тяжкія преступленія. Такъ съ неумолимою послѣдовательностью изъ одного зла возникаетъ другое, которое, въ свою очередь, рождаетъ новое зло“... („Министерство Финансовъ“ 1802—1902, ч. II, стр. 121—122).

Отмѣна подушной подати знаменовала собою окончательный поворотъ общей финансовой и въ частности податной

политики Россіи отъ стараго, крѣпостного строя къ новому, болѣе соотвѣтствовавшему измѣнившимся условіямъ экономической жизни страны, росту промышленности, капитализма, желѣзнодорожнаго строительства, росту городского населенія и т. д.

Для того, чтобы этотъ уже достаточно рѣшительный поворотъ начался, потребовалось, такимъ образомъ, двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ „освобожденная" страна въ сущности топталась на мѣстѣ, какъ бы будучи еще не въ состояніи очнуться отъ тяжелаго кошмара крѣпостного права, отъ той летаргіи, въ какую повергло ее вѣковое господство крѣпостного строя.

Производительныя силы страны только понемногу пробуждались, подготовляя, однако, надежную почву для дѣйствительнаго осуществленія реформъ въ области общей и финансовой политики государства. Но въ то же время еще болѣе быстрый, не считавшійся съ наличными средствами, ростъ государственнаго бюджета не менѣе настойчиво требовалъ и расширенія источниковъ обложенія и техническихъ усовершенствованій въ податной политикѣ, все съ той же цѣлью извлеченія изъ народнаго кармана возможно большихъ средствъ въ пользу казны.

А положеніе этой казны и въ началѣ новой эры, въ началѣ 80-хъ годовъ, было по обыкновенію весьма не блестяще: со времени освобожденія крестьянъ государственный долгъ возросъ съ 872 милл. руб. до 4.886 милл.; количество кредитныхъ билетовъ поднялось съ 356 до 1.135 милл. руб.; курсъ рубля постоянно обнаруживалъ тенденцію къ паденію; война и неурожаи неотступно преслѣдовали и истощали платежныя силы страны, т.-е. почти исключительно „податныя сословія", главнымъ образомъ, крестьянство: къ началу 80-хъ годовъ изъ общей суммы прямыхъ налоговъ $^{16}/_{17}$ падали на крестьянство и только $^{1}/_{17}$—на другіе классы населенія, при чемъ землевладѣльческое дворянство оставалось еще „неподатнымъ" сословіемъ. Среди косвенныхъ налоговъ подавляюще преобладалъ налогъ на спиртные напитки, а этотъ налогъ выплачивался, конечно, почти исключительно все

тѣмъ же массовымъ крестьянствомъ. Этому налогу суждено было быстро развиваться и, въ концѣ-концовъ, занять первое мѣсто въ доходномъ бюджетѣ государства. Мы уже видѣли, что въ 1805 году доходъ отъ водки въ пользу казны составлялъ 26 милл. руб. ассигнаціями, а доходъ отъ соляного акциза и отъ пошлинъ — 20 милл. руб. Въ 1825 г. доходъ отъ водки составлялъ уже 117,4 милл. руб., т.-е. покрывалъ почти треть бюджета (314,2 милл. руб. прямыхъ и косвенныхъ налоговъ). Въ отдѣльные годы первой четверти девятнадцатаго столѣтія этотъ доходъ достигалъ даже 157 милліон. руб., въ 1820 г.—значительно превышалъ всѣ прямые налоги (133 милл. руб.).

Все это ложилось почти исключительно на податныя сословія.

Привлечь къ обложенію равномѣрно всѣ классы и слои населенія, внести въ обложеніе больше справедливости и соотвѣтствія дѣйствительной платежной силѣ облагаемыхъ, такова была принципіальная сущность финансовыхъ плановъ министра Бунге (1880—1887 гг.), въ намѣреніяхъ котораго было и постепенное введеніе подоходно-прогрессивнаго налога. Но экономическая и политическая дѣйствительность, какъ извѣстно, даже и до сихъ поръ не дала еще возможности осуществить эту принципіальную сущность нормальной здоровой финансовой политики государства. Задача эта будетъ цѣликомъ передана отходящимъ въ область исторіи старымъ соціально-политическимъ строемъ идущему ему на смѣну новому, представительному строю. Попытки лучшихъ представителей стараго бюрократическаго правительства въ этомъ направленіи неизбѣжно разбивались о политическую косность тѣхъ имущихъ сферъ, которыя фактически руководили политикой государства, и о неподвижность или даже регрессъ производительныхъ силъ страны, не находившихъ путей къ болѣе нормальному и быстрому развитію, благодаря истощающей политикѣ стараго крѣпостнически-бюрократическаго строя.

Вмѣсто облегченія податного пресса приходилось только все туже и туже завинчивать его попрежнему, главнымъ

образомъ, надъ наименѣе состоятельнымъ слоемъ плательщиковъ, надъ трудовыми классами.

Этимъ безпрерывнымъ завинчиваніемъ податного пресса наиболѣе ярко и полно характеризуется наша податная политика послѣдней четверти девятнадцатаго столѣтія и начала двадцатаго.

Если прямые налоги за этотъ періодъ не возросли, то это объясняется, главнымъ образомъ, отмѣной подушной подати. Но зато гигантскими шагами шло развитіе другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ, какъ показываетъ слѣдующая таблица, относящаяся къ „обыкновенному" бюджету за 1880—1903 гг. въ милліонахъ руб. (таблица заимствована изъ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik", 1904 г., май, стр. 755):

	1880 г.	1887 г.	1894 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
1) Прямые налоги.	127,7	81,2	102,0	131,9	130,9	133,0
2) Косвен. „	350,7	412,8	581,4	658,1	686,6	428,5
3) Пошлины . . .	42,4	53,0	72,6	88,3	94,6	101,1
4) Государственныя регаліи	26,6	29,4	41,3	176,8	223,4	545,8
5) Государственные имущества и капиталы	43,0	74,0	179,9	473,5	493,8	523,7
6) Выкупные платежи	6,4	92,0	92,8	96,3	90,0	89,7
7) Возмѣщеніе расходовъ государственнаго казначейства. . . .	44,8	70,8	75,3	71,1	71,9	75,1
8) Различн. доходы	9,4	16,5	8,5	8,1	8,2	8,3
Итого.	651,0	829,7	1153,8	1704,1	1799,5	1905,4

Пониженіе косвенныхъ налоговъ въ 1902 году объясняется только введеніемъ и расширеніемъ винной монополіи, благодаря которой и доходъ отъ правительственныхъ регалій, начиная съ 1900 г., такъ сильно возросъ. Необыкновенно быстрый ростъ доходовъ отъ государственныхъ имуществъ, начиная съ 1894 г., тоже объясняется ростомъ казенной желѣзнодорожной сѣти.

Всѣ эти увеличенія и уменьшенія носятъ, такимъ образомъ, по существу фиктивный характеръ, обозначаютъ или перенесеніе цифръ изъ одной графы въ другую или включеніе въ бюджетъ оборотныхъ суммъ; доходнымъ статьямъ соотвѣтствуютъ почти равныя расходныя статьи, отчего истинное состояніе бюджета нисколько не измѣняется, а только увеличивается общій его размѣръ.

Общія тенденціи нашей податной политики, уже на основаніи только что приведенныхъ данныхъ, могутъ быть охарактеризованы слѣдующимъ образомъ: прямые налоги остаются почти въ стаціонарномъ положеніи; ростъ бюджета покоится на ростѣ косвенныхъ налоговъ, идущемъ непрерывно и чрезвычайно быстро; довольно быстро идетъ и ростъ пошлинъ, что представляетъ явленіе болѣе нормальное, чѣмъ ростъ косвенныхъ налоговъ. Именно, ростъ доходовъ по отдѣлу пошлинъ шелъ такимъ образомъ (милл. руб.):

	1880	1887	1894	1900	1901	1902
Гербовыя, судебныя, канцелярскія	16,3	20,9	29,1	37,8	42,2	45,1
Съ переходящихъ имуществъ.	9,0	12,7	18,4	23,5	23,4	23,8
Съ паспортовъ . . .	3,3	3,6	4,5	0,1	0,1	0,1
Съ пассажировъ и грузовъ.	8,1	8,6	9,7	13,7	14,8	15,6
Съ застрахованныхъ имуществъ	2,6	3,6	4,5	3,8	4,1	4,1
Пошлины разныхъ наименованій . . . . : . .	3,1	3,6	6,4	9,4	10,1	12,4
Итого . .	42,4	53,0	72,6	88,3	94,6	101,1

Въ общемъ, однако, наиболѣе характерной чертой нашей податной политики до самаго послѣдняго времени является чрезмѣрное истощеніе народныхъ массъ путемъ быстраго повышенія косвенныхъ налоговъ. Если въ этомъ отношеніи и можно констатировать нѣкоторое улучшеніе податной политики, то это только въ увеличеніи числа предметовъ обложенія, въ болѣе равномѣрномъ поэтому распредѣленіи тя-

жести косвенныхъ налоговъ и между болѣе состоятельными классами населенія; можно отмѣтить также отмѣну въ 1880 г. соляного налога, состоявшагося, между прочимъ, до нѣкоторой степени подъ давленіемъ крупнаго землевладѣнія, для котораго этотъ налогъ былъ тоже непріятенъ, въ виду значительнаго потребленія соли въ сельскомъ хозяйствѣ.

Цифровыя измѣненія въ системѣ нашихъ косвенныхъ налоговъ представляются въ слѣдующемъ видѣ (милл. руб.):

	1880 г.	1887 г.	1894 г.	1900 г.	1901 г.
Спиртные напитки	223,3	257,7	297,4	316,8	312,9
Табакъ	13,6	24,1	32,6	41,2	45,7
Сахаръ	4,3	23,2	41,2	63,3	71,7
Нефтяные продукты . . .	—	—	18,9	25,5	28,7
Спички.	—	—	7,5	7,4	7,9
Таможенныя пошлины . .	97,2	107,8	183,8	204,0	219,7
Соль	12,3	—	—	—	—
Итого . . .	350,7	412,8	581,4	658,1	686,6

Измѣненія въ прямыхъ налогахъ за тотъ же періодъ, числовыя величины которыхъ мы приводимъ ниже (стр. 200), характерны тѣмъ, что государственный поземельный налогъ не только не возрастаетъ, но даже уменьшается: въ 1887 г. онъ далъ 34,3 милл. руб., въ 1901 г.—31,9 милл. руб. Обложеніе городскихъ недвижимыхъ имуществъ правильно, но очень медленно возрастало; точно такъ же—квартирный налогъ и налогъ на капиталы. И только налогъ на торговлю и промыслы росли непрерывно и значительно: въ 1880 г. они составляли 15,3 милл. руб., а въ 1901 г. уже—68,8 милл. руб.

Такимъ образомъ въ системѣ прямыхъ налоговъ наблюдается довольно тщательное обереганіе землевладѣнія, что, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ господствующему положенію нашего крупнаго, главнымъ образомъ, дворянскаго землевладѣнія въ общемъ направленіи политики государства. Точно такое же обереганіе интересовъ крупнаго землевладѣнія наблюдалось, какъ мы видѣли, и въ болѣе ранніе періоды развитія нашей бюджетной и податной политики.

Для характеристики этой черты въ податной политикѣ Россіи мы позволимъ себѣ здѣсь остановиться подробно на исторіи крупнѣйшей статьи нашихъ прямыхъ налоговъ, со времени освобожденія крестьянъ, *на выкупныхъ платежахъ*. Въ концѣ 1903 года въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря В. Н. Коковцева происходили засѣданія учрежденной еще въ ноябрѣ 1901 года комиссіи по вопросу объ оскудѣніи крестьянскаго населенія, главнымъ образомъ, нашихъ центральныхъ черноземныхъ губерній. Какъ и слѣдовало ожидать, комиссія, главнымъ образомъ—ея земскіе члены, взглянула на свою задачу нѣсколько шире, чѣмъ предлагали ей офиціально намѣченныя рамки ея работы. Комиссія начала свою работу съ признанія „оскудѣнія" не только черноземнаго центра Россіи, но и всего русскаго крестьянскаго населенія вообще. Офиціальные документы, представленные какъ бы въ руководство комиссіи департаментомъ окладныхъ сборовъ, давали полнѣйшее основаніе комиссіи отнестись къ своей задачѣ именно такимъ болѣе широкимъ образомъ. Данныя департамента окладныхъ сборовъ нарисовали яркую картину общаго оскудѣнія русской крестьянской массы. Приростъ населенія за послѣднія 40 лѣтъ далеко опередилъ приростъ посѣвной площади и урожайности крестьянскихъ земель. Обезпеченіе земледѣльческаго населенія землей сильно понизилось. Обезпеченіе земли рабочимъ скотомъ точно такъ же: количество безлошадныхъ дворовъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи составляло въ 1882 году—26,9%; въ 1888—1891 гг.—27,8%; въ 1893—1896 гг.—32,2%. Уменьшилось и общее количество скота крупнаго и мелкаго на 30—37%. И хотя въ западныхъ культурныхъ государствахъ замѣчается такое же явленіе, но тамъ уменьшеніе количества скота сопровождается ростомъ примѣненія мертвой рабочей силы, улучшеніемъ способовъ передвиженія и т. д., а у насъ—въ массовой крестьянской жизни этого не замѣчается. Въ связи съ этимъ уменьшается и обезпеченіе крестьянскаго населенія средствами продовольствія: средняя норма хлѣбовъ на душу населенія у насъ составляетъ всего около 17 пуд., между тѣмъ

какъ оно должно было быть не ниже 20 пудовъ. Понятно, что это отражается и на общемъ уровнѣ рабочей силы, работоспособности и работопроизводительности крестьянскаго населенія: число забракованныхъ и получившихъ отсрочку по невозмужалости при поступленіи въ армію у насъ увеличилось съ 13% въ 1874 г. до 19,5% въ 1903 г., хотя это явленіе отчасти объясняется и общимъ повышеніемъ наборныхъ требованій въ послѣднее время.

Такова общая картина состоянія нашей крестьянской массы, удостовѣряемая вполнѣ объективными офиціальными свидѣтельствами. И если мы примемъ во вниманіе еще тотъ процессъ экономическаго разслоенія въ средѣ крестьянскаго населенія, который обнаруживается особенно рѣзко въ послѣднія два десятилѣтія, выражаясь въ развитіи болѣе или менѣе сильной группы крестьянской буржуазіи—крестьянъ-землевладѣльцевъ, то положеніе сѣрой массы крестьянскаго населенія окажется еще болѣе печальнымъ.

А между тѣмъ естественный ростъ нашего государственнаго бюджета неизбѣжно, можно сказать фатально отражается и на ростѣ податного бремени, лежащаго на крестьянскомъ, земледѣльческомъ населеніи. Это бремя отражается на населеніи тѣмъ сильнѣе, что огромная часть крестьянъ и до сихъ поръ не свободна отъ крупнаго земельнаго долга — долга по выкупной операціи. И особенно чувствительна тяжесть выкупного долга, какъ показали работы комиссіи о центрѣ и какъ указывалось на это и раньше, въ центральномъ земледѣльческомъ велико-русскомъ районѣ. Неудивительно поэтому, что комиссія о центрѣ однимъ изъ коренныхъ заключеній своей работы выставила пожеланіе о сложеніи 20 милл. руб. выкупныхъ платежей, главнымъ образомъ, съ крестьянскаго населенія нашихъ центральныхъ черноземныхъ губерній. Это пожеланіе передано въ особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, гдѣ оно, несомнѣнно, должно было встрѣтить и сочувствіе и поддержку. Такимъ образомъ государству еще разъ пришлось сдѣлать нѣкоторую „жертву“ въ пользу бѣднѣйшей части крестьянскаго земледѣльческаго населенія,

Жертвы эти, однако, у насъ не забываются. Извѣстно, что „комиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ“, опубликовавшая недавно „сводъ работъ“ своихъ—этотъ весьма характерный документъ для характеристики переживавшагося нами общественнаго момента, защищая свой основной принципъ, необходимость не только сохраненія, но чуть ли даже не усиленія сословной обособленности нашего крестьянства, останавливалась и на тѣхъ „жертвахъ“, которыя государство понесло въ пользу крестьянъ. „Право государство,—говорится въ „Очеркѣ работъ“ комиссіи,—на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, является логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Надѣленіе крестьянъ землей за счетъ иного сословія обязываетъ правительство къ бдительному надзору за тѣмъ, чтобы этотъ земельный фондъ дѣйствительно удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ, а именно, обезпечивалъ существованіе крестьянства, взятаго какъ сословіе, т.-е. въ преобладающей его массѣ, а не только единичныхъ его представителей“.

Правда, нѣсколько раньше въ томъ же „Очеркѣ работъ“ комиссіи мы находимъ и другія еще болѣе, можетъ-быть, существенныя съ точки зрѣнія комиссіи соображенія о желательности для правительства сохраненія сословной обособленности крестьянъ. Комиссія въ такихъ словахъ описываетъ цѣнныя общественныя добродѣтели крестьянъ: „Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы, и, слѣдовательно, отъ началъ вѣчнаго порядка крестьяне болѣе чѣмъ представители какой-либо другой части населенія всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и, такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и без-

почвенныхъ теченій". Чтобы этотъ оплотъ попрежнему остался оплотомъ, комиссія признавала желательнымъ сохранять воспитаніе крестьянскаго сословія попрежнему въ неустанномъ упорномъ трудѣ, въ исконной однообразной обстановкѣ жизни и въ измѣнчивомъ успѣхѣ земледѣльческихъ работъ, естественно располагающемъ къ размышленіямъ о „началахъ высшаго порядка". Для достиженія этой цѣли сохраненіе и усугубленіе сословной обособленности крестьянъ является дѣйствительно однимъ изъ самыхъ надежныхъ средствъ. Но чтобы „понесенныя государствомъ весьма серьезныя жертвы для обезпечиванія крестьянскаго быта" являлись дѣйствительнымъ, несомнѣннымъ основаніемъ для выставляемаго комиссіей главнѣйшаго принципа проектируемыхъ ею мѣръ, то здѣсь уже позиція комиссіи является далеко не столь неуязвимой. Подъ серьезными жертвами, „понесенными" государствомъ въ пользу крестьянскаго населенія, подразумѣвались „жертвы", связанныя съ ходомъ нашей крестьянской выкупной операціи. Тѣ же, главнымъ образомъ, жертвы разумѣютъ у насъ и вообще всѣ, говорящіе о жертвахъ государства въ пользу крестьянъ. Весьма интересно поэтому нѣсколько внимательнѣе остановиться на вопросѣ о характерѣ и размѣрахъ этихъ жертвъ. Сдѣлать это тѣмъ болѣе интересно и кстати нетрудно, что въ настоящее время мы располагаемъ весьма цѣннымъ офиціальнымъ матеріаломъ для этой работы—именно опубликованнымъ въ матеріалахъ „особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности"—„общимъ балансомъ выкупной операціи". (См. „Народное Хозяйство", 1903 г., кн. 5). Чтобы оцѣнка данныхъ этого „общаго баланса" была для насъ яснѣе, цѣльнѣе и убѣдительнѣе, мы остановимся хотя бы въ самыхъ краткихъ словахъ и чертахъ на исторіи нашей крестьянской выкупной операціи. Извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сталъ принимать въ руководящихъ слояхъ русскаго общества сколько-нибудь опредѣленныя, ясныя формы,—отношеніе русскаго общества къ вопросу объ обезпеченіи крестьянъ землей при освобожденіи вылилось въ три глав-

нѣйшія формы. Одни изъ представителей помѣщичьяго сословія,—наиболѣе многочисленные,—такъ или иначе примиряясь съ мыслью о необходимости — рано или поздно — освобожденія крестьянъ, признавали наиболѣе желательной формой освобожденія ту форму, которая уже осуществилась или осуществлялась на Западѣ—форму совершенно безземельнаго освобожденія крестьянской массы. Эта форма хотя и лишала помѣщиковъ даровой рабочей силы, но зато обезпечивала ихъ той же силой наемной, дешевой, что при извѣстныхъ условіяхъ могло представляться и дѣйствительно представлялось даже болѣе удобнымъ и выгоднымъ для помѣщиковъ. Другіе признавали возможнымъ оставить за крестьянами хотя бы ихъ усадебную осѣдлость. Эта палліативная уступка въ пользу крестьянъ еще крѣпче, однако, привязала бы освобождаемыхъ безземельныхъ крестьянъ къ помѣщичьимъ хозяйствамъ. Наконецъ третьи, всегда находившіеся въ несомнѣнномъ меньшинствѣ, признавали долгомъ не только общечеловѣческой справедливости, но и актомъ государственной мудрости обезпечить освобожденныхъ крестьянъ землей, этимъ основнымъ для Россіи источникомъ народнаго труда, а слѣдовательно, народнаго и государственнаго богатства. Взглядъ меньшинства восторжествовалъ, благодаря солидарности съ нимъ руководителей эпохи великихъ реформъ.

Но такъ какъ настроеніе массы господствующаго класса при освобожденіи крестьянъ, несомнѣнно, было мало расположено къ взглядамъ и требованіямъ меньшинства, то реформа должна была неизбѣжно вылиться въ пестрыя компромиссныя формы, должна была сопровождаться цѣлымъ рядомъ колебаній, уступокъ въ пользу господствующихъ теченій, сплошь и рядомъ замаскировывавшихся въ самыя разнообразныя скрытыя формы и комбинаціи. Особенно важнымъ и существеннымъ для помѣщичьяго сословія представлялся вопросъ о формахъ выкупной операціи, легшей въ основу земельнаго освобожденія крестьянъ. Въ этомъ вопросѣ сходились наиболѣе чувствительные интересы помѣщиковъ—интересы матеріальные.

Послѣ того, какъ цѣлымъ рядомъ явныхъ и скрытыхъ комбинацій удалось выработать наименѣе безобидные размѣры крестьянскихъ надѣловъ, оставалось выработать еще наименѣе безобидные размѣры и формы оцѣнки этихъ надѣловъ— для установленія размѣровъ выкупныхъ платежей. Основой для этой оцѣнки послужили такъ называемые оброки крестьянъ, т.-е. тѣ платежи крестьянъ въ пользу помѣщиковъ за землю, которые установились къ началу освободительной реформы въ различныхъ земледѣльческихъ и неземледѣльческихъ районахъ Россіи. Само собою разумѣется, что эти платежи были весьма разнообразны по своимъ размѣрамъ, въ зависимости не только отъ общихъ экономическихъ условій отдѣльныхъ районовъ, но до извѣстной степени въ зависимости и отъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе случайныхъ условій—отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ имѣній и къ ея администраціи, отъ личныхъ свойствъ этихъ владѣльцевъ и администраціи и т. д. Понятно далѣе, что размѣры платежей оброковъ далеко не всегда соотвѣтствовали дѣйствительной цѣнности той земли, за которую они вносились: въ промышленныхъ, нечерноземныхъ губерніяхъ это несоотвѣтствіе выступало особенно рѣзко, такъ какъ помѣщики устанавливали оброки съ крестьянъ, сообразуясь съ общимъ размѣромъ заработковъ своихъ крестьянъ, хотя бы эти заработки получались не съ земли, а, напр., съ фабрично-заводскихъ, торговыхъ, отхожихъ и другихъ промысловъ. Понятно, наконецъ, что къ началу освободительной реформы, а иногда и задолго до этого начала, болѣе или менѣе предусмотрительные помѣщики, проникшись увѣренностью въ неизбѣжности освобожденія, всячески старались повысить размѣры крестьянскихъ платежей, а потому размѣры оброковъ, легшіе въ основу оцѣнки помѣщичьей земли при выкупной оцераціи, должны были еще болѣе возрасти, еще болѣе сдѣлаться несоотвѣтствующими дѣйствительной стоимости той земли, которая выкупалась крестьянами и которая должна была составить главнѣйшую основу ихъ труда, главнѣйшій источникъ ихъ матеріальнаго благосостоянія при новомъ свободномъ существованіи. Вотъ почему нельзя не согла-

ситься съ той общей оцѣнкой этой стороны выкупной операціи, какую даетъ проф. Л. Ходскій въ своемъ трудѣ „Земля и земледѣлецъ“ (т. II, стр. 28): „Обезпечивая за помѣщиками, взамѣнъ прежняго дарового труда или оброковъ, минимальный доходъ отъ имѣній въ формѣ обязательныхъ платежей крестьянъ за пользованіе землею, правительство заботилось, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы для помѣщиковъ въ экономическомъ отношеніи потеря дарового труда была наименѣе чувствительна. Эти соображенія, несомнѣнно, легли въ основаніе при опредѣленіи оброка на землю. Оброкъ хотя и былъ установленъ, по буквальному выраженію, за пользованіе надѣлами, но размѣръ его сообразовался не только съ различіемъ цѣнности и доходности земель въ разныхъ мѣстностяхъ, но также и съ тѣми заработками, какіе крестьяне получали съ неземледѣльческихъ промысловъ. Такимъ образомъ въ повинностяхъ и платежахъ крестьянъ за землю заключалось въ скрытомъ видѣ частью и вознагражденіе помѣщиковъ за потерю крѣпостного права“.

Таково основное условіе, таковъ основной принципъ финансовой стороны выкупной операціи, вполнѣ естественно поведшей за собой непосильное обремененіе свободныхъ крестьянъ платежами и накопленіе недоимокъ по выкупной операціи, вызвавшее и необходимость тѣхъ „жертвъ“ со стороны государства, о которыхъ такъ настойчиво говорили и говорятъ всѣ защитники идеи о неоплатности долговъ крестьянскаго населенія передъ государствомъ.

Выкупная операція представляла у насъ единственно возможный путь для осуществленія идеи освобожденія крестьянъ съ землей. О существованіи какихъ бы то ни было запасныхъ свободныхъ средствъ у огромной массы нашего крестьянскаго населенія въ періодъ освобожденія, конечно, не могло быть и рѣчи.

Если бы государство не пришло на помощь освобожденнымъ крестьянамъ съ долгосрочнымъ земельнымъ кредитомъ въ формѣ выкупной операціи, масса крестьянъ оказалась бы у насъ въ положеніи совершенно безземельнаго, безпомощнаго пролетаріата,—батрачество, и крѣпостное рабство смѣ-

нилось бы, можетъ-быть, еще болѣе горькимъ видомъ экономическаго рабства. Вотъ почему выкупная операція составляла и составляетъ существенное достоинство освободительной реформы. Недостаткомъ выкупной операціи, помимо высокой оцѣнки земель, была ея необязательность: до изданія закона 1881 года, установившаго съ 1 января 1883 года обязательный выкупъ для всѣхъ крестьянъ, остававшихся еще къ тому времени въ такъ назыв. временнообязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, выкупъ земель совершался, начиная съ 1861 г., только по добровольнымъ соглашеніямъ крестьянъ съ помѣщиками или же по требованію помѣщиковъ, хотя бы и безъ согласія на выкупъ самихъ крестьянъ.

Эта односторонность, конечно, вела къ тому, что помѣщики требовали выкупа тамъ, гдѣ оброки были слишкомъ высоки, гдѣ казенная оцѣнка земель поэтому была явно выгодна для помѣщиковъ, несмотря на то, что въ случаѣ такого односторонняго требованія выкупа помѣщикомъ онъ получалъ выкупную сумму не полностью, а только въ размѣрѣ 75—80% оцѣнки, лишаясь права на дополнительный платежъ, обычно существовавшій при добровольномъ соглашеніи съ крестьянами.

Выданная правительствомъ помѣщику оцѣночная стоимость выкупаемыхъ крестьянами земель переходила въ видѣ выкупного долга на крестьянъ, которые и обязывались уплачивать этотъ долгъ ежегодными взносами въ теченіе $49^1/_2$ лѣтъ въ размѣрѣ 6% выкупного долга; изъ этихъ 6% часть, именно $^1/_2$%, шла на покрытіе расходовъ по выкупной операціи, а $5^1/_2$%—на уплату процентовъ по выданнымъ помѣщикамъ процентнымъ бумагамъ и на погашеніе выкупного долга. „Временно обязанныя“ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, выражавшіяся въ платежѣ крестьянъ помѣщикамъ опредѣленныхъ оброковъ, съ заключеніемъ выкупной сдѣлки прекращались.

Понятно, что если бы условія выкупа были не выгодны для помѣщиковъ, то при необязательности выкупа освобожденіе крестьянъ отъ „временно обязанныхъ“ отношеній заставило бы ждать себя очень долго. Благодаря же выгодно-

сти выкупной операціи для помѣщиковъ, отчасти еще и благодаря несомнѣнной и острой нуждѣ помѣщиковъ въ деньгахъ, наступившей при новыхъ условіяхъ веденія хозяйства, которое и къ 1861 году къ тому же было уже обременено значительными долгами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, выкупныя сдѣлки пошли сразу очень быстро, и къ 1864 году изъ всего числа бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ приступило къ выкупу 16,7%. При чемъ, какъ и слѣдовало ожидать, большая часть выкупныхъ сдѣлокъ заключалась по одностороннимъ требованіямъ помѣщиковъ: до 1877 г. только 35% сдѣлокъ было заключено по взаимному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками, остальные же 65% по одностороннему требованію помѣщиковъ.

Конечно, можно отмѣтить, что въ Западномъ краѣ (девять губерній юго-западныя и сѣверо-западныя), въ силу чисто политическихъ событій и соображеній выкупъ земель крестьянами у помѣщиковъ уже въ 1863 году сдѣланъ былъ обязательнымъ. Такъ что изъ 27.828 сдѣлокъ, утвержденныхъ въ этомъ краѣ къ 1892 году, только 817 было заключено по добровольному соглашенію, остальныя же—по обязательному выкупу. Всего выкуплено было здѣсь къ указанному сроку 10.146.265 десятинъ, на сумму (выкупная ссуда) 183.758.186 руб., при числѣ ревизскихъ душъ 2.514.145. Размѣръ душевого участка здѣсь былъ около $3^3/_4$ дес., стоимость десятины около 17 руб. [1]).

Что же касается тѣхъ мѣстностей, гдѣ выкупъ совершался на общемъ основаніи положенія 19 февраля 1861 года и закона 1881 года объ обязательномъ выкупѣ, то тамъ къ 1892 году было утверждено всего 92.893 сдѣлки, изъ нихъ по добровольному соглашенію—24.133 сдѣлки: всего выкупная ссуда—702.582.564 руб. за 22.735.296 дес., при числѣ ревизскихъ душъ 6.624.869; стоимость десятины около 30 руб.

---

[1]) Такая относительно низкая оцѣнка земли въ Западномъ краѣ при „обязательномъ“ выкупѣ, очевидно, объясняется „политическимъ“ характеромъ обязательности (для помѣщиковъ-поляковъ) выкупа въ этомъ краѣ.

Государственные и удѣльные крестьяне находились нѣсколько въ лучшемъ положеніи, чѣмъ помѣщичьи, такъ какъ для нихъ обязательный выкупъ былъ установленъ еще въ 1863 году, съ разсрочкой платежей на 49 лѣтъ и съ нѣсколько болѣе выгодной оцѣнкой земель, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ коренныхъ губерній.

Закончиться выкупная операція въ Россіи должна бы была, такимъ образомъ, къ 1910—1932 гг., если бы впослѣдствіи не примѣнены были пересрочки выкупныхъ платежей на болѣе отдаленные сроки, въ виду неизбѣжно и очень рано начавшагося накопленія недоимокъ по выкупнымъ платежамъ.

Эти недоимки составляли самое больное мѣсто въ нашей выкупной операціи, тѣмъ болѣе больное, что операція эта въ сущности всегда была не только неубыточной, но даже и выгодной для государственнаго казначейства. Такъ, въ первыя двадцать лѣтъ, до 1881 года, выкупная операція дала прибыли около 40 милл., хотя недоимокъ по операціи за это время накопилось 16—17 милл. руб. Съ 1881 г. по 1894 г. операція дала убытокъ; съ 1895 по 1901 г. опять прибыль, а въ общемъ за время съ 1861 по 1895 г. „въ распоряженіе правительства поступило 61.863.861 руб. 87 коп., обращенныхъ на общегосударственныя нужды“ („Общій балансъ выкупной операціи“. „Народное Хозяйство“, 1903, кн. 5). Общій размѣръ выкупныхъ ссудъ, назначенныхъ къ выдачѣ помѣщикамъ, къ 1 января 1902 г. составлялъ 902.760.244 руб.

И вотъ отъ всей этой громадной финансовой операціи правительство получило къ 1902 г. почти 62 милл. прибыли, несмотря на то, что въ это время общая стоимость различныхъ льготъ крестьянамъ по выкупнымъ платежамъ въ формѣ уменьшенія выкупного долга и сложенія недоимки, произведеннаго въ различное время, начиная съ 1881 г., составляла, по подсчетамъ „общаго баланса“, 293.513.318 руб.

Кромѣ того, согласно тому же „общему балансу“, истинная прибыль правительства отъ выкупной операціи значительно выше указанной раньше суммы (62 милл. руб.), такъ какъ, „получая избытокъ дохода, правительство могло пога-

сить часть своихъ обязательствъ и освободиться отъ уплаты по нимъ процентовъ". Если принять это во вниманіе, то, говоритъ „общій балансъ", истинная прибыль отъ выкупной операціи къ 1 января 1902 г. опредѣляется въ суммѣ около 262.398.350 руб. Если бы правительство не уменьшило бремени выкупныхъ платежей на ту сумму, на какую оно ее уменьшило, т.-е. на 293,5 милл. руб., то прибыль выкупной операціи опредѣлялась бы теперь въ огромную сумму (въ 555 милл. руб.). Съ тѣми же „жертвами", какія оказало правительство крестьянскому населенію, обремененному выкупными платежами, прибыль выкупной операціи все же опредѣляется весьма крупной суммой—больше 262 милл. руб.

Можно ли при указанныхъ условіяхъ говорить о „жертвахъ" въ пользу крестьянскаго населенія, несущаго на себѣ выкупные платежи? „Кромѣ того,—говоритъ профес. Л. Ходскій (ibid., стр. 12),—по ст. 143 полож. о выкупѣ государственное казначейство не могло обращать этихъ суммъ (т.-е. прибылей отъ выкупной операціи) на общебюджетныя нужды: онѣ должны были итти исключительно на нужды выкупной операціи, въ ея запасной капиталъ. Отсюда, по смыслу 143 ст., разъ выкупная операція стала давать значительную прибыль, то пониженіе выкупныхъ платежей являлось не „жертвою" правительства, а его обязанностью, съ исполненіемъ которой оно лишь нѣсколько запоздало".

Возникалъ вопросъ, не можетъ ли выкупная операція дать еще убытковъ на будущее время, до конца ея срока, т.-е. до 1956 г. (если бы не было дальнѣйшихъ отсрочекъ и пересрочекъ). И вотъ, по расчетамъ составителей „общаго баланса", оказывается, что выкупная операція въ періодъ 1902—1956 гг. должна была дать государственному казначейству прибыль въ суммѣ 25.654.117 руб., если включать сборъ 5-проц. налога по выкупнымъ платежамъ; если же въ доходъ выкупной операціи этого сбора не включать, то получился бы убытокъ въ 49.153.865 руб.

Такимъ образомъ финансовыя вычисленія, продленныя до 1956 г., нѣсколько ослабляютъ чрезвычайную выгодность выкупной операціи для казны, хотя при этомъ даютъ вполнѣ

успокоительные результаты, не позволяющіе говорить о какихъ бы то ни было жертвахъ, если даже принимать сдѣланный учетъ прибылей и убытковъ выкупной операціи въ „общемъ балансѣ“ безъ всякихъ оговорокъ (ibid). По мнѣнію профессора Ходскаго, прибыль выкупной операціи къ 1956 г., принимая во вниманіе хотя бы возможность пониженія процента платежей по правительственнымъ займамъ только съ 4 проц. на $3^1/_2$ проц., должна быть значительно выше той, какую предполагаетъ „общій балансъ“.

Такимъ образомъ опасность дальнѣйшихъ нѣкоторыхъ „жертвъ“ въ пользу крестьянскаго населенія, несшаго еще выкупные платежи, была совершенно проблематичной. Но вмѣсто прямыхъ „жертвъ“, въ послѣднее время наша финансовая политика, къ сожалѣнію, избрала другой, окольный путь—путь отсрочекъ и пересрочекъ выкупныхъ платежей, благодаря чему, по выраженію профессора Ходскаго, „недоимки превращаются въ финансовый рессурсъ для будущихъ поколѣній финансовыхъ дѣятелей“.

Въ 1894 г. числилось срочныхъ недоимокъ 29.623,3 тыс. руб., а разсроченныхъ и отсроченныхъ—только 714,9 тыс. руб. Но съ изданіемъ законовъ 13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г.—о пересрочкѣ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ на сроки, больше установленнаго 49-лѣтняго срока, съ обращеніемъ этихъ недоимокъ въ капитальный долгъ, картина рѣзко измѣняется въ обратную сторону, и къ 1901 г. срочныхъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ у насъ оказывается уже только 3.234,9 тыс. руб., но зато разсроченныхъ и отсроченныхъ—36.754,9 тыс. руб., т.-е. и абсолютная выкупная недоимка возросла и относительная „льготная“, разсроченная, будетъ служить только источникомъ дальнѣйшаго увеличенія выкупного бремени.

Истинные интересы крестьянъ требовали возможно болѣе скораго окончанія выкупа, а не откладыванія его на дальнѣйшіе сроки.

Такъ какъ въ порядкѣ времени утвержденія выкупныхъ сдѣлокъ сроки выкупа начинали заканчиваться съ 1911 г., то съ этихъ поръ окладъ выкупныхъ платежей (составляв-

шій по смѣтѣ государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1904 г. 86.164.300 руб.), долженъ бы съ каждымъ годомъ сокращаться. Въ 1916 г. для половины крестьянъ эти платежи должны были прекратиться. Къ 1932 г., если бы не пересрочки и не отсрочки, почти всѣ бывшіе помѣщичьи, а также государственные крестьяне были бы совершенно свободны отъ выкупныхъ платежей.

И понятно, что въ этомъ былъ прямой очевидный интересъ крестьянъ, отлично ими понимаемый.

Если крестьяне, подъ вліяніемъ нужды, соглашались на отсрочки и пересрочки, то въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего утѣшительнаго. А между тѣмъ идея отсрочекъ и пересрочекъ порождала другую идею, еще болѣе опасную съ точки зрѣнія интересовъ крестьянъ, а именно—идею о превращеніи выкупныхъ платежей, опредѣленныхъ и срочныхъ по самому существу своему, въ платежи постоянные, безсрочные, хотя бы и уменьшенные, по сравненію съ нынѣшними выкупными платежами. Среди нашихъ финансистовъ уже начинало встрѣчаться отожествленіе выкупныхъ платежей съ обыкновенными налогами, а между тѣмъ „обнаруживающаяся теперь тенденція и привычка трактовать выкупные платежи, какъ налогъ, можетъ, въ концѣ-концовъ, все переиначить и въ этомъ смыслѣ представляетъ большую опасность.

„Представимъ себѣ, что правительство, понизивъ еще выкупные платежи, превратило бы ихъ въ налогъ, хотя и меньшій, чѣмъ выкупные платежи. Крестьяне какъ будто выиграли бы отъ этого; но если свойство всякихъ выкупныхъ платежей—ихъ срочность, то свойство налога—безсрочность и возрастаніе. Въ минуты финансовой нужды (а когда ея не бываетъ?) найти поводы для повышенія налоговъ гораздо легче, чѣмъ для пониженія. Кто поручится, что пониженіе выкупныхъ платежей, съ превращеніемъ ихъ въ налогъ, гарантируетъ послѣдній отъ дальнѣйшаго возрастанія“? (ibid, стр. 21).

Такъ формулировалъ проф. Ходскій опасность, связанную съ практикой отсрочекъ и пересрочекъ выкупныхъ платежей, и заканчивалъ разсмотрѣніе этой стороны такими сло-

вами: „по изложеннымъ соображеніямъ, облегченія податного бремени, падающаго на крестьянское населеніе, слѣдовало бы стремиться достигнуть прежде всего путемъ смягченія косвенныхъ налоговъ и болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ на всѣ классы населенія мѣстныхъ расходовъ (мірскихъ сборовъ, земскихъ).

„Что же касается собственно выкупныхъ платежей, то сложеніе части ихъ необходимо лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они не соотвѣтствуютъ среднимъ арендным платамъ за частновладѣльческія земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ весь могущій оказаться чистый доходъ отъ выкупной операціи было бы справедливо и цѣлесообразно обратить въ спеціальный фондъ для содѣйствія малоземельнымъ крестьянскимъ обществамъ въ пріобрѣтеніи новыхъ земель, для облегченія устройства переселенцевъ и т. п. При такомъ рѣшеніи вопроса о выкупныхъ платежахъ, выкупная операція внутренно свяжется съ современной организаціей долгосрочнаго крестьянскаго кредита, а крестьянскій поземельный банкъ сдѣлается естественнымъ наслѣдникомъ и продолжателемъ прежняго „главнаго выкупного учрежденія“.

Таковы были заключенія проф. Ходскаго.

Если же принять во вниманіе, что окладъ выкупныхъ платежей въ 1904 г. составлялъ болѣе 86 милл. руб., между тѣмъ, какъ весь непогашенный выкупной долгъ на 1 января 1902 г. составлялъ только 413.951.498 руб. (ibid, стр. 14), т.-е. выкупные платежи въ 1904 г. составляли болѣе 20 проц. непогашеннаго выкупного долга; если припомнить далѣе, что то же крестьянское населеніе несетъ на себѣ и всю тяжесть косвенныхъ налоговъ—главнѣйшаго источника общихъ государственныхъ доходовъ, то полнѣйшая справедливость, желательность и даже необходимость еще болѣе рѣшительныхъ уступокъ въ пользу крестьянскихъ интересовъ въ ходѣ нашей выкупной операціи являлась совершенно очевидной, и состоявшаяся уже отмѣна выкупныхъ платежей является поэтому только актомъ простой государственной справедливости.

Мы такъ подробно остановились на выкупныхъ платежахъ потому, что они представляли не только одну изъ крупнѣйшихъ статей въ нашихъ прямыхъ налогахъ и платежахъ за соотвѣтственный періодъ времени, но и одно изъ характернѣйшихъ явленій въ исторіи нашего податного дѣла, тѣсно связанное съ общимъ характеромъ политики государства.

Обратимся, однако, къ дальнѣйшему разсмотрѣнію данныхъ, характеризующихъ развитіе нашей податной политики.

Роль прямыхъ налоговъ въ нашемъ бюджетѣ въ послѣдней четверти девятнадцатаго столѣтія характеризуется слѣдующими цифрами (милл. руб.):

	1880	1887	1894	1900	1901	1902
1. Налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати:						
a) Госуд. поземельный налогъ и подати.	108,3	34,3	37,2	33,3	31,9	49,8
b) Городскія недвижимыя имущества	4,1	6,3	7,7	8,8	8,3	
c) Квартирный налогъ . .	—	—	2,6	3,9	4,4	
2. Государ. промысловый налогъ	15,3	28,9	42,2	69,8	68,8	65,9
3. Сборъ съ денежныхъ капиталовъ	—	11,7	12,1	16,1	17,4	17,3
Итого . .	127,7	81,2	102,0	131,9	130,9	133,0
Выкупные платежи. .	6,4	92,0	92,8	96,3	90,0	89,7

Рѣзкое пониженіе цифры „поземельнаго налога и податей“, начиная съ 1880 г., объясняется, конечно, отмѣной подушной подати, дававшей главную массу поступленій по этимъ статьямъ.

Данныя этой таблицы чрезвычайно характерны для русской податной политики: быстрый, относительно, ростъ промысловаго налога, сбора съ капиталовъ, квартирнаго налога

и съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ указываетъ на то, что податная политика—центръ тяжести прямыхъ налоговъ перенесла, главнымъ образомъ, на торгово-промышленный городской классъ населенія, въ виду трудности или невозможности перенести этотъ центръ тяжести на сельское населеніе, на землевладѣніе.

Въ 1901 г. болѣе 75% прямыхъ налоговъ (131 милл. руб.) упадало на торгово-промышленный городской классъ.

Но ростъ этого класса, какъ извѣстно, совершался въ значительной степени за счетъ сельскаго населенія, такъ какъ поддержка промышленности и городовъ государствомъ носила чисто искусственный характеръ и перекачивала часть средствъ сельскаго населенія въ промышленность и въ города. При такомъ направленіи податной политики и обложеніе торгово-промышленнаго городского класса, конечно, не можетъ являться прочнымъ базисомъ, надежнымъ источникомъ средствъ для удовлетворенія растущихъ потребностей государства.

Что касается прямыхъ налоговъ, упадавшихъ на сельское населеніе, то въ пользу казны приходилось, къ концу XIX столѣтія, только около 10 милл. поземельнаго налога (съ сельскаго населенія Европейской Россіи и около 23 милл. съ сельскаго населенія Польши, Кавказа и Сибири); выкупные платежи, въ суммѣ около 90 милл. въ годъ, являлись собственно не налогомъ, а своего рода арендной платой за отчужденныя въ пользу крестьянъ земли; далѣе земскія повинности съ сельскаго населенія составляли около 54 милл. руб., и общинныя повинности—около 46 милл. руб. Общій итогъ прямыхъ налоговъ и платежей съ сельскаго населенія составлялъ, такимъ образомъ, около 200 милл. руб. въ годъ. Сумма эта, несмотря на относительную ея невысоту по сравненію съ суммой прямыхъ налоговъ, упадавшихъ на менѣе численное городское населеніе, является, однако, весьма обременительной для сельскаго населенія, что видно уже хотя бы изъ огромныхъ размѣровъ недоимокъ, достигавшихъ къ тому же времени 150 милл. руб. Если мы припомнимъ при этомъ, что изъ общей суммы косвенныхъ налоговъ на долю сель-

скаго населенія падаетъ около 300 милл. руб., то общее обремененіе сельскаго населенія налогами и платежами станетъ для насъ вполнѣ очевиднымъ.

(Ростъ и прямыхъ и косвенныхъ налоговъ за послѣдніе годы, съ 1902 по 1907 г., представленъ въ таблицѣ въ приложеніи къ книгѣ.)

За тотъ же періодъ, съ 1880 по 1902 г., ростъ косвенныхъ налоговъ представленъ въ общей таблицѣ, приведенной выше (стр. 172).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что общее увеличеніе косвенныхъ налоговъ за время съ 1880 по 1901 г. составляетъ 335,9 милл. руб. (съ 350,7 милл. руб. въ 1880 г. до 686,6 милл. руб. въ 1901 г.). Это возрастаніе продолжается, конечно, и въ слѣдующіе годы, хотя введеніе винной монополіи и отнесеніе доходовъ отъ этой монополіи въ отдѣлъ государственныхъ регалій формально нѣсколько измѣняетъ картину. Въ 1902 г., напр., общій доходъ по отдѣлу косвенныхъ налоговъ составлялъ 428,5 милл. руб. Но къ этому же отдѣлу по существу слѣдовало прибавить и доходъ отъ казенной винной операціи, отнесенной въ отдѣлъ правительственныхъ регалій и составлявшійся въ 1902 г. 484,5 милл. руб. Увеличеніе косвенныхъ налоговъ въ 1902 г. по сравненію съ 1901 г. (686,6 милл. руб.) получилось, такимъ образомъ, огромное—на 226,4 милл. руб. за одинъ годъ.

Какъ быстро росли отдѣльные виды косвенныхъ налоговъ, показываетъ сравненіе хотя бы, напр., доходовъ отъ табака и сахара въ 1880 г.—всего 17,9 милл. руб. и въ 1902 г.—126,7 милл. руб., т.-е. почти въ восемь разъ. Конечно, этотъ быстрый ростъ доходовъ стоялъ въ связи съ быстрымъ же ростомъ потребленія соотвѣтственныхъ продуктовъ. Но съ другой стороны совершенно очевидно, что развитіе косвеннаго обложенія за счетъ прямого составляло систему, основу податной политики того времени, остающуюся въ силѣ и до послѣднихъ дней. Уже Бунге, взамѣнъ подушной подати, долженъ былъ ввести или поднять цѣлый рядъ налоговъ — сахарный, промысловый, съ капиталовъ, на вексельную бумагу и т. д. Та же политика, въ еще болѣе рѣзкой формѣ, про-

водилась и Вышнеградскимъ (1887—1892 гг.), пока голодный 1891 г. не обнаружилъ всей гибельности этой политики. Но и этотъ годъ нисколько не удержалъ преемника Вышнеградскаго—Витте (1892—1903 г.) отъ продолженія въ сущности той же политики: хотя Витте ввелъ даже новый видъ прямыхъ налоговъ—квартирный налогъ (1893 г.), но центръ тяжести и въ его податной политикѣ покоился, конечно, на косвенныхъ налогахъ, которымъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1897 г., Витте занечатлѣлъ цѣлый панегирикъ. Суть этого панегирика, однако, сводилась только къ необыкновенному „удобству" косвенныхъ налоговъ въ техническомъ отношеніи. Идея, конечно, не новая и въ исторіи русской податной политики.

Крупнѣйшимъ видомъ косвенныхъ доходовъ въ нашемъ бюджетѣ является, конечно, доходъ со спиртныхъ напитковъ, дающій около четвертой части всѣхъ нашихъ обыкновенныхъ доходовъ. Ростъ дохода со спиртныхъ напитковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (милл. руб.):

	1880	1887	1895	1899	1900	1901	1902
Доходъ съ питей . .	223,3	257,7	298,2	310,3	316,8	312,9	316
Винная монополія .	—	—	10,8	110,7	117,9	163,4	207
Итого. .	223,3	257,7	309,0	421,0	434,7	476,3	523

(Доходъ съ питей въ 1901 г. составлялся изъ слѣдующихъ частей: спирта и водки—291,5 милл. руб.; пиво и медъ—11,5 милл. руб.; другіе—5,4 милл. руб.; съ патентовъ—4,5 милл. руб.).

Выборъ системы обложенія спиртныхъ напитковъ у насъ подвергался цѣлому ряду измѣненій. До 60-хъ годовъ XIX столѣтія преобладала система откуповъ, хотя въ 1817—1824 гг. были попытки ввести монополію. Съ 60 годовъ господствуетъ акцизная система, и съ 1895 г. снова выступаетъ на сцену монополія.

Въ задачу нашихъ краткихъ очерковъ, конечно, не входитъ полная оцѣнка всѣхъ этихъ системъ, и мы ограничимся лишь самыми общими данными, касающимися притомъ исключительно финансовой стороны вопроса.

Послѣ отмѣны откуповъ, въ 1863 г., введенъ былъ акцизъ въ размѣрѣ 4 руб. на ведро чистаго спирта. Уже въ слѣдующемъ году акцизъ былъ повышенъ до 5 руб., и ко времени введенія монополіи акцизъ уже достигалъ 10 руб. на ведро. Повышеніе доходовъ со спиртныхъ напитковъ обусловливалось, такимъ образомъ, въ гораздо большей степени повышеніемъ обложенія, чѣмъ ростомъ потребленія. Введеніе монополіи по существу мотивировалось, конечно, не „моральными" соображеніями руководителей податной политики, а соображеніями чисто фискальными,—надеждой извлечь изъ населенія при монополіи больше доходовъ отъ спиртныхъ напитковъ, чѣмъ ихъ извлекалось при акцизной системѣ.

Чистый доходъ отъ правительственной монополіи, согласно отчетамъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, представляется въ слѣдующемъ видѣ (милл. руб.):

	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901
Валовой доходъ. . . .	11,5	29,7	53,5	103,4	111,4	119,1	166,4
„ расходъ . . .	6,8	20,0	38,5	71,1	74,0	82,3	113,6
Чистый доходъ	4,7	9,7	15,0	32,3	37,4	36,8	52,8

Акцизъ въ эти суммы не входитъ. Но здѣсь не подсчитаны съ другой стороны предварительные расходы казны на введеніе монополіи, составлявшіе въ періодъ 1895—1901 гг. 120,7 милл. руб. и другіе—чрезвычайные расходы государственнаго казначейства на тотъ же предметъ—около 26 милл. руб. Если принять во вниманіе и эти расходы, то чистый доходъ отъ монополіи за 1895—1901 гг., согласно расчетомъ Кашкарова, составляетъ всего 1,7 милл. руб. Далѣе необходимо принимать во вниманіе и увеличеніе общихъ расходовъ по управленію акцизнымъ вѣдомствомъ въ связи съ введеніемъ монополіи, а также процентъ на капиталъ, вложенный въ монополію въ видѣ построекъ, и т. п. Только такіе расчеты могутъ дать истинную картину доходности монополіи. Эта задача въ наши очерки, однако, не входитъ.

Коснемся еще роста доходовъ по другимъ отдѣламъ бюджета (въ милл. руб.):

	1880	1887	1894	1900	1901	1902
Отдѣлъ IV.						
Правительственныя регаліи.						
Горный доходъ	0,4	2,1	3,8	4,7	4,4	2,7
Монетный »	4,7	0,3	0,5	4,2	3,2	3,6
Почтовый »	13,8	17.3	23,8	30,3	32,1	34,4
Телеграфный и телефонный доходъ	7.7	9,7	13.2	19,7	20,2	20,4
Монополія	—	—	—	117,9	163,4	484,5
ИТОГО . . .	26.6	29.4	41.3	176.8	223,4	545.8
Отдѣлъ V.						
Казенные имущества и капиталы.						
Оброчныя статьи и промыслы .	10.4	11.9	14.3	20,8	25,7	25,2
Лѣсной доходъ	14.3	13.5	25.9	55,7	26,7	58,2
Казенныя желѣзныя дороги. .	0.2	18,3	116,0	361,7	378,6	407,9
Казенные заводы, склады и т. п.	10.2	9.9	9,9	16,0	16,3	13,6
Отъ казенныхъ капиталовъ и банковыхъ операцій	5.8	16.6	7,0	16,0	13,0	17,1
Отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ	2.1	3,8	6,8	3,3	3,5	1,5
ИТОГО . . .	43.3	74.0	179,9	473,5	493,8	523,7

Въ этихъ цифрахъ прежде всего бросается въ глаза быстрый ростъ общихъ суммъ доходовъ—съ 26,6 милл. руб. до 545,8 милл. руб. по четвертому отдѣлу, и съ 43,3 милл. руб. до 523,7 милл. руб. по пятому отдѣлу росписи за періодъ 1880—1902 гг. Этотъ быстрый ростъ, конечно, фиктивный: онъ вызванъ включеніемъ въ роспись огромныхъ оборотныхъ суммъ по винной монополіи и по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. Изъ другихъ статей наиболѣе крупное и быстрое

увеличеніе дали государственные лѣса; вопросъ только—почему, отъ нормальнаго ли роста ихъ доходности или отъ роста ихъ распродажи, ихъ расхищенія. Аналогичный вопросъ мы можемъ поставить и по отношенію къ доходамъ отъ почты и телеграфа: соотвѣтствуетъ ли увеличенію доходовъ отъ нихъ улучшеніе въ постановкѣ дѣла и въ бытѣ служащихъ?

Что касается желѣзнодорожнаго хозяйства казны, то общіе результаты этого хозяйства мало утѣшительны. Склонность бюрократическаго государства брать въ свои руки такія крупныя отрасли хозяйства, какъ желѣзныя дороги или винная монополія, не оправдывается результатами бюрократическаго хозяйничанья.

Общіе результаты нашего желѣзнодорожнаго хозяйства представляются въ слѣдующемъ видѣ (милл. руб.):

ГОДЫ.	ДОХОДЫ.			РАСХОДЫ.						ИТОГЪ.
	Казенныя дороги.	Платежи частныхъ дорогъ.	Всего.	Казенныя дороги.	Желѣзнод. займы.	Приплаты по гарантіи ч. дор.	Усиленіе и улуч. дорогъ.	Разные расходы.	Всего.	Доходы больше (+) или меньше (—) расходовъ.
1892	74,4	36,7	111,1	50,2	73,1	18,5	—	3,6	145,4	—34,3
1893	85,1	34,6	119,7	57,0	79,1	14,5	—	3,7	154,3	34,6
1894	116,0	39,5	155,5	78,1	88,4	14,0	—	3,4	183,9	—28,5
1895	194,7	23,0	217,7	125,5	109,6	3,4	12,5	4,4	255,4	—37,7
1896	293,3	19,1	312,4	150,3	113,1	2,8	21,2	5,2	292,6	+19,7
1897	277,8	15,3	293,1	173,4	113,0	3,7	25,8	5,6	321,5	—28,4
1898	348,2	14,8	363,0	192,8	114,6	1,3	41,0	6,0	355,7	+7,3
1899	347,5	10,7	358,2	212,2	117,3	1,0	43,8	6,2	380,5	—22,3
1900	361,7	12,2	373,0	237,1	117,4	5,8	45,9	6,8	413,0	—39,1
1901	378,6	14,4	393,0	269,3	126,1	2,1	84,0	6,8	487,4	—94,4
1902	407,9	9,1	417,0	307,5	128,8	6,1	100,8	3,3	545,6	—129,6

Бюджетъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ вноситъ путаницу въ общій бюджетъ государства и создаетъ его неуравновѣшенность. Въ 1892 году бюджетъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ составлялъ только 7,72% обыкновенныхъ доходовъ, а въ 1901 году—уже 21,04%. За восемь лѣтъ (1894—1901) валовой доходъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ превзошелъ предположенную ихъ сумму на 247 милл. руб. Съ другой стороны и колебанія въ расходахъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ, создаютъ неустойчивость и неуравновѣшенность въ бюджетѣ. Отнесеніе расходовъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ на различныя вѣдомства затрудняетъ общій финансовый обзоръ желѣзнодорожнаго хозяйства.

Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, желѣзнодорожное хозяйство казны въ общемъ даетъ довольно крупные убытки, достигшіе за одиннадцать лѣтъ (1892—1902) болѣе 400 милл. руб. Правда, эта сумма не является чистымъ дефицитомъ, такъ какъ въ нее вошли и затраты на оборудованіе и улучшеніе дорогъ. Но и при тѣхъ способахъ исчисленій, какіе приняты казной, наши казенныя желѣзныя дороги все же даютъ дефицитъ, а не прибыль, особенно, если принять во вниманіе, что, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ, приведенныхъ въ таблицѣ, на казенныя желѣзныя дороги производились значительныя затраты и изъ чрезвычайнаго бюджета. Эти затраты составляли въ періодъ 1892—1901 гг. около 120 милл. руб. ежегодно. Такимъ образомъ въ общемъ желѣзнодорожное хозяйство казны не только не даетъ тѣхъ выгодъ, на какія разсчитывала казна, но является серьезнымъ бременемъ для бюджета.

На внутреннемъ характерѣ бюрократическаго желѣзнодорожнаго хозяйства казны мы здѣсь останавливаться не имѣемъ возможности. Но отмѣтимъ хотя бы одну характерную черту этого хозяйства—отсутствіе всякой заботливости объ интересахъ массы населенія, бѣднѣйшей его части. Эта черта рельефно сказывается, между прочимъ, въ вопросѣ о тарифахъ въ пассажирскомъ движеніи. Невольно припоминается при этомъ обсужденіе этого вопроса въ „особомъ совѣщаніи

о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности"—въ ноябрѣ 1903 года. Тогда былъ поднятъ вопросъ о четвертомъ классѣ желѣзныхъ дорогъ, имѣющій такое существенное значеніе для передвиженія сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

„Обратясь къ обсужденію вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ пожеланія мѣстныхъ комитетовъ о пониженіи существующаго тарифа на перевозку рабочихъ могли бы быть удовлетворены, совѣщаніе остановилось на мысли, что къ вопросу этому подлежитъ отнестись *съ большою осторожностью (!)*, какъ въ виду обратившаго на себя въ послѣднее время *вниманіе правительства уменьшенія доходности русской сѣти желѣзныхъ дорогъ,* такъ и потому, что пониженіе тарифовъ, идущее далѣе извѣстныхъ предѣловъ, могло бы явиться искусственнымъ поощреніемъ отхода, т.-е. мѣрою, нежелательность которой уже признана совѣщаніемъ" („Торгово-Пром. Газета", 21 дек. 1903 г.).

Особое совѣщаніе проявило такимъ образомъ заботливость не объ уменьшеніи расходовъ рабочихъ на переѣзды, а о томъ, какъ бы не развить въ рабочихъ легкомыслія и, кромѣ того, какъ бы не причинить казнѣ убытковъ пониженіемъ тарифа для рабочихъ—въ виду „обратившаго на себя вниманіе правительства уменьшенія доходности русской сѣти желѣзныхъ дорогъ".

Заботливость чрезвычайно характерная и поучительная, особенно въ виду тутъ же приводимой справки департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, изъ которыхъ видно, что въ настоящее время желѣзныя дороги получаютъ съ пассажира и версты, если принять въ расчетъ при вычисленіяхъ не только расходъ по эксплуатаціи, но и проценты и погашеніе по капиталамъ: въ первомъ классѣ—*убытокъ* въ 4,59 коп.; во второмъ классѣ—*убытокъ* въ 0,50 коп.; въ третьемъ классѣ—*прибыль* въ 0,08 коп. и въ четвертомъ классѣ—*прибыль* въ 0,27 коп.! Т.-е. *самымъ прибыльнымъ для нашихъ желѣзныхъ дорогъ является четвертый классъ!* А почему? Да, конечно, потому, что этотъ классъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ держится въ самомъ черномъ тѣлѣ, сплошь и рядомъ приближаясь къ вагонамъ товарнымъ и скотнымъ, которые второпяхъ, какъ

бы въ погонѣ за +0,27 коп. на версту пассажира, и передѣлываются въ пассажирскіе вагоны четвертаго класса.

Правда, совѣщаніе, въ концѣ-концовъ, „полагало предоставить управляющему Министерствомъ Финансовъ установить новый пониженный тарифъ для перевозки рабочихъ на одобренныхъ совѣщаніемъ основаніяхъ“, несмотря на то, что министръ путей сообщенія выразилъ при этомъ сомнѣніе, „не приведетъ ли проектированное пониженіе тарифа къ уменьшенію дохода желѣзныхъ дорогъ вслѣдствіе перехода пассажировъ третьяго класса въ четвертый“...

Сомнѣніе явно неосновательное, такъ какъ четвертый классъ, по даннымъ самой же казны, доходнѣе третьяго. Но характерно для министра, что интересы фиска онъ открыто ставилъ выше интересовъ населенія, не говоря уже о томъ, что съ практической точки зрѣнія расчеты министра были совершенно неосновательны. Характерно и то, что на явную и крупную убыточность второго и особенно перваго класса нашихъ пассажирскихъ поѣздовъ и въ совѣщаніи вниманія не обращали.

Конечно, пожеланія совѣщанія въ сущности и до сихъ поръ остались только пожеланіями: первый классъ нашихъ пассажирскихъ поѣздовъ катается за счетъ казны, т.-е. за счетъ массы населенія, пустымъ, въ угоду небольшой кучкѣ богатыхъ пассажировъ, а четвертый попрежнему остается въ видѣ товарныхъ и скотскихъ вагоновъ, еле приспособленныхъ для черной невзыскательной публики. Такое отношеніе къ интересамъ пассажировъ чрезвычайно характерно для бюрократіи.

Приведенныхъ нами данныхъ достаточно для общей бѣглой характеристики податной политики Россіи какъ въ до-реформенный, такъ и въ послѣ-реформенный періодъ, когда измѣнившійся—изъ натуральнаго въ денежный—характеръ народнаго хозяйства долженъ былъ повлечь за собой и соотвѣтственныя измѣненія въ финансовомъ хозяйствѣ государства, въ его бюджетной и податной политикѣ.

Положеніе государства оказалось не изъ блестящихъ. Потребности государства, въ связи съ реформами, въ связи

съ ростомъ потребностей въ другихъ государствахъ, находившихся, однако, въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, росли чрезвычайно быстро; развитіе же производительныхъ силъ страны шло чрезвычайно медленно. Процентовъ 90—85 населенія попрежнему оставалось занятымъ, главнымъ образомъ, въ земледѣліи, въ сельскомъ хозяйствѣ, прогрессировавшемъ чрезвычайно медленно, а между тѣмъ вся тяжесть налоговъ и податей попрежнему же оставалась на этомъ, земледѣльческомъ населеніи. Если раньше на немъ лежали еще болѣе тяжелые въ техническомъ отношеніи прямые налоги, то теперь на него легли технически болѣе усовершенствованные, но мало чѣмъ болѣе легкіе косвенные налоги. Понятно, что и государство, въ свою очередь, оказалось въ зависимости отъ условій хозяйства этой основной, земледѣльческой массы населенія, плательщиковъ. До какой степени русскій бюджетъ, т.-е., главнымъ образомъ, доходъ отъ косвенныхъ налоговъ, находится въ зависимости отъ „благополучія“ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, показываютъ офиціальныя данныя за любой „урожайный“ годъ. Для иллюстраціи возьмемъ хотя бы одинъ изъ послѣднихъ „Отчетовъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей“ за урожайный годъ, именно, отчетъ за 1902 годъ.

Этотъ отчетъ отмѣчаетъ не новую, но характерную истину — зависимость успѣшности косвеннаго обложенія отъ состоянія земледѣлія, главнѣйшаго источника средствъ къ существованію многомилліоннаго трудового населенія Россіи.

Переходъ нашей податной политики къ усиленному развитію косвеннаго обложенія въ по-реформенный періодъ объясняется, конечно, тѣмъ, что прямымъ обложеніемъ съ слабаго экономически земледѣльческаго населенія много не возьмешь. Но и косвенное обложеніе населенія съ слабыми платежными силами, конечно, даетъ сколько-нибудь успѣшные результаты только въ томъ случаѣ, если основной трудовой промыселъ этого населенія даетъ ему хотя бы кое-какіе излишки, на которые можно бы было поддержать и косвенное обложеніе.

„Отчетъ“ за 1902 годъ прежде всего отмѣчаетъ извѣстную истину, что въ нашемъ доходномъ бюджетѣ „нельзя не отмѣтить значительной устойчивости въ процентномъ отношеніи между прямыми и косвенными налогами: за 11 разсматриваемыхъ лѣтъ (1892—1902) названное отношеніе колебалось между 16,7—83,3% (1900 г.) и 14,1—85,9% (1892 г.). Въ 1902 г. общая сумма прямыхъ налоговъ у насъ составляла 133,1 милл. руб. (15,9%); сумма косвенныхъ налоговъ—705,6 милл. руб. (84,1%)“.

Если мы сдѣлаемъ нѣсколько иное сравненіе, именно возьмемъ общую сумму „обыкновеннаго“ бюджета и установимъ процентное отношеніе къ нему прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, то получимъ такую же картину. („Jahrb. f. Nationalökonomie u. Statisfik“, 1904 г., май, стр. 786):

	1887 г.	1901 г.
Доходы по обыкновенному бюджету	829,7 милл. руб.	1799,5 милл. руб.
Изъ нихъ a) прямые налоги и платежи.	173,2 (20,9%)	220,9 (12,2%)
Изъ нихъ b) косвенные налоги и пошлины . . .	465,8 (56,2%)	944.6 (52,5%)
Всего . . .	639,0 (77,1%)	1165,5 (64,7%)

Т.-е. въ общемъ замѣчается процентное пониженіе налоговъ и пошлинъ въ обыкновенномъ бюджетѣ, при чемъ прямые налоги понижаются особенно сильно.

Какъ извѣстно, Россія по преобладанію косвеннаго обложенія надъ прямымъ стоитъ на первомъ мѣстѣ среди другихъ европейскихъ государствъ, и это, съ одной стороны, уже само по себѣ говоритъ о томъ, что въ нашей налоговой системѣ обложеніе массы населенія земледѣльческаго достигаетъ наиболѣе полнаго развитія, съ другой стороны, что устойчивость нашихъ налоговыхъ доходовъ въ особенно сильной степени находится въ зависимости отъ общаго уровня благосостоянія земледѣльческаго населенія, составляющаго не менѣе 85% населенія Россіи. И „отчетъ“ вполнѣ подтвер-

ждаетъ эту, правда, не новую истину. Общая сумма косвенныхъ налоговъ за урожайный 1902 годъ составляла 705,6 милл. руб., между тѣмъ какъ за 1901 годъ она составляла 686,6 милл. руб., а въ среднемъ за предыдущія десять лѣтъ только 598,2 милл. руб.

Площадь подъ культурными сельскохозяйственными растеніями въ 1902 г. измѣнилась очень мало, но зато урожай въ 1902 г. былъ сравнительно выдающимся. Площадь подъ всѣми озимыми и яровыми хлѣбами въ 1902 году была 79.628.000 десятинъ, въ 1901 г. даже больше—79.662.000 дес., а въ среднемъ за предыдущія шесть лѣтъ—75.980.000 дес.

Площадь подъ картофелемъ въ 1902 г. увеличилась до 3.639.000 дес. противъ 3.604.000 дес. въ 1901 г. и 3.319.000 дес. за предыдущія шесть лѣтъ. Увеличилась и площадь сѣнокосовъ:

въ 1902 г.	34.660.000	дес.
„ 1901 „	34.302.000	„
за 6 лѣтъ	34.185.000	„

Между тѣмъ валовые урожаи за то же время, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Озимыхъ.		Яровыхъ.		Всѣхъ хлѣб.		Картофеля.		Сѣна.	
	Всего милл. п.	Съ дес. пуд.	Всего милл. п.	Съ дес. пуд.	Всего милл. п.	Съ дес. пуд.	Всего милл. п.	Съ дес. пуд.	Всего милл. п.	Съ дес. пуд.
1901 .	1.459	45.9	1.587	33.1	3.046	38.2	1.462	405.5	2.601	75.8
за 6 л.	1.446	47.0	1.801	39.8	3.247	42.7	1.480	445.9	2.952	86.4
1902 .	1.769	54.9	2.339	49.3	4.108	51.6	1.730	475.4	3.331	96.1

Еще убѣдительнѣе объ относительной благопріятности 1902 года въ сельскохозяйственномъ отношеніи говорятъ данныя о *чистомъ* остаткѣ разныхъ хлѣбовъ на душу населенія, показывающія *душевое обезпеченіе* населенія хлѣбомъ. Эти данныя (въ пудахъ) таковы:

Годы.	Рожь.	Пшеница.	Овесъ.	Ячмень.	Прочія яровыя.	Всѣхъ хлѣбовъ.	Картофель.
1901	8,61	5,20	3,42	2,37	2,38	21,98	10,54
1896—1901 . . .	9,68	5,45	4,96	2,64	2,58	25,32	11,44
1902	10,76	7,82	5,89	3,52	3,31	31,30	12,69

Правда, на основаніи этихъ данныхъ мы не можемъ съ безусловной увѣренностью сказать, что въ 1902 году русское земледѣльческое населеніе въ массѣ было обезпечено хлѣбомъ удовлетворительно: прежде всего значительная часть картофеля и нѣкоторая часть ржи идутъ на винокуреніе, а не на питаніе; почти весь овесъ и ячмень идутъ на кормъ животнымъ; часть хлѣбовъ идетъ въ запасъ на будущій годъ. Кромѣ того, мы не должны забывать, что масса русскаго населенія должна потреблять въ своемъ пищевомъ довольствіи сравнительно больше хлѣба, чѣмъ населеніе болѣе богатыхъ странъ, въ виду недостатка въ пищевомъ довольствіи нашего населенія другихъ продуктовъ, богатыхъ бѣлками и жирами—мяса, масла, молока, яицъ и т. п.

Но во всякомъ случаѣ, эти статистическія данныя позволяютъ сказать, что въ 1902 г. наше земледѣльческое населеніе было *болѣе* обезпечено хлѣбомъ, чѣмъ въ предыдущіе годы. И вотъ въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ, хотя бы временнымъ повышеніемъ благосостоянія массы населенія, мы видимъ, что дѣйствительное поступленіе косвенныхъ налоговъ превысило въ 1902 г. смѣтныя предположенія почти по всѣмъ доходнымъ статьямъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ (милліон. руб.):

	1902 г.	Противъ смѣты.	1901 г.	1892—1901 г.
Сборъ съ питей	39,1	+ 4,5	—	—
Табачный доходъ . . .	45,4	+ 2,5	45,7	36,2
Сахарный „ . . .	81,3	+11,9	71,7	50,6
Нефтяной „ . . .	29,6	+ 2,5	28,7	21,6
Спичечный „ . . .	8,2	+ 0,8	7,9	7,0
Доходъ отъ казенной продажи питей	484,6	+21,8	—	—
Разные доходы	0,2	+0,02	—	—

(Сборъ съ питей, считая вмѣстѣ съ доходомъ отъ казенной продажи питей, составлялъ въ 1902 г. 523,6 милл. руб.; въ 1901 г.—476,3 милл. руб.; за 1892—1901 гг.—351,5 милліон. руб.).

Такимъ образомъ особенно крупныя увеличенія доходовъ мы видимъ по водочному и сахарному доходу, т.-е. именно по тѣмъ статьямъ, которыя зависятъ отъ массоваго потребленія. Это уже само по себѣ показываетъ, что въ предыдущіе, менѣе урожайные, а тѣмъ болѣе неурожайные годы населеніе питалось недостаточно и потому, при первой же возможности, постаралось усилить свое питаніе, хотя бы даже и на счетъ такого сомнительнаго и обоюдоостраго пищевого суррогата, какимъ является спиртъ. Къ несчастью, болѣе счастливые урожайные годы для массы русскаго населенія являются только рѣдкими праздниками, а не обычными буднями; вотъ почему и водочный доходъ въ такіе годы неизмѣнно повышается, да и то, впрочемъ, только въ абсолютныхъ, а не въ относительныхъ цифрахъ: сахарный доходъ въ 1902 г. увеличился на 17,1%, а доходъ отъ казенной продажи питей—только на 4,7%. Сдѣлаются сравнительно урожайные годы обычнымъ явленіемъ, сдѣлается хотя бы умѣренный, но прогрессивный ростъ благосостоянія массы населенія нормальнымъ, и ростъ нашего бюджета не будетъ страдать порывистостью, рѣзкими колебаніями и излишнимъ напряженіемъ платежныхъ силъ и средствъ населенія.

Другими словами, русскій бюджетъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ русскимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Внѣ подъема этого хозяйства немыслимъ и нормальный ростъ русскаго бюджета.

Подъемъ же крестьянскаго хозяйства немыслимъ внѣ подъема его техники. Такимъ образомъ однимъ изъ коренныхъ вопросовъ русскаго народнаго, а тѣмъ самымъ и государственнаго хозяйства является вопросъ о подъемѣ техники крестьянскаго хозяйства.

Однако при всемъ огромномъ значеніи и интересѣ этого вопроса, при всемъ напряженіи русской общественной мысли къ разрѣшенію вопроса о техническомъ прогрессѣ крестья-

скаго хозяйства, вопросъ этотъ и до сихъ поръ какъ-то фатально замыкается въ своеобразный заколдованный кругъ: для подъема техники крестьянскаго хозяйства нужно повышеніе его экономическаго уровня; а для повышенія экономическаго его уровня нуженъ подъемъ его техники!

Передъ этимъ фатально заколдованнымъ кругомъ останавливаются усилія русской общественной мысли при разрѣшеніи вопроса о прогрессѣ техники крестьянскаго хозяйства, которое между тѣмъ по самымъ компетентнымъ признаніямъ даже такихъ учрежденій, какъ „Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности", въ массѣ своей неуклонно падаетъ, не предвѣщая для русскаго государственнаго хозяйства сколько-нибудь утѣшительныхъ видовъ въ ближайшемъ будущемъ.

Данныя о состояніи крестьянскаго хозяйства, офиціально публикуемыя, напр., департаментомъ окладныхъ сборовъ, вполнѣ ясно констатируютъ пониженіе нормы обезпеченія населенія землей и скотомъ, а между тѣмъ повышеніе урожайности крестьянскихъ земель если и можетъ быть отмѣчено, то лишь въ очень скромныхъ и притомъ условныхъ размѣрахъ.

Такъ, по даннымъ департамента окладныхъ сборовъ, средняя душевая норма крестьянскаго надѣла въ 1860 г. была 4,8 дес., а въ 1900 г.—2,6 дес., вслѣдствіе чего, въ среднемъ по 47 губерніямъ, только 21% работниковъ нужны для сельскохозяйственной дѣятельности на надѣльной землѣ, а остальные 79% рабочаго населенія деревни являются въ ней какъ бы излишними. Далѣе въ общемъ въ 50 губерніяхъ количество хлѣбовъ и картофеля, приходящееся на одну душу населенія, не достигаетъ годовой нормы продовольствія, если принимать эту норму въ 20 пуд., а составляетъ лишь 16,6 пуд., т.-е. на 17% ниже нормы. Количество безлошадныхъ дворовъ по 50 губерніямъ составляло: въ 1882 г.—26,9%; въ 1888—91 гг.—27,8%; въ 1893—96 гг.—уже 32,2%. Точно такое же прогрессивное уменьшеніе количества мелкаго скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ указываетъ на пониженіе обезпеченія этого хозяйства и кормами для скота.

А между тѣмъ урожайность нашихъ крестьянскихъ земель продолжаетъ оставаться низкой не только по сравненію съ таковою же урожайностью въ другихъ, болѣе культурныхъ странахъ, но даже и по сравненію съ урожайностью русскихъ же частновладѣльческихъ хозяйствъ. Такъ, по даннымъ „Свода статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка“, недавно изданнаго Министерствомъ Земледѣлія (Атласъ картограммъ и діаграммъ), мы можемъ составить слѣдующую характерную табличку средней урожайности двухъ „крестьянскихъ“ хлѣбовъ—ржи и овса — за 1883 — 1900 гг. на земляхъ владѣльческихъ и крестьянскихъ по всѣмъ 497 уѣздамъ Европейской Россіи:

	Рожь.		Овесъ.	
	у част.	у крест.	у част.	у крест.
Средн. урожайн. (четв.) . .	6	5	$8^1/_2$	$7^1/_4$
Менѣе 4 четв. (въ уѣзд.) .	22	67	—	—
„ 5 „ „ „ .	59	137	—	—
„ 6 „ „ „ .	114	188	33	76
„ 7 „ „ „ .	169	79	38	121
„ 8 „ „ „ .	94	28	99	157
„ 9 „ „ „ .	39	—	120	89
„ 10 „ „ „ .	—	—	105	50

Эти данныя указываютъ на весьма замѣтную разницу въ урожайности земель крестьянскихъ и частновладѣльческихъ. И причина этой разницы заключается, конечно, въ технической отсталости крестьянскаго хозяйства: въ менѣе глубокой и тщательной обработкѣ почвы, въ менѣе правильномъ посѣвѣ, въ отсутствіи удобреній и т. д.

Съ другой стороны, эта техническая отсталость крестьянскаго хозяйства, несомнѣнно, зависитъ отъ его экономической „отсталости“: дайте крестьянскому хозяйству хорошій живой инвентарь; дайте желѣзные плуги и бороны; дайте рядовыя сѣялки; дайте возможность покупать и примѣнять удобре-

нія,—и крестьянское хозяйство сумѣетъ воспользоваться всѣмъ этимъ не хуже владѣльческаго.

Скажутъ, для этого нужно еще и повышеніе уровня образованности земледѣльца. Конечно, но болѣе богатый земледѣлецъ, несомнѣнно, будетъ и болѣе образованъ. Повышеніе уровня образованности является въ гораздо большей степени слѣдствіемъ, чѣмъ причиной повышенія уровня экономическаго благосостоянія. И опять мы возвращаемся къ тому же заколдованному кругу, единственнымъ дѣйствительнымъ выходомъ изъ котораго является повышеніе экономическаго уровня земледѣльческаго населенія и не на счетъ повышенія техники его хозяйства, а на счетъ другихъ, болѣе общихъ источниковъ, на счетъ соотвѣтственнаго измѣненія общей экономической политики государства, слѣдствіемъ чего явилась бы *возможность улучшенія* бюджета крестьянскаго хозяйства.

А каковъ этотъ бюджетъ? Достаточенъ ли онъ для удовлетворенія главнѣйшихъ насущныхъ потребностей крестьянской семьи и крестьянскаго хозяйства? Даетъ ли онъ свободные излишки, которые могли бы пойти на улучшеніе техники хозяйства?.. Разрѣшить всѣ эти вопросы, несомнѣнно, чрезвычайно интересно и необходимо для правильнаго пониманія экономическаго положенія массы нашего земледѣльческаго населенія, для правильнаго освѣщенія вопроса объ улучшеніи техники крестьянскаго хозяйства. И чѣмъ детальнѣе будутъ изслѣдованія крестьянскихъ бюджетовъ; чѣмъ болѣе разнообразныя группы крестьянскихъ хозяйствъ будутъ они охватывать; чѣмъ большаго количества районовъ они будутъ касаться,—тѣмъ болѣе надежны будутъ данныя такихъ изслѣдованій въ качествѣ основы для оцѣнки экономическаго положенія крестьянскаго хозяйства.

Хотя имѣющіяся въ нашей литературѣ бюджетныя изслѣдованія еще недостаточно обильны и детальны, тѣмъ не менѣе, они уже позволяютъ сдѣлать весьма важное общее заключеніе объ однообразіи бюджета крестьянскихъ хозяйствъ въ самыхъ различныхъ районахъ Россіи: „характерной особенностью крестьянскаго бюджета является устойчивость его

во многихъ мѣстностяхъ Россіи: въ Херсонской губ. средній размѣръ крестьянскаго бюджета составляетъ 58 руб. 50 коп. на душу; въ Воронежской—54 руб. 60 коп.; въ Саратовской — 52 руб. 90 коп.; въ Рязанской — 53 руб. 37 коп.; въ Тульской — 52 руб. 47 коп.; въ Пермской — 53 руб. 43 коп.; въ Вятской—58 руб. 61 коп.; въ Ярославской—55 руб. 04 коп.; въ Тверской—56 руб. 57 коп.; въ Новгородской—55 руб. 43 коп. Хлѣбное потребленіе опредѣляется большинствомъ изслѣдователей въ 18—20 пуд. на душу". („Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ"... т. II).

Эта „устойчивость" бюджета русскаго крестьянскаго хозяйства можетъ указывать только на его *минимальность*, на достиженіе имъ того предѣла, дальше котораго ему уменьшаться уже трудно. И, дѣйствительно, стоитъ только отъ общихъ среднихъ цифръ обратиться къ конкретнымъ и детальнымъ бюджетнымъ даннымъ опредѣленныхъ отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, чтобы убѣдиться въ предѣльности, минимальности только что приведенныхъ среднихъ данныхъ.

Для примѣра мы возьмемъ сравнительно недавно опубликованное изслѣдованіе полтавскаго земскаго статистика, А. Падалки,—„Пять бюджетовъ крестьянскихъ хозяйствъ с. Демьяновки, Полтавской губерн., Хорольскаго уѣзда. Полтава, 1903 г.".

Это изслѣдованіе касается трехъ *типовъ* крестьянскихъ хозяйствъ: одного—съ обезпеченіемъ ниже средняго для данной мѣстности; двухъ—среднихъ и двухъ—съ обезпеченіемъ выше средняго. Среднее обезпеченіе крестьянскаго хозяйства землей въ этомъ сравнительно бѣдномъ селеніи составляетъ всего только 2,73 дес. своей и 0,72 дес. съемной земли на хозяйство изъ 5,5 душъ, между тѣмъ, какъ въ среднемъ по Полтавской губ. приходится на хозяйство 5,6 душъ, 5,83 дес. собственной и 1,22 дес. съемной земли. Собственно посѣва на хозяйство приходится по губерніи 4,0 дес., въ Демьяновкѣ—2,2 дес.; скота—въ переводѣ на крупный—по губерніи—2,8 головъ, въ Демьяновкѣ — 2,3 гол. на хозяйство. Экономическая обезпеченность взятыхъ для изслѣдованія

пяти типичныхъ крестьянскихъ хозяйствъ видна изъ слѣдующихъ данныхъ:

	I.	II.	III.	IV.	V.
Земли своей . .	1,3 д.	1,0 д.	4,7 д.	7,9 д.	10,5 д.
„ снимаем.	1,5 „	4,0 „	3,5 „	1,5 „	2,5 „
Стоимость своей земли . . .	290 р.	225 р.	1010 р.	1620 р.	2150 р.
Стоимость всего инвентаря[1].	340 „	527 „	817 „	1030 „	979 „
Составъ семьи (душъ) . . .	6	4	9	4	9
Поступило продуктовъ полевод.[2] . .	69,15 р.	107,90 р.	209,0 р.	219,50 р.	191,50 р.
Поступило продуктовъ животноводства	9,42 „	64,90 „	81,05 „	174,10 „	120,20 „
Поступ. всѣхъ вообще доходовъ	142,31 „	239,66 „	387,57 „	463,08 „	403,58 „
Общая сумма расход. (на деньги) . .	161,56 „	200,06 „	379,72 „	316,42 „	405,65 „

Таковы данныя, характеризующія общую экономическую обезпеченность типичныхъ полтавскихъ хозяйствъ, и сгруппированныя здѣсь изъ различныхъ мѣстъ изслѣдованія автора. Годовой *расходъ* на одну душу въ этихъ хозяйствахъ въ среднемъ составляетъ такимъ образомъ всего 45,73 руб., т.-е. даже значительно меньше тѣхъ среднихъ величинъ, какія мы приводили выше для различныхъ губерній Россіи. Это объ-

---

1) *Весь инвентарь* заключалъ: постройки, скотъ, земледѣльческія орудія, предметы домашняго обихода, одежда. Стоимость скота въ этой суммѣ составляетъ только 19,9%, а стоимость земледѣльческихъ орудій всего 5,7%—въ среднемъ для всѣхъ хозяйствъ вмѣстѣ.

2) Одна посѣвная десятина въ среднемъ дала въ бюджетномъ году 44,39 руб.

ясняется, конечно, тѣмъ, что для даннаго изслѣдованія взято было сравнительно болѣе бѣдное селеніе, хозяйства, средняя экономическая обезпеченность которыхъ ниже средней обезпеченности крестьянскихъ хозяйствъ по губерніи. Очевидно далѣе, что существуютъ слабыя крестьянскія хозяйства съ бюджетомъ и болѣе низкимъ, чѣмъ средній бюджетъ изслѣдованныхъ хозяйствъ; въ расходномъ бюджетѣ, напр., перваго изъ изслѣдованныхъ хозяйствъ, самаго слабаго, приходится всего 26,93 руб. въ годъ на одну душу,—это считая рѣшительно на всѣ потребности этой души, не только личныя, но и общія хозяйственныя.

Чтобы увидѣть, каковы эти потребности и какую долю бюджета онѣ поглощаютъ, мы позволимъ себѣ привести здѣсь—въ переводѣ всѣхъ расходовъ на деньги, въ рубляхъ—хотя бы главнѣйшія, наиболѣе характерныя статьи расхода изслѣдованныхъ хозяйствъ. Получимъ слѣдующія величины (рубл.):

	I.	II.	III.	IV.	V.
Хозяйственная потребность:					
Обсѣмененіе	9,45	16,40	24,55	24,45	25,73
Содержаніе скота	28,35	43,40	73,85	74,75	86,70
Наемъ земли	6,50	13,0	10,0	23,0	26,0
Налоги	8,02	6,33	14,68	18,42	25,0
Ремонтъ орудій	2,0	1,25	1,04	1,30	0,50
Плата рабочимъ	2,20	1,12	0,51	1,69	23,75
Личныя потребности:					
Пища	71,30	67,62	198,28	120,37	160,73
Одежда и обувь	22,79	30,61	40,88	36,58	47,93
Домашній обиходъ	3,05	2,83	6,83	2,79	4,11
Религіозныя потребности .	1,40	3,15	3,10	4,70	3,60
Почта и просвѣщ.	0,0	0,0	0,0	0,17	1,10

Достаточно обратить вниманіе на то, что, напр., на почтовыя сношенія и на просвѣтительныя надобности—на книги, газеты и т. п.—первыя три хозяйства не израсходовали ни копейки въ годъ; достаточно сравнить далѣе стоимость содержанія состава семьи и скота въ отдѣльныхъ хозяйствахъ,

обративъ вниманіе на то, что численность скота меньше численности семьи въ этихъ хозяйствахъ, чтобы убѣдиться, что низкій уровень бюджетовъ въ описанныхъ хозяйствахъ происходитъ на счетъ крайне недостаточнаго удовлетворенія личныхъ потребностей людей, работающихъ въ этихъ хозяйствахъ, живущихъ на счетъ этихъ хозяйствъ. Не только культурныя, но и чисто физіологическія потребности населенія удовлетворяются слишкомъ слабо.

Общій расходный бюджетъ всѣхъ пяти описанныхъ полтавскихъ хозяйствъ составляетъ 1463,41 руб. въ данный годъ. Изъ этой суммы 42,3 проц. пошло на пищу; 20,9 проц.—на содержаніе скота; 12,2 проц.—на одежду; 6,9 проц.—на обсѣмененіе; 5,4 проц.—на съемку земли; ровно 5 проц.—на повинности и налоги; ничтожный процентъ—на остальныя потребности и, наконецъ, 0,0 проц.—на просвѣтительныя потребности.

Спрашивается, какъ великъ можетъ быть тотъ свободный бюджетный остатокъ въ описанныхъ хозяйствахъ, который могъ бы быть употребленъ на улучшеніе техники въ хозяйствахъ, т.-е. на пріобрѣтеніе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, удобреній, лучшихъ породъ скота и т. д.? Повидимому, такого остатка въ слабѣйшихъ хозяйствахъ совершенно нѣтъ, напротивъ, этимъ хозяйствамъ грозятъ чуть ли не хроническіе дефициты или, во всякомъ случаѣ, медленное хроническое истощеніе, а что касается хозяйствъ болѣе зажиточныхъ, то, совершенно естественно, свободные свои излишки эти хозяйства стремятся употреблять не на техническія улучшенія, а на расширеніе самой площади хозяйствъ—на прикупку земли. И это стремленіе въ большинствѣ случаевъ является безусловно естественнымъ и цѣлесообразнымъ, такъ какъ общій уровень и характеръ нашего крестьянскаго хозяйства еще настолько низокъ и примитивенъ, что объ усиленіи интенсивности этого хозяйства нѣтъ пока основаній думать сколько-нибудь серьезно. Тамъ, гдѣ—по мѣстнымъ условіямъ—эта интенсивность возможна, крестьяне къ ней приходятъ; но въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьянское хозяйство—въ силу общихъ, естественныхъ условій—продолжаетъ оставаться чисто экстенсив-

нымъ, почти исключительно зерновымъ, и крестьянскому хозяйству ничего не остается лучшаго, какъ употреблять скудные бюджетные излишки на прикупку земли, на увеличеніе площади хозяйства, чтобы хоть этимъ путемъ повысить валовую доходность хозяйства и возможно полнѣе использовать наличную рабочую силу хозяйства, а также понизить расходы хозяйства на единицу площади и тѣмъ сдѣлать хозяйство хоть сколько-нибудь болѣе выгоднымъ.

Настоятельная задача общей экономической политики, отъ которой и зависитъ будущее крестьянскаго хозяйства, заключается въ увеличеніи—нормальными путями—свободныхъ бюджетныхъ остатковъ крестьянскихъ хозяйствъ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на сколько-нибудь детальномъ указаніи этихъ путей, этого направленія нашей общей экономической политики, тѣмъ болѣе, что они намѣчались, поскольку это возможно, во всемъ предыдущемъ содержаніи книги.

Придерживаясь только изложеннаго здѣсь цифрового матеріала о бюджетахъ крестьянскаго хозяйства, мы можемъ, однако, указать хотя бы на высокій размѣръ части крестьянскаго бюджета, падающей на повинности и налоги. Размѣръ этой части долженъ быть признанъ тѣмъ болѣе чувствительнымъ, если мы примемъ во вниманіе незначительность размѣровъ общаго расходнаго бюджета крестьянскихъ хозяйствъ. Не будемъ снова говорить здѣсь и о тяжести косвенныхъ налоговъ, падающихъ на крестьянскія хозяйства. Можемъ даже отмѣтить, какъ бы напротивъ, что описанныя хозяйства, какъ малосильныя, принимали сравнительно слабое участіе въ потребленіи тѣхъ продуктовъ, косвенное обложеніе которыхъ является особенно чувствительнымъ: сахаръ потребляло въ бюджетномъ году только пятое хозяйство, и то всего на 4 руб. въ годъ; водки всѣ пять хозяйствъ вмѣстѣ потребили только на 10 руб. въ годъ, при чемъ одно пятое хозяйство потребило на 7 руб., керосину всѣ пять хозяйствъ потребили на 6 руб. 32 коп., мыла—на 1 руб. 31 коп., „гостинцевъ дѣтямъ“—на 1 р. 05 коп. всѣ пять хозяйствъ вмѣстѣ!

Таковы скромныя, но весьма краснорѣчивыя данныя о бюджетахъ полтавскихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Хотя данныя эти по существу своему болѣе или менѣе измѣнчивы, а по количеству—недостаточны для широкихъ обобщеній, но они все же даютъ весьма внушительный намекъ на мало изслѣдованную еще *среднюю дѣйствительность*. И эта дѣйствительность, несомнѣнно, такова, что о серьезныхъ техническихъ улучшеніяхъ въ массовомъ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ пока думать очень трудно.

При такомъ уровнѣ народнаго хозяйства, когда главная масса производителей—земледѣльческое населеніе—работаютъ чуть не въ прямой убытокъ, трудно думать о серьезномъ и прочномъ накопленіи капиталовъ въ странѣ, а, слѣдовательно, и о серьезныхъ улучшеніяхъ въ техникѣ массоваго сельскаго хозяйства. Если мы даже согласимся съ расчетами о томъ, что именно „черноземный центръ" является наиболѣе тяжело обремененнымъ налогами и платежами, и что, слѣдодовательно, болѣе справедливое и равномѣрное распредѣленіе налоговъ могло бы до извѣстной степени облегчить тяжесть, лежащую на „черноземномъ центрѣ", этимъ все же вопросъ объ общемъ истощеніи русскаго крестьянскаго хозяйства нисколько не разрѣшался бы и не устранялся. Не устранялся бы, конечно, и вопросъ о ненадежности, неустойчивости русскаго государственнаго бюджета, опирающагося, главнымъ образомъ, на крестьянское хозяйство. Между бюджетомъ русскаго крестьянскаго хозяйства и между государственнымъ бюджетомъ Россіи существуетъ не только самая тѣсная, но, къ несчастью, и достаточно антагонистская связь: государственный бюджетъ дошелъ до максимальныхъ предѣловъ, бюджетъ массоваго крестьянскаго хозяйства — до минимальныхъ; въ государственномъ бюджетѣ крайняго напряженія достигли потребности и расходы, въ крестьянскомъ—столь же крайняго напряженія достигли платежныя силы и средства, низводящія личные расходы крестьянина и его хозяйства до минимума; государственный бюджетъ *привыкъ* не считаться съ дѣйствительнымъ размѣромъ наличныхъ средствъ, привыкъ къ роскоши и расточительности, а крестьянскій бюджетъ

вынужденъ сокращаться и терпѣть явную нужду даже въ ущербъ производительнымъ задачамъ крестьянскаго хозяйства; государственный бюджетъ до сихъ поръ уклонялся отъ серьезнаго и строгаго контроля, несмотря на то, что онъ — *государственный*, а не частный, т.-е. въ немъ жизненно заинтересованы милліоны плательщиковъ, имѣющихъ поэтому самое неоспоримое право на контроль за финансовымъ хозяйствомъ государства; крестьянскій бюджетъ, какъ частный, въ контролѣ не нуждается, но фактически имѣетъ надъ собой самаго строгаго контролера — нужду; наконецъ государственный бюджетъ,—пока не измѣнились самыя основы его построенія и контроля надъ нимъ,—имѣетъ самую непреодолимую тенденцію и дальше расти, увеличиваться,—а крестьянскій бюджетъ имѣетъ столь же непреодолимую тенденцію чахнуть, уменьшаться, суживаться.

Примиреніе этихъ двухъ антагонистовъ—крестьянскаго и государственнаго бюджетовъ—составляетъ огромную, чрезвычайно трудную и сложную задачу переживаемаго Россіей момента.

Въ антагонизмѣ бюджетовъ государственнаго и крестьянскаго кроется сущность глубокаго политическаго движенія и броженія, охватившаго Россію и неизбѣжно вызывающаго дальнѣйшее напряженіе борьбы антагонистовъ, т.-е. и дальнѣйшее истощеніе народнаго хозяйства Россіи. „Бюджетная“ борьба неразрывно связана съ политической борьбой. Безконтрольное существованіе стараго государственнаго бюджета, болѣе или менѣе удовлетворявшее интересамъ извѣстныхъ общественныхъ группъ при старомъ строѣ, возможно только при сохраненіи политической власти въ рукахъ именно этихъ, господствовавшихъ при старомъ строѣ общественныхъ группъ. Съ другой стороны, коренное улучшеніе въ государственномъ бюджетѣ, а тѣмъ самымъ и въ бюджетѣ крестьянскомъ, совершенно немыслимо безъ фактическаго перехода политической власти въ руки правильно организованнаго представительства широкихъ массъ трудового, производительнаго населенія. Только дѣйствительный, фактическій контроль истинно-народнаго представительства надъ государственнымъ

бюджетомъ можетъ привести его въ равновѣсіе, въ соотвѣтствіе съ бюджетомъ трудовыхъ хозяйствъ, трудового населенія страны и тѣмъ уничтожить антагонизмъ этого бюджета по отношенію къ бюджету государства. А такой дѣйствительный, фактическій контроль возможенъ только при дѣйствительномъ, фактическомъ переходѣ политической власти въ руки истинно-народнаго представительства.

Напряженность антагонизма между бюджетомъ крестьянскимъ и бюджетомъ государственнымъ будетъ вызывать параллельно и напряженность борьбы политической между старымъ, безконтрольно и сословно бюрократическимъ строемъ и строемъ новымъ, основаннымъ на истинно-народномъ представительствѣ. Побѣда новаго строя будетъ и побѣдой крестьянскаго, вообще—трудового бюджета. Напротивъ, побѣда стараго строя, хотя она по самому существу совершающейся борьбы можетъ быть только временной, будетъ связана съ дальнѣйшимъ напряженіемъ и истощеніемъ народнаго хозяйства, т.-е. и съ ухудшеніемъ положенія государственнаго бюджета. Другими словами, интересы самого народнаго хозяйства, т.-е. и интересы самого государства съ совершенно объективной и неумолимой повелительностью подсказываютъ необходимость тѣхъ политическихъ уступокъ со стороны одного изъ антагонистовъ, именно—со стороны стараго строя, которыя дѣйствительно гарантировали бы интересы другого антагониста, именно—народнаго представительства, выступающаго на защиту интересовъ народнаго хозяйства, крестьянскаго трудового бюджета, на которомъ только и можетъ покоиться дѣйствительно здоровый, нормальный, уравновѣшенный государственный бюджетъ.

Русская бюджетная и податная политика самымъ тѣснымъ образомъ связана съ политикой общегосударственной. Побѣда здоровой бюджетной и податной политики будетъ обезпечена только побѣдой истинно-народнаго представительства надъ старымъ, отжившимъ политическимъ строемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Таблицы государственныхъ доходовъ и расходовъ за 1881—1907 гг.

Примѣчанія къ таблицамъ.

1. Данныя о доходахъ и расходахъ за 1881—1894 гг. извлечены изъ отчетовъ Государственнаго Контроля, съ сохраненіемъ существовавшей для каждаго года классификаціи доходовъ и расходовъ. Въ цифрахъ доходовъ и расходовъ сдѣланы поправки, согласно изданному Государственнымъ Контролемъ въ 1891 году „Общему своду заключенныхъ государственныхъ росписей за 25-лѣтіе 1866—1890 гг.“.

2. Свѣдѣнія объ остаткахъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ, обращенныхъ въ рессурсы казны, дополнены по изданію Государственнаго Контроля „Сводъ оборотовъ государственнаго казначейства за 1881—1885 гг.“.

3. Металлическіе доходы и расходы перечислены, согласно отчетамъ, въ кредитную валюту: за 1881—1886 гг. по 1 р. 50 к. кред. за 1 р. метал. (золотомъ и серебромъ); за 1887 г.—по 1 р. 67 к.; за 1888 г.—по 1 р. 80 к.; за 1889 г.—по 1 р. 70 к.; за 1890 г.—по 1 р. 70 к. за 1 р. зол. и 1 р. 19 к. за 1 р. сер.; за 1891 и 1892 гг. по 1 р. 60 к. за 1 р. зол. и 1 р. 12 к. за 1 р. сер.; за 1893 г. по 1 р. 70 к. кред. за 1 р. зол. и 1 р. 19 к. за 1 р. сер. и за 1894 г.—по 1 р. 60 к. кред. за 1 р. зол.

Въ скобкахъ показаны, для сравненія, суммы, которыя получились бы, если бы для перечисленія металлическихъ цѣнностей въ 1887—1894 гг. былъ принятъ однообразный курсъ 1 р. 50 к. кред. за 1 р. мет.; серебро до 1890 г. принято наравнѣ съ золотомъ, съ 1890 г.—наравнѣ съ кредитными рублями.

4. Доходы и расходы за 1895—1900 гг. показаны на основаніи отчетовъ Государственнаго Контроля, съ сохраненіемъ существовавшей для каждаго года классификаціи ихъ. Цифры доходовъ за 1901 г. извлечены изъ напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ предварительныхъ кассовыхъ свѣдѣній Министерства Финансовъ объ исполненіи росписи за 1901 г. и могутъ считаться лишь приблизительными; расходы за 1901 г. представляютъ смѣтныя назначенія по росписи съ дополненіемъ открытыхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ и съ распредѣленіемъ назначеннаго на 1901 г. фонда въ 12 мил. руб. на непредвидѣнные смѣтами расходы по вѣдомствамъ, согласно послѣдовавшимъ ассигнованіямъ суммъ. Доходы и расходы за 1902 г. обозначены по предположеніямъ росписи.

5. Металлическіе доходы и расходы за 1895 г. перечислены въ кредитную валюту по курсу 1 р. 60 к. за 1 р. зол., съ обозначеніемъ въ скобкахъ, для сравненія, суммъ, которыя получились бы, если бы отчетъ Государственнаго Контроля за 1895 г. составленъ былъ, считая 1 руб.$=^1/_{15}$ имперіала, т.-е. въ той денежной валютѣ, въ которой сдѣланы въ таблицахъ всѣ исчисленія доходовъ и расходовъ за 1896—1902 гг.

6. Таблицы за 1881—1894 гг. и за 1895—1902 гг. и примѣчанія къ нимъ заимствованы изъ изданія: „Министерство Финансовъ 1802—1902. Часть вторая“. Таблицы о доходахъ и расходахъ за 1902—1907 гг. заимствованы (и составлены) изъ „Проекта государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1907 годъ—съ объяснительной запискою министра финансовъ“, внесенной имъ во вторую Государственную Думу.

Таблицы государственныхъ доходовъ и расходовъ за 1881—1907 гг.

ТАБЛИЦА I.

Государственные доходы (въ тысячахъ рублей).

Годы.	Обыкновенные доходы.										
	Подати и сборы съ доходовъ.	За право торговли.	Питейный доходъ.	Прочіе акцизные доходы: табачный, сахарный и нефтяной.	Таможенный доходъ.	Лѣсной доходъ.	Казенныя желѣзн. дороги и платежи желѣзнодорожныхъ обществъ.	Выкупные платежи.	Прочіе доходы.	Оборотныя поступленія.	Итого.
1881	111.699	23.251	225.365	16.465	85.763	14.834	19.418	—	125.090	24.869	651.754
1882	115.221	20.396	252.889	22.843	94.461	14.893	21.015	—	141.702	20.292	703.712
1883	110.745	20.810	253.569	28.186	96.924	13.311	26.402	—	144.489	4.545	698.981
1884	105.260	20.999	244.004	32.594	95.932	13.271	40.524	—	145.882	5.062	704.528
1885	105.072	25.668	231.230	33.548	112.447 [1]	13.065	51.930	46.608	156.219	3.916	762.283
1886	96.707	28.020	236.977	35.262	107.425	13.174	52.326	48.788	153.144	3.834	780.679
1887	52.779	28.862	257.624	47.255	(96.635)	13.587	53.406	88.958	175.990	3.775	829.661
	(52.758)						(53.144)		(175.493)		(818.091)

1888	52.086	31.783	265.125	54.520	141.310	15.402	76.888	92.270	166.978	2.170	898.532
	(52.053)				(118.040)		(75.441)		(166.141)		(872.945)
1889	55.540	32.857	274.920	59.913	138.051	17.207	82.974	91.747	170.906	2.921	927.036
	(55.498)				(122.003)		(82.873)		(170.192)		(910.131)
1890	54.844	34.339	268.381	64.685	141.939	16.734	88.065	88.232	182.726	3.741	943.686
	(54.806)				(125.402)				(181.600)		(925.985)
1891	52.949	34.072	247.442	64.290	128.438	16.219	98.674	69.049	177.756	2.705	891.594
	(52.939)				(120.511)				(177.215)		(883.116)
1892	55.942	35.402	269.046	75.274	130.552	18.769	111.103	77.088	196.989	—	970.165
	(55.929)				(122.579)				(196.359)		(961.549)
1893	60.021	40.475	260.834	85.104	165.989	21.756	119.667	98.994	192.845	—	1.045.685
	(59.976)				(147.107)				(191.899)		(1.025.812)
1894	59.596	42.432	297.386	100.248	183.782	25.844	155.455	92.819	196.224	—	1.153.786
	(59.574)				(172.737)				(195.714)		(1.142.209)

[1]) Въ этой суммѣ заключается таможенныхъ сборовъ: за 1881 г.—2.432 тыс. руб., за 1882 г.—2.337 тыс. руб., за 1883 г.—1.431 тыс. руб., за 1884 г.—1.738 тыс. руб. и за 1885 г.—2.195 тыс. руб.; итого 10.133 тыс. руб., числившихся въ депозитахъ и записанныхъ въ государственные доходы по отчету за 1886 годъ.

ТАБЛИЦА II.

Государственные доходы (въ тысячахъ рублей).

Годы.	Чрезвычайные доходы.					Всего вообще (вмѣстѣ съ обыкновенными).	Въ томъ числѣ поступило.			Причислено къ рессурсамъ казны остатковъ отъ заключенн. смѣтъ прежнихъ лѣтъ.		
	Займы.	Поступленія въ возвратъ расходовъ на ж. д. и остатки ж. д. капитал.	Поступленія изъ спеціальныхъ капиталовъ и другихъ суммъ.	Военное вознагражденіе.	Итого.		До отчетнаго года.	Въ отчетномъ году.	Въ льготномъ срокѣ.	Обыкновенныхъ.	Чрезвычайныхъ.	Итого.
1881	91.390	63.775	—	—	155.165	806.919	428	798.667	7.824	35.405[1])	823	36.228
1882	131	27.883	—	—	28.014	731.726	304	721.232	10.190	4.956	—	4.956
1883	54.371	16.572	—	—	70.943	769.924	296	759.333	10.259	11.665	224	11.889
1884	221.104	—	—	2.471	223.575	928.103	456	912.343	15.304	4.622	1.154	5.776
1885	50.504	8.899	9.468	2.747	71.618	833.901	500	814.904	18.497	3.127	114	3.241
1886	149.565	26.408	—	1.533	177.506	958.185	486	935.595	22.104	2.244	1.116	3.360
1887	131.793	398	9.898	2.504	144.543	974.204	946	952.555	20.703	2.672	272	2.944
				(2.264)	(144.303)	(962.394						

1888	51.287	887	2.489	708	55.371	953.903	324	953.579	—	2.298	5.237	7.535
				(615)	(55.278)	(928.223)						
1889	41.428	12.510	4.000	4.961	62.899	989.935	—	989.935	—	17.345	3.402	20.747
	(36.652)			(4.395)	(57.557)	(967.688)						
1890	72.149	16.470	6.708	8.360	103.687	1.047.373	—	1.047.373	—	7.133	1.948	9.081
	(71.687)	(16.462)		(7.395)	(102.252)	(1.028.237)						
1891	1.843	24.652	6.430	4.276	37.201	928.795	—	928.795	—	4.187	1.687	5.874
				(4.018)	(36.943)	(920.059)						
1892	165.777	29.114	470	3.318	198.679	1.168.844	—	1.168.844	—	6.168	5.238	11.406
	(160.061)			(3.110)	(192.755)	(1.154.304)						
1893	164.358	970	5.094	3.953	174.375	1.220.060	—	1.220.060	—	9.183	10.543	19.726
	(156.632)	(952)		(3.523)	(166.201)	(1.192.013)						
1894	52.702	22.548	639	3.040	78.929	1.232.715	—	1.232.715	—	9.507	5.127	14.634
	(52.343)	(22.529)		(2.859)	(78.370)	(1.220.579)						

[1]) Хотя, согласно отчету Государственнаго Контроля за 1881 г., 35.405 тыс. руб. показаны остаткомъ за прежнее время отъ ассигнованій по обыкновеннымъ смѣтамъ, но изъ объяснительной записки къ тому же отчету видно, что большая часть этой суммы осталась не израсходованною изъ числа чрезвычайныхъ кредитовъ, открытыхъ въ 1877 г. на военныя потребности.

ТАБЛИЦА III.

Государственные расходы (въ тысячахъ рублей).

Годы.	Обыкновенные расходы.																
	Платежи по государственнымъ долгамъ.	Высшія государственныя учрежденія.	Духовное вѣдомство.	Министерство Императорскаго Двора.	Министерство Иностранныхъ дѣлъ.	Военное Министерство.	Морское Министерство.	Министерство Финансовъ.	Министерство Госуд. Имуществъ.	Министер. Внутреннихъ дѣлъ.	Министерство Народнаго Просвѣщенія.	Министерство Путей Сообщенія.	Министерство Юстиціи.	Государственный Контроль.	Главное Управленіе Государственнаго Коннозаводства.	Гражданское Управленіе Закавказскаго края.	Итого.
1881	195.600	2.171	10.171	10.342	4.203	225.664	30.467	108.369	19.837	67.458	17.414	12.147	16.847	2.213	904	8.606	732.413
1882	200.650	2.211	10.304	11.462	4.185	202.437	30.998	101.176	20.001	68.131	18.149	10.940	17.297	2.371	912	7.829	709.053
1883	200.702	2.015	10.490	12.072	4.272	201.565	31.745	100.600	21.010	69.985	18.645	20.639	17.995	2.774	910	8.254	723.673
1884	209.875	2.190	10.600	10.560	4.467	199.967	34.843	97.408	21.760	71.296	19.462	21.817	19.681	3.019	958	—	727.903
1885	263.595	2.138	10.717	10.560	4.119	206.652	38.872	108.244	22.831	71.330	20.349	22.949	20.147	3.093	1.018	—	806.614
1886	264.119	2.145	11.021	10.560	4.465	211.995	45.038	116.346	22.486	72.603	21.163	25.826	20.374	3.179	1.072	—	832.392

1887	280.908	2.098	10.999	10.560	4.736	210.953	40.359	109.067	22.350	72.576	20.684	25.834	20.443	3.186	1.097	—	835.850
																	(823.857)
1888	279.432	2.146	11.017	10.560	3.705	212.096	40.915	107.637	22.131	72.710	21.478	29.931	21.237	3.328	1.096	—	840.419
																	(819.376)
1889	270.693	2.065	11.186	10.560	4.591	225.989	40.784	107.662	24.435	75.663	21.941	36.066	21.622	3.501	1.123	—	857.881
																	(844.322)
1900	262.684	2.208	12.098	10.560	4.811	228.110	40.693	109.214	24.249	76.354	22.639	56.290	22.861	3.873	1.136	—	877.780
																	(865.343)
1901	248.020	2.648	11.340	10.560	4.784	226.108	45.468	113.427	24.532	80.203	22.769	56.148	23.874	4.220	1.248	—	875.349
																	(869.294)
1902	251.078	2.865	11.466	10.525	4.753	236.159	48.186	120.178	24.154	82.117	21.746	67.407	24.506	4.278	1.266	—	910.684
																	(904.563)
1903	266.903	2.240	12.310	10.522	5.125	236.676	50.852	124.384	25.297	83.259	22.410	75.571	25.608	4.493	1.305	—	946.955
																	(932.120)
1904	270.893	2.286	13.309	11.797	4.992	239.136	51.227	132.338	27.875	84.688	22.145	98.143	25.963	4.897	1.508	—	991.197
																	(983.562)

ТАБЛИЦА IV.

Государственные расходы (въ тысячахъ рублей).

Годы.	Чрезвычайные расходы.					Всего вообще (вмѣстѣ съ обыкновенными).	Въ томъ числѣ заключается расходовъ.			
	Сооруженіе, пріобрѣтеніе въ казну и улучшеніе желѣзн. дорогъ и портовъ.	Погашеніе и конверсіи займовъ.	На чрезвычайныя военныя потребности, перевооруженіе и др. расх. по военной части.	Разные чрезвычайные расходы.	Итого.		Исполненныхъ.			Подлежащихъ отпуску продолженныхъ кредитовъ строительныхъ и по кредиторскимъ спискамъ.
							До отчетнаго года.	Въ отчетномъ году.	Въ теченіе льготнаго срока.	
1881	27.891	50.000	29.981	—	107.872	840.285	24.332	713.006	39.144	63.803
1882	27.214	50.000	2.104	—	79.318	788.371	15.642	678.243	28.230	66.256
1883	30.393	50.000	—	—	80.393	804.066	13.156	695.607	31.589	63.714
1884	37.930	50.000	-	—	87.390	815.833	10.098	698.615	31.013	76.107
1885	56.524	50.000	-	—	106.524	913.138	10.945	777.933	39.037	85.223
1886	62.631	50.000	—	—	112.631	945.023	17.194	808.849	33.165	85.815
1887	45.093	50.000	—	—	95.093	930.943	11.989	791.513	31.227	96.214
						(918.950)				

1888	36.848	50.000	—	—	86.848	927.267	12.614	808.589	33.334	72.735
						(906.224)				
1889	36.958	68.000	—	—	104.958	962.839	12.766	832.180	35.480	82.413
						(949.280)				
1890	113.983	51.761	12.998	—	178.732	1.056.512	1.942	887.030	41.242	126.298
		(46.378)			(173.349	(1.038.692)				
1891	44.297	94.310	26.654	75.037 [1])	240.298	1.115.647	—	912.450	71.955	131.242
		(88.452)			(234.440)	(1.103.734)				
1892	100.888	—	26.428	87.456 [2])	214.772	1.125.456	—	927.132	58.233	140.091
						(1.119.335)				
1893	63.351	13.261	36.969	—	113.581	1.060.536	—	888.487	47.157	124.892
		(12.616)	(36.811)		(112.778)	(1.044.898)				
1894	78.361	669	42.551	42.363 [3])	163.944	1.155.141	—	901.101	98.827	155.213
	(78.217)		(42.124)		(163.373)	(1.146.935)				

[1]) и [2]) На удовлетвореніе потребностей, вызванныхъ неурожаемъ. [3]) Въ томъ числѣ 24.333 тыс. руб. на увеличеніе основного капитала Государственнаго банка и 18.030 тыс. руб. на воспособленіе особому отдѣлу Государственнаго Дворянскаго Земельнаго банка.

ТАБЛИЦА V.

Государственные доходы (въ тысячахъ рублей)

Годы.	Обыкновенные доходы.										
	Подати и сборы съ доходовъ.	За право торговли.	Питейный доходъ.	Прочіе акцизные доходы: табачный, сахарный, нефтяной и спичечный.	Таможенный доходъ.	Доходъ отъ казенной продажи питей.	Лѣсной доходъ.	Казенныя жел. дор. и платежи ж. д. обществъ.	Выкупные платежи.	Прочіе доходы.	Итого.
1895	63.164 (63.145)	42.761	298.215	109.519	178.605 (167.712)	—	28.670	217.701	101.297	215.887 [1] (215.342)	1.255.819 (1.244.362)
1896	54.244	45.280	294.299	105.988	182.303	27.789	33.619	312.374 [2]	96.946	215.877	1.368.719
1897	54.810	46.617	280.129	120.664	195.615	52.448	37.704	293.134	88.519	246.746	1.416.386
1898	55.693	48.167	289.573	126.398	218.910	102.164	41.474	363.008	86.152	253.315	1.584.854
1899	60.273	16.073	310.297	139.424	219.276	110.756	48.108	358.170	95.496	270.440	1.673.313
1900	62.070	69.840	316.808	137.361	203.964	117.919	55.739	373.948	96.230	270.249	1.704.128
1901	61.815	68.815	312.991	154.070	219.922	163.472	57.193	392.491	89.974	277.913	1.798.656
1902	64.391	66.103	34.593	146.802	205.732	462.808	63.013	408.963	86.431	261.948	1.800.784

[1]) Въ томъ числѣ—отъ казенной продажи питей 10.963 тыс. руб.

[2]) Въ доходахъ отъ казенныхъ жел. дорогъ за 1896 г. заключается сборовъ за прежнее время, остававшихся въ депозитахъ—28,9 милл. руб.

Годы.	Чрезвычайные доходы.				Всего вообще.	Причислено къ рессурсамъ казны остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ.		
	Займы.	Поступленія въ возвратъ расходовъ на жел. дор. и остатки ж. д. капиталовъ.	Поступленія изъ спеціальныхъ капиталовъ и другихъ источниковъ.	Итого.		Обыкновенныхъ.	Чрезвычайныхъ.	Итого.
1895	156.937 (147.730)	5.338	—	162.275 (153.068)	1.418.094 (1.397.430)	20.255	5.126	25.381
1896	32.917	10.584	—	43.501	1.412.220	59.278	2.810	62.088
1897	40.027	2.313	251	42.591	1.458.977	12.947	552	13.499
1898	82.756	3.522	1.540	87.818	1.672.672	11.306	5.781	17.087
1899	181.675	869	1.305	183.849	1.857.162	7.954	4.101	12.055
1900	31.496	188	885	32.569	1.736.697	59.991	4.050	64.041
1901	160.046	1.991	1.640	163.677	1.962.333	—	—	—
1902	1.800	—	—	1.800	1.802.584	—	—	—

ТАБЛИЦА VI.

Государственные расходы (въ тысячахъ рублей).

Годы.	Обыкновенные расходы.															
	Платежи по государственнымъ долгамъ.	Высшія государственныя учрежденія.	Духовное вѣдомство.	Министерство Императорскаго Двора.	Министерство Иностранныхъ дѣлъ.	Военное Министерство.	Морское Министерство.	Министерство Финансовъ.	Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.	Министерство Внутреннихъ дѣлъ.	Министерство Народнаго Просвѣщенія.	Министерство Путей Сообщенія.	Министерство Юстиціи.	Государственный Контроль.	Главное Управленіе Государственнаго Коннозаводства.	Итого.
1895	284.898	2.464	13.809	12.678	5.166	285.444	57.155	140.649	29.933	86.193	23.573	162.950	26.097	5.340	1.461	1.137.810 (1.129.439)
1896	268.214	2.805	17.571	14.450	4.860	294.359	59.531	188.545	31.920	90.205	24.995	195.971	27.955	6.166	1.497	1.229.044
1897	258.558	2.730	19.806	12.968	4.930	293.789	85.275[1]	204.325	33.172	80.458	26.476	226.861	41.832	6.868	1.601	1.299.649

1889	273.514	2.840	20.437	12.740	5.018	303.277	67.289	214.332	35.616	80.176	26.921	264.995	42.335	7.086	1.699	1.358.275
1899	275.755	3.193	21.247	12.984	5.537	333.579	83.612	237.233	37.158	81.633	29.127	288.187	44.829	7.383	2.116	1.463.573
1900	266.959	3.225	23.691	12.905	5.387	333.541	88.561	280.952	40.661	87.437	33.588	322.985	45.955	7.730	1.851	1.555.428
1901	275.510	3.349	24.068	12.924	5.385	326.018	93.598	315.314	40.904	88.255	33.594	383.359	46.255	7.119	1.600	1.657.252
1902	286.460	3.081	27.954	15.715	5.867	325.639	98.319	335.198	43.243	93.187	36.624	435.548	47.392	7.639	2.047	1.763.913
							Фондъ на непредусмотрѣнные смѣтами расходы. . .									12.000
																1.775.913

[1]) Въ томъ числѣ заключается дополнительное сверхсмѣтное назначеніе на судостроеніе—25 милл. руб.

ТАБЛИЦА VII.

Государственные расходы (въ тысячахъ рублей).

Годы.	Чрезвычайные расходы.								Всего вообще (вмѣстѣ съ обыкновенными).	Въ томъ числѣ заключается расходовъ.		
	На сооруженіе жел. д. и выкупъ частныхъ жел. дор. въ казну.	На выдачу ссудъ обществамъ желѣзныхъ дор.	На досрочное погашеніе и конверсіи займовъ и операціонные расходы.	На усиленіе размѣннаго фонда и погашеніе безпроцентнаго долга.	На вознагражденіе за отмѣну права пропинаціи.	На удовлетвореніе потребностей, вызванныхъ неурожаемъ.	На судостроеніе и расходы по военнымъ обстоятельствамъ.	Итого.		Исполненныхъ. Въ отчетномъ году.	Исполненныхъ. Въ теченіе льготнаго срока.	Подлежащихъ отпуску продолженныхъ кредитовъ строительныхъ и по кредиторскимъ спискамъ.
1895	101.547	-	123.888	157.574	—	-	--	383.009	1.520.819	1.282.495	59.120	179.204
	(101.407)		(117.502)	(147.725)				(366.634)				
1896	132.358	--	5.208	117.743		--		255.309	1.484.358	1.209.728	78.880	195.745
1897	130.671	—	33.000	31.278	--	--	--	194.949	1.494.598	1.260.653	61.073	172.872

1898	114.474	24.800	64.447	75.000	10.000	35.215	90.000	413.936	1.772.211	1.445.306	69.979	256.926
1899	102.509	60.367	100.260	50.000	2.803	5.600	—	321.539	1.785.112	1.521.762	65.916	197.434
1900	131.046	85.895	4	50.000	5.000	—	61.843	333.788	1.889.216	1.666.951	68.948	153.317
1901	53.346	82.000	6.099	—	7.500	20.000	18.585	187.530	1.844.782	—	—	—
1902	165.659	—	—	—	5.000	—	—	170.659	1.946.572	—	—	—

ТАБЛИЦА VIII.

Обыкновенные государственные доходы,

поступившіе въ 1902—1906 гг. [1]) и предположенные по проекту росписи на 1907 годъ.

§§ росписи.	Наименованіе доходовъ.	Поступило. 1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	Предположено по проекту росписи на 1907 г.
		Тысячи рублей.					
	Отдѣлъ I. Прямые налоги.						
1	Налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати	49.801	49.884	49.527	45.316	60.545	60.236
2	Государственный промысловый налогъ . . .	65.933	67.590	67.027	62.048	82.260	77.052
3	Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ	17.347	17.757	18.325	19.532	19.857	20.547
		133.081	135.231	134.879	126.896	162.662	157.835
	Отдѣлъ II. Косвенные налоги.						
4	Сборы съ питей	39.085	34.173	29.794	29.771	39.157	32.917
5	Табачный доходъ	45.374	49.028	48.719	46.586	59.786	49.423
6	Сахарный доходъ	81.277	75.542	78.817	78.734	108.959	101.964

7	Нефтяной доходъ	29.649	31.967	34.785	29.948	29.849	34.953
8	Спичечный доходъ	8.163	8.074	7.672	10.820	14.983	13.352
9	Таможенный доходъ	224.990	241.466	218.794	212.795	243.149	224.255
		428.538	440.250	418.581	408.654	495.883	456.864
	Отдѣлъ III. Пошлины.						
10	Гербовыя, судебныя, канцелярскія и съ записи документовъ	45.112	48.981	48.377	46.887	53.803	51.914
11	Съ переходящихъ имуществъ	23.761	24.665	22.750	20.423	21.973	23.100
—	Съ паспортовъ	62	—	—	—	—	—
12	Съ товаровъ и судовъ въ портахъ.	3.992	3.530	3.493	3.006	3.236	2.858
13	Съ пассажировъ и грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ въ пассажирскихъ и и товаро-пассажирскихъ поѣздахъ	15.589	16.739	17.054	15.632	18.589	18.200
14	Съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ . .	4.137	4.116	4.258	4.294	4.583	4.300
15	Пошлины разныхъ наименованій	8.432	9.259	8.317	9.753	10.567	8.909
		101.085	107.290	104.249	99.995	112.751	109.281

[1]) Свѣдѣнія о поступленіи доходовъ извлечены: за 1902—1905 гг. изъ отчетовъ Государственнаго Контроля объ исполненіи росписей и финансовыхъ смѣтъ и за 1906 г. изъ предварительной кассовой отчетности, полученной Министерствомъ Финансовъ.

§§ росписи.	Наименованіе доходовъ.	Поступило. 1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	Предположено по проекту росписи на 1907 г.
		Тысячи рублей.					
	Отдѣлъ IV. Правительственныя регаліи.						
16	Горный доходъ	2.720	347	196	63	35	244
17	Монетный доходъ	3.650	5.570	4.374	5.099	5.257	6.902
18	Почтовый доходъ	34.431	36.677	40.807	43.184	45.778	47.957
19	Телеграфный и телефонный доходы	20.445	21.597	25.575	28.057	28.258	28.390
20	Доходъ отъ казенной винной операціи	484.558	542.288	543.484	609.365	697.543	673.050
		545.804	606.479	614.436	685.768	776.871	756.543
	Отдѣлъ V. Казенные имущества и капиталы.						
21	Оброчныя статьи и промыслы	25.164	24.419	24.446	26.824	21.933	24.740
22	Лѣсной доходъ	58.219	62.051	60.053	52.102	57.836	54.314
23	Казенныя желѣзныя дороги	407.912	453.354	454.588	431.503	491.137	489.000
24	Казенные заводы, техническіе завед. и склады.	13.581	11.365	12.522	15.438	11.819	15.434
25	Прибыли отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій	17.387	17.104	17.709	23.622	17.436	23.500
26	Прибыли отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ	1.453	2.363	2.334	3.560	407	659
		523.716	570.656	571.652	553.049	600.568	607.647

	Отдѣлъ VI. Отчужденіе государственныхъ имуществъ.						
27	Доходъ отъ продажи недвижимыхъ имуществъ	929	658	818	674	736	504
	Отдѣлъ VII. Выкупные платежи.						
28	Съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ	38.669	38.105	35.204	24.369	16.818	
29	Съ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ	2.678	2.639	2.467	1.611	643	508
30	Съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ . .	48.394	48.041	43.943	29.446	17.533	
		89.741	88.785	81.614	55.426	34.994	508
	Отдѣлъ VIII. Возмѣщеніе расходовъ государственнаго казначейства.						
31	Обязательные платежи обществъ жел. дорогъ.	7.614	12.276	11.957	11.552	6.902	8.159
32	Возвратъ ссудъ и другихъ расходовъ	31.948	33.186	31.124	30.150	35.153	31.699
33	Пособія государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ	19.947	21.958	27.461	23.861	19.779	26.360
34	Военное вознагражденіе	15.566	7.751	11.725	12.167	10.248	10.691
		75.075	75.171	82.267	77.730	72.082	76.909
	Отдѣлъ IX. Доходы разнаго рода.						
35	Разные мелкіе и случайные доходы	7.435	7.281	9.765	16.366	14.692	8.872
	Итого	1.905.404	2.031.801	2.018.261	2.024.558	2.271.239	2.174.963

ТАБЛИЦА IX.

Государственные расходы (въ тысячахъ рублей).

А. Обыкновенные расходы.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Министерство Императорскаго Двора	17.528	15.941	15.355	16,537	16.359	16.359
Государственный Совѣтъ	916	1.007	1.030	1.227	1.286	2.033
Государственная Дума	—	—	—	—	1.800	1.945
Государственная Канцелярія	1.096	1.295	1.229	1.656	1.171	1.584
Канцелярія Совѣта Министровъ	—	—	—	—	—	150
Собственная Е. И. В. Канцелярія	963	861	866	752	741	741
Канцелярія Е. И. В. по принятію прошеній	531	489	614	578	530	530
Вѣдомство Святѣйшаго Синода	28.164	28.517	29.062	28.944	29.017	29.300
Министерство Внутреннихъ дѣлъ	94.078	100.261	105.660	112.729	131.467	138.407
Министерство Финансовъ	319.676	350.778	340.860	330.912	363.935	414.598

Министерство Юстиціи	47.114	49.112	50.729	50.074	51.991	53.428
Министерство Иностранныхъ дѣлъ	6.063	6.116	6.019	5.898	5.905	6.051
Министерство Народнаго Просвѣщенія	36.851	39.433	42.518	42.911	44.165	50.906
Министерство Путей Сообщенія	440.299	449.393	449.036	448.964	474.664	502.889
Въ томъ числѣ казенныя жел. дороги	406.267	414.097	416.400	415.112	442.670	471.498
Министерство Торговли и Промышленности	33.850	39.393	34.581	35.163	31.428	31.559
Главное Управл. Землеустр. и Земледѣлія	27.174	31.470	30.109	31.695	35.457	45.827
Главное Управл. Госуд. Коннозаводства	2.168	2.077	1.865	1.827	1.839	1.762
Военное Министерство	346.770	354.759	376.645	381.780	381.902	393.747
Морское Министерство	100.405	113.937	112.918	116.694	104.065	81.002
Государственный Контроль	7.640	8.383	8.980	9.056	9.712	9.584
Платежи по государств. займамъ	290.798	289.759	298.705	306.965	335.114	380.724
На расходы, не предусмотр. росписью	—	—	—	10.000	10.000	10.000

Прим. Особый фондъ на расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, началъ вноситься въ роспись съ 1884 г., сначала въ размѣрѣ 3 милл. руб. Въ 1895 г. фондъ достигъ 12 милл. руб. Въ 1905 г. фондъ былъ сокращенъ до 10 милл. руб.

	1906 г.	1907 г.
В. Чрезвычайные расходы.		
Министерство Внутреннихъ дѣлъ	51.185	62.297
Въ томъ числѣ на помощь неурожайнымъ губ.	30.000	61.157
Министерство Финансовъ	—	14.500
Въ томъ числѣ на выдачу ссудъ О-ву Китайско - Восточной жел. дороги	—	7.500
Министерство Путей Сообщенія	95.171	62.342
Въ томъ числѣ на постройку жел. дор.	42.314	48.155
„ „ „ „ расходы по русско-японск. войнѣ	52.831	43.987
Военное Министерство (русско-японск. война)	259.740	97.000
Морское Министерство (то же)	13.556	8.998
Государственный Контроль	26	438
Платежи по государственнымъ займамъ	—	52.978
На уплату капитала по краткосрочнымъ обязательствамъ государственнаго казначейства выпуска 1906 года.		
На расходы разныхъ вѣдомствъ по русско-японск. войнѣ	43.408	—
На выдачу ссудъ нефтепромышленникамъ	15.000	—
Итого	478.242	298.554
Всего обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ (рублей)	2.510.972.775	2.471.684.872

BIBLIOTHEK DES SEMINARS FÜR ORIENTALISCHE SPRACHEN BERLIN

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

400382
JUN 29 '73 H
CANCELLED
JUN 29 1973

AUG 31 '73 H
CANCELLED
AUG 31 1973

JUL 28 '73 H
CANCELLED
JUL 28 1973

JUN 6 1975
CANCELLED
JUN 6 1975

OCT 4 '75 H
CANCELLED
OCT 4 1975

CANCELLED
OCT 29 1977

JUL 14 1977
CANCELLED
JUL 14 1977

CANCELLED
CHARGE